

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Национальный научный центр морской биологии
им. А.В. Жирмунского ДВО РАН

О.И. КИРИЛЛОВ

В ПОИСКАХ ПАНАЦЕИ

Владивосток
ООО «Дальнаука»
2026

УДК 929: 615
ББК 72.6:52.81

Ответственный редактор:
доктор биологических наук, профессор,
главный учёный ННЦ морской биологии ДВО РАН А.Л. Дроздов

Рецензенты:
А.В. Кропотов – доктор медицинских наук,
профессор Тихоокеанского медицинского университета;
А.Ю. Звягинцев – доктор биологических наук, доцент,
ведущий сотрудник ННЦ морской биологии им. А.В. Жирмунского

Составитель: Э.И. Хасина

Кириллов О.И.

В поисках панацеи. – Владивосток: Дальнаука, 2026. – 240 с.

ISBN 978-5-8044-1763-6

Перед вами книга, подготовленная к 90-летию О.И. Кириллова – известного физиолога и фармаколога, рассказывающая о его пути в науку, жизни и научной деятельности, в течение пятидесяти пяти лет трудившегося в Дальневосточном отделении Российской академии наук (пережил четыре его преобразования).

Наибольшую известность получили его исследования механизмов хронического стресса и способов его фармакологической регуляции с помощью лекарств из природного сырья. Регуляторный подход О.И. Кириллова к преодолению стресса стал фундаментом для ряда научных направлений в физиологии и фармакологии. О.И. Кириллов – представитель плеяды учёных-медиков, сформировавших науку фармакологию на Дальнем Востоке.

Эта научно-популярная книга адресуется специалистам научных дисциплин физиологии и фармакологии, ветеранам ДВО РАН, молодым людям, начинающим путь в науке, широкому кругу лиц, желающих знать «Науку в лицах».

Издание осуществлено при финансовой поддержке
И.О. Кириллова, К.О. Кириллова

Издано по решению Ученого совета
ННЦ морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН.

Материалы из семейного архива О.И. Кириллова предоставил К.О. Кириллов.
Рисунки О.И. Кириллова воспроизведены Д.А. Воронковой.

© Хасина Э.И, составитель, 2026
© Кириллов И.О., 2026
© Кириллов К.О., 2026
© ННЦ морской биологии
им. А.В. Жирмунского ДВО РАН, 2026
© ООО «Дальнаука», 2026

ISBN 978-5-8044-1763-6

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Олег Иванович Кириллов (01.02.1937–14.08.2020) работал в Институте биологии моря имени А.В. Жирмунского ДВО РАН с 1973-го до 2016 года. Он пришел в ИБМ в составе Отдела физиологии и фармакологии, а когда тот полным составом перешёл в Тихоокеанский институт океанологии имени В.И. Ильичева ДВО РАН, то он остался в лаборатории морской фармакологии ИБМ.

Олег Иванович был очень активным, инициативным сотрудником. Много лет он возглавлял выставочную группу института, представляя его достижения на разных форумах и выставках. Его хлопотами было получено несколько медалей, грамот и других поощрений на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. Мы с ним часто пересекались на заседаниях ученых советов: Ученого совета института и Специализированного совета по защитам диссертаций. На послезачитных чаепитиях с ним было весело и интересно: он оригинально мыслил и умел разговаривать. Он усовершенствовал методы корифеев психоанализа прошлого века, поняв, что с людьми надо разговаривать. В общении чувствовалась его самобытность, он – потомственный медик (отец профессиональный военврач, а мать – медсестра, помогавшая мужу), взросление и становление Олега выпало на годы войны. Пришлось немало хлебнуть горя, хотя, благодаря деду удалось эвакуироваться в тыл. Но дед и бабушка вскоре умерли, и двоим братьям и двухлетней сестре, оставшимся сиротами, пришлось помываться. Ходили по деревням с торбочками, прося милостыню у людей, которые сами голодали.

Для того чтобы попрошайничать, надо преодолеть психологический барьер. Не каждому удастся перешагнуть его. По-видимому, ребёнку подобный переход легче даётся. В любом случае – это душевная травма, остающаяся на всю жизнь. Теперь для неё используется термин «стресс». Этот термин из научного лексикона прочно вошёл в повседневную речь, а научные медико-биологические публикации в настоящее время насчитывают сотни тысяч источников (Дыгало, 2007). Явление стресса выявлено не только при травмировании взрослых организмов, но и при стрессовых воздействиях на эмбрионы (Отеллин и др., 2007).

В нашей стране изучение стресса не сразу получило распространение. В 1950 году на Объединённой сессии АН СССР и АМН СССР концепция стресса была признана ненаучной, и работы в её рамках не были рекомендованы. Однако уже в 1960 г. в СССР была издана монография Г. Селье «Очерки об адаптационном синдроме». Тем не менее, когда в 1964 году Олег Иванович в Томском мединституте

защитил кандидатскую диссертацию, её сразу не утвердили. Пришлось ехать в Москву и на пленуме Всесоюзной аттестационной комиссии Совета Министров СССР опять активно защищаться. По материалам диссертации была написана и издана монография «Опыт фармакологической регуляции стресса» (Владивосток, 1966). Когда в 1973 году там же, в Томске, была защищена докторская диссертация на тему стресса, то в ВАКе её уже не утвердили категорически без права апелляции. Сыграла свою роль и резолюция Объединённой сессии АН СССР и АМН СССР.

В том же 1973 году Отдел физиологии и фармакологии адаптаций из ИнБАН ДВНЦ АН ССР перешёл в Институт биологии моря ДВНЦ АН СССР, а Олег Иванович занял должность заведующего лабораторией физиологии. Лаборатория активно работала (Кириллов, 2005). Под его руководством было защищено одиннадцать кандидатских диссертаций. В ИБМ Олегу Ивановичу было комфортно. До этого он поработал в Биолого-почвенном институте ДВНЦ АН СССР и в Институте биологически активных веществ ДВНЦ АН СССР. В ИБМ он чувствовал особую атмосферу, созданную сотрудниками – ленинградцами. Следует заметить, что ленинградец, известный токсиколог и фармаколог Н.В. Лазарев сыграл важную роль в духовно-интеллектуальном становлении учёного О.И. Кириллова. За полувековую историю института в его штате числилось более 80 сотрудников, получивших образование в Ленинграде. Жизнь в этом городе не проходит бесследно. Город с удивительной историей XX века: три революции, ленинградская блокада в Великую отечественную войну, «ленинградское дело» конца 1940-х-начале 1950-х годов, «лысенковщина». Неспроста в Ленинграде сформировалось особое литературное направление – поэтика стоицизма. Яркое оно выражено в стихотворении Александра Кушнера.

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете нет,
Чем кланчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять...
Время – это испытанье.
Не завидуй никому.

или знаменитые «Атланты» Александра Городницкого:

Когда на сердце тяжесть

И холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерки приди.
Где без питья и хлеба,
Забытые в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках.
Держать его, махину, –
Не мёд со стороны...

Хотя Олег Иванович не жил и не учился в Ленинграде, но не простая судьба сделала его стойким. В 1996 году Кириллов защитил диссертацию на степень доктора медицинских наук в Специализированном совете П.А. Мотавкина Д 084.24.01 при Владивостокском медицинском университете по специальности «14.00.23 – гистология, цитология и эмбриология». Позже он создал свой Диссертационный совет по специальности 03.00.13 – физиология (биологические и медицинские науки). Это дало серьёзный толчок развитию экспериментальных физиологических исследований в Дальневосточном регионе РФ.

Дроздов А.Л. Петербуржцы-ленинградцы в развитии морской биологии на Дальнем Востоке // Присягнувшие морю. Национальный научный центр морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН. – Владивосток: Изд-во ДВФУ. 2020. С. 27–36.

Дыгало Н.Н. Концепция «биологического стресса» (К 100-летию со дня рождения Ганса Селье) // Успехи физиологических наук. 2007. Т. 38, № 4. С. 100–102.

Кириллов О.И. Опыт фармакологической регуляции стресса. Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. Дальневост. филиал им. В.Л. Комарова. Ин-т биологически активных веществ. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1966. – 107 с.

Кириллов О.И. Стрессовая гипертрофия надпочечников: автореферат диссертации на степень доктора медицинских наук: 14.00.23 / Ин-т биологии моря. – Владивосток, 1996. – 43 с.

Кириллов О.И. Медико-биологические исследования в Институте биологии моря ДВО РАН // Вестник ДВО РАН. 2005. № 1. С. 51–61.

Отеллин В.А., Хожай Л.Ю., Ордян Н.Э. Пренатальные стрессовые воздействия и развивающийся головной мозг. Адаптивные механизмы, непосредственные и отсроченные эффекты. СПб: Деятка. 2007. 237 с.

*А.Л. Дроздов,
доктор биологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ННЦМБ ДВО РАН*

ОТ АВТОРА

Эти записки я написал много лет тому назад, в 1971 году. Рукопись даже прошла цензуру, как полагалось в те годы, и была принята к печати Дальневосточным книжным издательством. Не помню, по какой причине, но в последний момент я отказался от публикации.

Недавно я обнаружил рукопись в своих архивах и по просьбе моих детей и коллег решил её восстановить. Оказалось, что оригинал был довольно сух и касался только науки. Тогда я почему-то совсем не уделял внимания самой жизни, а в ней происходило много важного и интересного: мы с женой приехали на Дальний Восток, жили в Находке, переехали во Владивосток. Да и в повседневной жизни было много колоритных деталей. Чего стоят одни только поездки учёных в колхоз!

В переработанном более чем через сорок пять лет варианте, описываются ранние годы развития современной фармакологической науки на Дальнем Востоке, вплоть до 1966 года. Надеюсь, читателей увлечёт это повествование.

О.И. Кириллов
1 февраля 2017 г.

ДЕТСТВО ОЛЕГА КИРИЛЛОВА

(личные воспоминания)

Я записал эти воспоминания по просьбе моих взрослых детей, захотевших познакомиться с историей двух предшествующих поколений. Мой отец и мать вышли из обычных крестьянских семей. Судьба уготовила им серьезные испытания, самым ужасным из которых была война. Невыносимо то, что невзгоды войны коснулись и детей.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Родился я в городе Бор Горьковской области. Это на противоположном берегу Волги.

Мой отец – военврач, хирург, мать – старшая медсестра, которая освоила профессию самостоятельно, поскольку до войны отец, судя по фотографиям, работал в сельской больнице, где штат был минимальным.

Перед войной папу, как военврача, направили в Литву, в город Вильнюс. Там нам дали пятикомнатную квартиру. Для нас это была большая жилплощадь. Мне начертили на полу мелом восьмёрку, по которой я гонял на трёхколёсном велосипеде.

Первый жизненный опыт, который мне врезался в память на все последующие годы, связан с первым днём войны. Дедушка мне сказал, что отец и мать дежурят в госпитале, а мы должны собирать вещи на случай эвакуации. Мы укладывали вещи в большой ящик. Вдруг раздался взрыв, из окон полетели стёкла, меня взрывной волной перебросило в ящик.

Пришёл боец, сообщил, что через час подадут машины и нас эвакуируют. Жильцы дома столпились в арке. По мосту через Даугаву маршировали войска. Мне запомнились автоматы с круглыми магазинами на их спинах. Резко пахло порохом.

Примерно через час прибыло несколько грузовиков. Вопреки ожиданиям было объявлено, что погрузка тяжёлого багажа отменяется, надо ограничиться минимумом – сумками, портфелями, сетками. Мы сгрудились в кузове, стоя, тесно прижимаясь друг к другу, и грузовики тронулись цепью один за другим. В это время мама отпросилась на несколько минут у отца, чтобы сбежать домой проверить, как

обстоят дела, но пока она бежала, в город вошли немцы, и возвращение её в часть оказалось невозможным. В результате мама на долгие годы войны попала в плен.

Между тем грузовики двигались по обочине дороги. По основной дороге мчались немецкие мотоциклисты, весело помахивая нам руками. С какого-то момента над нами понеслись немецкие самолёты. К вечеру по мосту, идущему перпендикулярно шоссе, прогремел немецкий грузовой поезд с пушками, укреплёнными на открытых платформах. Шоссе шло вдоль железной дороги, и уже затемно мы оказались на вокзале и получили указание немедленно грузиться в ожидавшие нас теплушки.

Поезд двинулся на восток – прочь от войны. Во время коротких остановок на станциях было принято, сломя голову, бегать на водопровод с чайниками набирать кипятка. Помню налёт немецких самолётов во время одной из таких стоянок. Все бросились в деревянный сарай, давя друг друга. По крыше сарая четко прошлась строка немецкого пулемёта.

Во время этой суматохи дед потерял меня. На каждой станции он метался по вагонам, спрашивая, не находили ли потерявшегося мальчонку. И нашёл! Два дня, пока продолжался розыск, я ехал, пригретый сердобольными попутчиками.

Наконец мы прибыли в Горький к Варнаковым, хорошим знакомым отца. И попали в рай. Дед Варнаковых работал в Вознесенском Печёрском монастыре хозяйственником. Его жена, тётя Катя, милая старушка, окружила нас любовью и заботой. Старшее поколение Варнаковых задолго до войны запаслось продуктами. В погребе были и сало, и всевозможные соленья, и мёд. К сожалению, эта райская жизнь продолжалась недолго.

Над Волгой пролетел немецкий самолёт, имевший задачу разбить мост. Самолёт отогнали зенитчики, но дедушка с бабушкой решили не испытывать судьбу вторично и двинулись подальше вглубь страны.

КОТЛОВКА

Из Горького дедушка и бабушка (по папиной линии) перебрались в село Котловку на Каме (Елабужский район Татарской АССР), откуда были родом. В Котловке у них когда-то был пятистенный дом, но, когда мы приехали, оказалось, что теперь в нем расположился сепаратор для переработки молока.

Село запомнилось мне совсем не большим – домов 30. А каким оно было на самом деле? Там было несколько брошенных изб с заколоченными окнами. Одну из них нам и выделили. Дед предположил, что под крыльцом могут быть закопаны предметы обихода прежних хозяев и не ошибся – мы действительно нашли там домашнюю утварь: тарелки, ложки, вилки, жестяной чайник. Дедушка стал работать паромщиком на Каме. В свободное время он бродил по деревням и обменивал на еду сохранившиеся вещи.

В конце 1942 года пришла похоронка на отца – он погиб под Ленинградом. Папа был не убит, а умер от сыпного тифа. Поздней осенью дед упал с парома в холодную воду, заболел и умер, через месяц умерла и бабушка.

Итогом всех этих перипетий стало то, что мы, трое детей, остались одни: старший брат Игорь, 11-и лет, я 4-х лет и сестра Люся, 2-х лет. Казалось бы, в этих воспоминаниях должно было бы быть много слез, но мы были маленькие, и печали особой я не помню.

Так мы и жили одни в избе на обрыве Камы. По идее, нам должны были хлеб выдавать, но я не помню, как мы его получали. Днем мы ходили по ближайшим домам, собирали милостыню. Изба, в которой мы жили, располагалась на обрыве Камы. Летом я с братом скатывался вниз к воде. Чайник у нас был, с помощью него мы ловили мелкую рыбешку, из которой потом готовили какую-никакую уху. Игорь смастерил из проволоки крючок, на который мы ловили ершей. Правда, вытащить ерша из воды было нелегким делом, и за все время нам удалось сделать это только несколько раз. В конце лета на лугах около Котловки появлялись шампиньоны, и мы их собирали. Два раза в неделю мы ходили на сепаратор, где сердобольные работницы наполняли нам бидон обратом (сывороткой).

В августе в Котловку приехала тетя Оля, наша тетка по маме. В летний период она не могла это сделать, поскольку работала геологом. Брат был устроен в суворовское училище. Эти заведения тогда открывали одно за другим для детей погибших офицеров. Игорь стал учиться в Воронеже. Это был первый набор.

Потом тетя Оля приехала за нами. Она повезла нас в дошкольный детский дом в город Елабугу. Добраться до Елабуги надо было по Каме – около 30 километров против течения, на большой лодке, в которую набивалось человек двадцать. Мотора не было, поэтому взрослые, в том числе тетя Оля, по очереди вылезали из лодки, впрягались в лямку и тащили лодку как бурлаки.

ДЕТДОМ

Дошкольный детский дом в Елабуге, в который мы с сестрой попали, имел два этажа. Первый этаж был кирпичным, второй деревянным. Дом выходил на улицу, а к правой части его примыкал большой двор с воротами. Постройки внутри двора располагались квадратом. На уровне первого этажа имелись двери в конюшню и подсобные помещения. На уровне второго этажа во всю длину задней стены тянулись антресоли, их функциональное назначение я не помню, скорее всего, на втором этаже хранился овёс для лошади.

В детском доме жило не менее сотни человек, управлялись с этой оравой всего две молоденькие воспитательницы в возрасте около 18 лет. Заведовала детским домом пожилая и вечно озабоченная делами женщина. Во дворе командовал конюх, которого почему-то звали дядя Люся, к конюху прилагалась тощая и безропотная лошадь. В трудовой коллектив входили также две поварихи, в обязанность которых, помимо приготовления обедов, входило раз в десять дней производить помывку отчаянно сопротивлявшихся этому мероприятию детей.

– Какие вы тощенькие и худенькие, – причитали женщины, не забывая изо всех сил надраивать подстриженные головы, чумазные лица и грязные спины подопечных.

Ночевали мы в обширной спальне. Подъем был в 7 часов утра. После туалета, умывания, зарядки строем следовали в санитарную комнату, в которой стояли длинные скамейки. Независимо от пола стягивали трусики и маечки, ставилась задача: «искать в нижнем белье вшей». По окончании столь ответственной процедуры строем переходили в столовую. Чем нас кормили, я не помню, но совершенно точно, периодически, в тарелках мы находили кусочки мяса.

Удивительно, что, несмотря на постоянное недоедание, я отказывался от борща, потому что не переносил свеклу. Кульминационным моментом принятия пищи была раздача хлеба, нарезанного кусками, большие подносы с которыми ставили на стол. Глаза всех в этот момент концентрировались на горбушках. Следовала команда: «Хлеб взять!». Верхом удачи считалось схватить первым заветную горбушку.

Зимой между завтраком и обедом воспитательницы читали нам книжки, объясняли, что изображено на картинках, обучали буквам. В пять лет я уже довольно бойко читал. Кроме того, нас учили писать, писали мы на старых газетах. Диву даёшься, как эти хрупкие девчушки всё успевали. Во второй половине дня мы катались на санках, сделанных дядей Люсей.

Отбой был в 9 часов вечера. Все шли в спальню и раздевались. Минут через 15 поступала команда: «Закрыть глаза!», при этом воспитательница, как маятник, ходила между кроватями с тонким ремнём и зорко следила за выполнением приказа. Естественно, в подобной ситуации всегда возникало искушение понять, когда она прошла мимо и хотя бы на мгновение открыть глаза. Но если воспитательница успевала обернуться, сам виноват, что получил по заслугам.

Весной дядя Люся с помощью своей лошади плугом вспахал детский огород. Каждый получил надел определённого размера и самостоятельно его обрабатывал. Мне выделили большую, как тогда казалось, грядку, засеянную морковью. В наши обязанности входили поливка и прополка. Летом в жаркие дни воспитательницы ходили с нами на речку, взяв в поход корзину с хлебом. Они говорили: «На свежем воздухе хлеб кажется сахаром». Какое-то время я понимал эту фразу буквально, а когда дошёл до истины, что-то потерялось – я был разочарован. Мальчишкам разрешалось входить в воду по шею, а девочкам – до пояса.

Осенью все с нетерпением ждали результатов сбора урожая. Про то, какая у меня уродилась морковь, я не помню, но помню, что пир был на весь мир, центральное место пиршества занимала картошка. Поварихи сливали воду из кастрюли, после чего мы по очереди выхватывали из неё горячие картофелины и катали их на ладонках, пока они не остывали. Когда можно было начинать еду, мы выгрызали мякоть неочищенной картошки по кругу в виде кольца так, чтобы оставалось две, соединённых друг другом, половинки. Мне уже больше 70 лет, но этот разработанный детдомовцами метод уплетать картошку в мундире я использую до сих пор.

1-й КЛАСС

В 1944 году я достиг возраста, когда надо было идти в школу. Из дошкольного детдома семилетних детей переводили в школьный детдом, который был расположен рядом. Учиться воспитанники школьного детдома ходили в городскую школу. Меня ждало расставание с сестрой на целых два года. К обоюдной радости, время распорядилось иначе. В сентябре 1944 года обстановка на фронте изменилась в пользу нашей армии. В подобной ситуации было решено детей, содержащихся в дошкольном детском доме, не переводить сразу в школьный детский дом, а на первый год обучения оставить на месте и оттуда ежедневно вводить в городскую школу.

Так что 1 сентября новоиспеченные ученики построились парами и, взявшись за руки, в сопровождении воспитательницы пошлёпали в школу. Вряд ли во дворе школы мы пережили нечто подобное в современной процедуре первого звонка, но я хорошо запомнил тот момент, когда воспитательница ввела нас в класс, половина парт была занята домашними детьми. За время жизни в детдоме мы практически не общались с домашними детьми и ничего о них не знали, поэтому при первой встрече заробели.

Нашу учительницу звали Раиса Филипповна. Она начала общение с нами с беседы о том, какие широкие горизонты открывает перед человеком знание.

– А теперь, – спросила она, – скажите мне, что имеет самую большую силу на земле?

В силу возраста, мы перепутали вопрос «Что?» с «Кто?» и стали гадать: лев, тигр, медведь, волк.

– А вот и нет, – поправила Раиса Филипповна, – самую большую силу имеет труд.

Раиса Филипповна рассадила учеников по принципу «детдомовец – домашний». Этот приём позволял ей уравновесить распределение учеников по партам.

В первом классе мы узнали, что школьники пишут не на газетной бумаге, а в тетрадях, и что тетради бывают разные: в прямую линейку, в косую линейку и в клеточку. Через какое-то время выяснилось, что, несмотря на своеобразие условий обучения, некоторые из детдомовцев обладают большим объёмом знаний, чем домашние дети. Это заставило Раису Филипповну реформировать предложенную ей систему распределения учеников по партам. В новом варианте, более сильные ученики подсаживались к более слабым, независимо от того, были ли они детдомовцами или жили дома. Меня отнесли к группе «сильных».

Подшефного, сидевшего со мной за одной партой, звали Володя. Его отец служил начальником лагеря для немецких военнопленных. Я периодически ходил в эту семью, что давало возможность иногда обедать у них. Кроме того, для охранников военнопленных раз в неделю показывали фильмы. Правда, за всё время я увидел только два фильма: «Иван Никулин – русский матрос» и «Сильва».

Надо сказать, что учёба в городской школе расширяла наш кругозор. Перед Новым годом старшеклассники готовили пьесу А.Н. Островского «Снегурочка». Мы, первоклассники, тоже участвовали в постановке. В сцене прихода Весны мы танцевали и пели хором, изображая прилёт птиц:

Сбирались птицы,
Сбирались певчи,
Стадами, стадами.
Садились птицы,
Садились певчи,
Рядами, рядами...

К сожалению, когда надо было выступать, я заболел малярией. Я бредил, мне чудилось, что на тумбочке стоит маленькая девочка в красном платье с белым горошком, а в окно заглядывает солнце с жёлтыми лучами. Потом, когда я в мединституте проходил инфекционные болезни, случайно бросил взгляд на открытую иллюстрацию в учебнике и узнал этот мираж солнца в главе о лечении малярии акрихином.

В конце зимы я получил письмо от тёти Оли, оно было прочитано мною не менее десяти раз. Тётя Оля сообщала мне и Люсе, что нашлась наша мама.

МАМА

Как сообщалось ранее, в первые дни войны, когда поступило указание эвакуировать мирное население, мама попросила у отца разрешение на несколько минут сбежать из госпиталя домой, чтобы узнать, как идут дела. Никто не мог предположить в тот момент, когда она будет бежать к дому, немцы начнут входить в город, и мама окажется отрезанной от своих родных на целых четыре года.

Захваченных жён офицеров, не успевших эвакуироваться из Вильнюса, немцы разместили в клубе, надеясь в случае необходимости обменять на них своих пленных.

Надо заметить, что, несмотря на разговоры о неготовности СССР к войне, система организации подпольных действий работала образцово. Подпольщики сразу приняли во внимание то, что среди неуспевших эвакуироваться оказалась хирургическая медсестра. Когда среди подпольщиков появились раненые, к охране клуба в ночное время наведывался посыльный. За бутылку шнапса он договаривался с постовыми, и они до утра отпускали маму для оказания медицинской помощи. Утром она возвращалась.

К сожалению, это длилось недолго. Маму и других женщин отправили на уборку репы к полякам. Работали с утра до вечера. Кормили одной пареной репой из корыта.

К зиме, когда наши войска начали теснить немцев на фронте, мама попала в концлагерь. Порядки здесь были суровые, дважды маму водили на расстрел. Немцы вытаскивали из строя евреев. Черноволосая из-за примеси татарской крови мама боялась, что за такую внешность её могут схватить, но всё обошлось.

Летом 1943 года маму вместе с другими заключенными повезли во Францию, где выставили для продажи на базаре. Там к ней подошёл пожилой мужчина и, показав ей фотографию, сказал:

– Если ты на этой фотографии узнаёшь себя, то иди за мной.

Он привел её в отдельно стоящий на окраине дом и предложил спуститься в погреб, пояснив:

– Здесь будешь жить, общаться ни с кем не надо. Я буду приносить тебе еду. Когда придёт время, я переведу тебя в другое место.

Незнакомца звали дед Лука. Он ни о чём её не расспрашивал и сам ничего о себе не говорил, иногда ночью включал радио и позволял слушать сводку Советского информбюро. Через какое-то время дед Лука повёз маму в горы к партизанам генерала де Голля, где она работала хирургической медсестрой до конца войны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

9 мая мы узнали, что кончилась война. К детдому подогнали грузовик, в кузове которого были сделаны скамейки из досок. Нас небольшими партиями целый день катали по городу.

Весна принесла и другое событие: смешанная группа из дошкольного детдома и домашних детей окончила первый класс. Поскольку у нас с Люсей нашлась мать, было решено, что меня в виде исключения не будут переводить в школьный детдом, как других детей, а оставят до отъезда, по-прежнему, в дошкольном. Впрочем, наш отъезд по ряду причин затянулся, и я весь второй класс проучился, не покидая дошкольного детского дома.

Существенным моментом новой жизни оказалось то, что новая партия первоклассников, как и все мы раньше, посещала школу в первую смену, а второклассники учились во вторую. Я оказался в достаточно выгодной ситуации – обедал не со всеми, а после них и один. Сердобольные поварахи накладывали мне в тарелку с супом мясо сверх нормы:

– Ешь, не стесняйся. Посмотри на себя в зеркало. Не можешь же ты ехать к маме таким скелетом.

Наличие лишнего по сравнению с другими детдомовцами года в возрасте в небывалой степени повысило мой авторитет в глазах дяди Люси. Он решил, что есть дополнительные основания, чтобы доверить мне лошадь, чем я очень гордился. В зимнее время он стал разрешать мне отвозить в плетёных санях в поле и сваливать там лошадиный навоз, а на обратном пути заезжать на базар. Воровать съестное у торговков воспитанники дошкольного детского дома никогда себе не позволяли, хотя в силу малого возраста мы могли практически беспрепятственно перемещаться под торговыми столами. Предметом всеобщего детского вождения тогда была так называемая «сера», а точнее жвачка, которая готовилась на молоке из смолы лиственницы.

В начале лета 1946 года, когда на Каме сошёл лёд, и открылась навигация, за нами приехал брат Игорь. Ему исполнилось уже 15 лет, он заметно возмужал и весь бурлил энергией. Игорь приехал в суворовской форме и свёл с ума всех старшеклассниц Елабужской городской школы.

Пароход, называвшийся «Москва», курсировал до Горького раз в неделю. Это было судно старой постройки, с укреплённой сзади огромной спасательной шлюпкой. Как Игорь не пытался достать билет, как ни убеждал начальника пристани, что везёт двух детей дошкольного детского дома для встречи с матерью, ничего не получалось. Наконец, Игорь за пол литру договорился о помощи с двумя мужиками, околавивавшимися на пристани. Оказалось, что в момент стыковки пароход соприкасается с пристанью всего на две минуты, за которые передаётся почта. Когда это случилось, Игорь перепрыгнул через борт, а мужики добросовестно передали ему меня и Люсю. После этого Игорь исчез. К нам подбежал матрос с вопросом, не видели ли мы суворовца. Мы с Люсей сообразили и показали в другую сторону.

Пароход поспешно загудел, гребное колесо с лопастями бодро закрутилось, и мы трое, Игорь, Люся и я, после долгих странствий и приключений поплыли домой. Постепенно мы перебрались к полюбившим нас бабушкам, ехавшим в четвертом классе. Пакет с едой на дорогу, выданный в детдоме, у нас был, правда, он быстро таял, но бабушки, чем могли, помогали. Кроме того, при отъезде из детдома нам на память вручили большую коробку с цветными карандашами. Игорь берёт эту коробку на случай, если у нас кончатся продукты.

Проблема была в том, что достаточно часто на пароход наведывались контролеры – Игорь исчезал, а мы с Люсей скрывались под сиденьями, иногда бабушки прятали нас в пустые корзины. Наконец Игорь попался. Мы с Люсей громко заревели. Пришёл капитан:

– Малышам сидеть смирно, а суворовец шагом марш за мной!

Игорь вернулся через полчаса. Он сказал капитану, что готов сполна заплатить за все три билета. Капитан проверил его документы, а затем долго беседовал с ним. Решение было следующее:

– Итак, суворовец, получишь на свою команду миски и будешь ежедневно являться с ними на камбуз.

До сих пор я вспоминаю этих веселых мужчин в тельняшках, которые каждый день ловили здоровенных рыбин, а потом жарили их на большой сковородке. Мы сидели напротив, ожидая своей порции, и пускали слюни, потому что раньше такого угощения не пробовали.

Пароход прибыл в Горький 22 июня к вечеру. Оказалось, что мама встречала нас на пристани в течение пяти дней, но перед самым приходом ей сказали, чтобы она шла домой хотя бы до утра. Мама ещё плелась до дома, когда Игорь бегом тащил нас через парк, расположенный против дома. Мы вошли в подъезд почти одновременно. В квартире напротив тёти Оли стояла худая, забытая нами мама. Она кинулась к нам и прижала к груди всех троих сразу.

РОДСТВЕННИКИ МАМЫ

Через два дня нас с Люсей привели к старенькой бабушке. Мама объяснила, что у каждого ребёнка бывают две бабушки. Одна бабушка – та, которая была у нас в Котловке, – это папина мама, другая бабушка – та, с которой вы сейчас знакомитесь, это моя мама. Бабушка, с которой нас знакомили, была совершенно слепа. Она стала ощупывать нас, а потом расспросила, как мы жили в детдоме и как доехали домой.

У слепой бабушки, считая маму, было 20 детей. Их судьба сложилась по-разному, и жили они в разных городах. Моя мама вышла замуж за нашего отца, а потом везде ездила с ним. Отец в первое время работал хирургом в сельской больнице. Мама тоже стала работать в больнице, помогая отцу. Постепенно под его наблюдением она освоила дело хирургической медсестры. В те годы со средним медицинским персоналом было трудно.

Тётя Нюра, старшая из маминых сестёр, вышла замуж за комиссара В.М. Азина, его роль в отряде Волжской речной флотилии можно сравнить с ролью Фурманова в дивизии Чапаева. Во время Гражданской войны Владимир Мартинович был краскомом (красным командиром), потом начдивом 28-й дивизии РККА, воевал на Восточном

фронте против Колчака, затем на Южном – против Деникина. После его гибели по Волге плавают пароход «Память Азина» Волжского пароходства. Наша двоюродная сестра Валя, дочь Азина, имела право на бесплатное обучение в институте. Тётя Нюра вышла замуж повторно. Её муж Пётр Семёнович Серебряков долгое время работал лесничим. Тётя Нюра родила от него сына Гену и сестру Иру, которые являются, соответственно, нашими двоюродными братом и сестрой. Гена выучился на геолога и работает на Урале, Ира – учительница физкультуры, живёт в Нижегородской области.

Старший сын бабушки дядя Ваня в годы НЭПа владел мельницей. В 30-е годы дядю Ваню и дядю Васю, а с ними и бабушку, отправили по этапу на север как кулацкий элемент. Конечно, кулацкий элемент имел в дорогу запас еды. На станции Вологда дядя Ваня, обладавший большой сообразительностью, сумел убедить охранника за бутылку спирта и курицу, отпустить их слепую мать, которая, в общем-то, никому не нужна и непригодна для какой-либо работы. В течение двух месяцев пожилая и слепая женщина, боявшаяся заговорить со встречными, чтобы не выдать себя, тащилась вдоль железнодорожного полотна и, к удивлению родных, явилась домой.

Дядя Вася и дядя Ваня отсидели по 10 лет. Дядя Вася работал на заготовке леса, а дядя Ваня с его пронырливостью, как это не парадоксально звучит для современного человека, за время заключения сумел выучиться и стать главным инженером бумажного комбината в Соликамске. После освобождения дядя Ваня перебрался в Пермь и стал работать на кондитерской фабрике. Правда, получить пост выше главного инженера ему не разрешали. Дядя Вася приехал в село Лукино к старшей сестре. Петр Семенович Серебряков выделил ему комнату. Дядя Вася, обиженный на власть, прожил до конца жизни, не засвечиваясь, под укрытием лесничества.

Нужно сказать, что дядя Ваня сыграл большую роль в моём воспитании. Во-первых, он всячески старался развить во мне смекалку. Жена дяди Вани, тетя Рая, работала заведующей книжным магазином. По национальности она была еврейкой. Бабушка не одобряла этот брак. У дяди Вани и тети Раи была дочь Таня. Несмотря на высокую должность, семья жила в бараке, занимая одну комнату. В этих условиях дядя Ваня искал любую возможность подработки. В то время существовали барахолки, на которых активно торговали трофейными фотоаппаратами. Дядя Ваня скупал повреждённые экземпляры, дома чинил их и возвращал на барахолку. Мне он подарил немецкий

фотоаппарат «*Zeiss Ikon*» с размером кадра 6 x 9. По вечерам мы занавешивали стол одеялами, и в темноте он учил меня проявлять фотографии. Спустя много лет, уже имея хорошую камеру, я отдал фотоаппарат дяди Вани институтскому фотографу, когда он перешёл работать на частную фирму. Теперь раритетные немецкие лейки военных лет пользуются большим спросом, а я кусаю локти.

В четвертом классе я самостоятельно ездил из Горького в Пермь. Конечно, дядя Ваня неоднократно водил меня на кондитерскую фабрику. В цеху мне разрешили есть конфеты от пуза, но брать их домой было нельзя. В это время дядя Ваня был одержим идеей вкуса конфет «Мишка на Севере», производимых в Перми, довести до московского качества. Он был очень разносторонним человеком. Например, он сочинял песни для местного клуба, песни соответствовали духу времени и носили патриотический характер, и дядя Ваня гордился, когда их включали в репертуар.

Научил он писать стихи и меня. Однажды я представил на его суд следующие строки:

Тугие колосья волнуются в поле,
Тоску, изливая осеннему ветру,
Тоскуют до стога,
Тоскуют до боли
По солнечным дням,
По ушедшему лету,
По тёплым туманам,
По утренним росам,
А больше по людям,
По шуму работы.
Ведь каждое зёрнышко
В этих колосьях
Солёная капля
Крестьянского пота.

– Так не пойдёт, – сказал дядя Ваня, – никто твой стих не напечатает.

– Почему? – спросил я.

– Где ты видел в нашей стране крестьян?

Жизнь научила его чувствовать опасность во всём, осторожность впиталась в кровь. Постепенно я усвоил уроки дяди Вани. Так, я научился не просить у мамы денег на поездки в Пермь, а зарабатывать их самостоятельно.

В г. Чусовой на ферросплавном заводе работал мой двоюродный брат Геннадий, сын дяди Васи. По воскресеньям жители Чусового устраивали пикники, я с фотоаппаратом бродил среди отдыхающих, предлагая свои услуги. Однажды жена Геннадия надоумила меня привозить гуттаперчевые куклы, которые в городке были дефицитом.

Слепая бабушка умерла очень скоро после нашего приезда в Горький.

АДАПТАЦИЯ К ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ

Приехав к маме, мы стали жить у тети Оли. Квартира была на трех хозяев. Площадь нашей комнаты составляла 12 метров. В комнате было две кровати. На одной спала тетя Оля, на другой мама с Люсей. У меня кровати не было. Вплоть до окончания института и женитьбы с переездом к жене я спал на сундуке. Матраса у меня тоже не было. Вместо матраса на сундук стелилось одеяло. Отопление в доме было печное. Печь была кирпичная, кладка была промазана известкой. Достопримечательностью печи были красовавшиеся на ней две бутылки «кефира» – самодельного напитка тети Оли, который нельзя было назвать самогонкой, но который, несомненно, имел алкогольную основу. Печь в доме была высокая, и чтобы достать бутылку, тёте Оле приходилось вставать на стул.

В дом поступала только холодная водопроводная вода. Для того, чтобы мыться, в ванной был титан, который топили деревянными чурками. Отличительной особенностью дома являлось то, что в нём располагался кинотеатр. Внутренний вход в зал находился в нашем подъезде. Мы жили на втором этаже, то есть зал располагался прямо под нами. Уже на второй день, спускаясь по лестнице, я обнаружил открытую дверь и доносившуюся из темноты музыку. Сообразив, в чём дело, я пригнулся и юркнул в эту темноту. С наружной стороны дома размещались касса и вход в кинотеатр. Чтобы войти в кинотеатр, надо было подняться по трём плоским ступеням, совпадавшим по длине с длиной зала. Когда не было сеанса, пацаны из нашего дома сидели на этих ступенях и вели разговоры, волновавшие в то время не только подростков, но и взрослых. Особенно не по себе было от того, что со слов пленных немцев, работавших рядом на стройке, большинство из них, возвращаясь на родину, предпочитало ехать не в восточную, а в западную Германию.

Надо сказать, что наша с Люсей адаптация к домашней жизни на первых парах сопровождалась странным явлением. Мы подбирали

пуговицы, кнопки, гвоздики. По-видимому, это было следствием того, что мы до сих пор не имели собственных, принадлежавших только нам, вещей.

Когда первого сентября я пошёл в третий класс, то с удивлением обнаружил, что в отличие от Елабуги, обучение в городе мальчиков и девочек является раздельным. Данное обстоятельство сразу же стало накладывать отпечаток на моё поведение. Например, я научился, как и другие дети, чтобы не опаздывать на урок, не бежать в школу через центральные ворота, а перемахивать через забор с задней стороны двора. Необычным для меня было и то, что уроки физкультуры были заменены маршировкой на плацу. Директор школы Николай Николаевич Балов, только что вернувшийся с фронта, считал, что из мальчиков со школьных лет надо готовить солдат.

Жил народ в первый послевоенный год достаточно голодно. Хлеб давали по карточкам. Однажды я потерял карточку. Правда, количество неотрезанных талонов в ней оставалось всего на три дня. Иногда дополнительно к карточкам давали по 10 килограммов отрубей, чтобы получить их, надо было занимать очередь с вечера и дежурить всю ночь. Во избежание недоразумений, на руке химическим карандашом писали номер.

На каникулы меня отправили в село Лукино, недалеко от Балахны, к дяде Петру Семеновичу Серебрякову. Тетя Нюра, его жена, кормила меня лепешками из лебеды. У Серебряковых были корова, куры и ульи, но лепешки из лебеды не могли заменить хлеба. Однажды тетя Нюра увидела, как я отломил кусочек лепешки псу Полкану, и отругала меня.

Народ выживал, как мог. Содержать в те годы в городе скотину, поросят, кур и другую птицу запрещалось. Но поскольку во дворах многих домов были сараи, этот запрет, как правило, нарушался. Мы содержали нелегально поросенка и несколько кур. В нашем дворе с внутренней стороны дома размещался продуктовый магазин. Чтобы попасть в него, надо было пройти во двор через арку. Трудно сказать, по какой причине, но наш петух люто ненавидел покупателей магазина. Он подкарауливал их в арке и, испустив воинственный клич, нападал сзади. Соответственно, на петуха поступали многочисленные жалобы. Для разбора этих жалоб к нам приходил участковый. При этом он всегда подгадывал, чтобы в доме была тетя Оля. Тете Оле ничего не оставалось, как вставать на стул и снимать с печки свое зелье. Участковый, к всеобщему удовлетворению, входил в положение, выпивал забродившего «кефира» и на этом инцидент исчерпывался.

Несмотря на голод, жизнь постепенно налаживалась. Хотя некоторые моменты принимали странные с современной точки зрения обороты. По улице Белинского, на которой стоял наш дом, пустили трамвай. Рядом с церковью в парке Кулибина восстановили памятник великому изобретателю-самоучке и устроили танцплощадку, а в самой церкви сделали кинотеатр.

В середине сентября мама наконец-то получила отправленный из Вильнюса багаж. Во время войны в бывшей пятикомнатной квартире жили немцы. Все четыре года в комодѣ хранились дорогие вещи, простыни, бельѣ и тому подобное – ни одна из них не пропала. Но пока мебель шла в Горький, все предметы, набитые в комод, украли в дороге.

16 декабря 1946 года были отменены хлебные карточки. Об этом неожиданно объявил Сталин. Хлеб стал доступным. Радость народа была безмерной. Не обходилось без переборов. Мой одноклассник, Золотов, живший в многодетной семье, съел сразу целую буханку и угодил на операционный стол по причине заворота кишок. Несмотря на подобные казусы, народ гордился тем, что всего лишь через год после победы в стране удалось выйти из вызванного войной продовольственного кризиса.

В пятом-шестом классах нас, малышню, уже допускали к социальной жизни. Над нашей школой шефствовала тюрьма. Красота – все стены школы были завешены картинами, которые рисовали заключенные. И вот однажды некто Яровиков, уж не помню, как его звали, стащил с одного парня валенок и забросил за картину. Все классы построили в коридоре – с одной стороны стояли школьники, с другой – учителя. И было сказано:

– Сегодня утром произошел случай: ученик такого-то класса Яровиков, по прозвищу Блоха, стащил с такого-то валенок и забросил за картину, а картина стоит столько-то, шефы старались. В связи с этими безобразиями, и чтобы подобное не повторялось, всей школе на час – смир-р-р-но!

И все стояли. Вот такой у Николая Николаевича Балова был порядок. Если кто-то хулиганил, он требовал привести мать и ругался.

Случилось это в классе, наверное, в девятом или десятом. Мы уже были большие, а он преподавал историю. И вот после окончания урока, он что-то продолжил показывать на карте. Вокруг него все собрались – смотрят. Я не понял, что это он, думал, что это кто-то из учеников всех развлекает, ведь мы уже все были с него ростом. И я решил напугать говорившего, залез на парту и медленно,

перешагивая с парты на парту, сзади подкрадываюсь и прицеливаюсь, прицеливаюсь и... как прыгну ему на спину. А это оказался Николай Николаевич. Я говорю:

– Ой! Николай Николаевич! Извините! Все уже выросли, я и не понял, что это вы. Принял Вас за ученика, который у карты стоит и что-то рассматривает.

Он ответил только одно: «ё...».

– Приведи мать.

Я пришел домой, и говорю:

– Мам, тебя в школу.

– А что ты сделал?

– Да... – говорю, – прыгнул на директора.

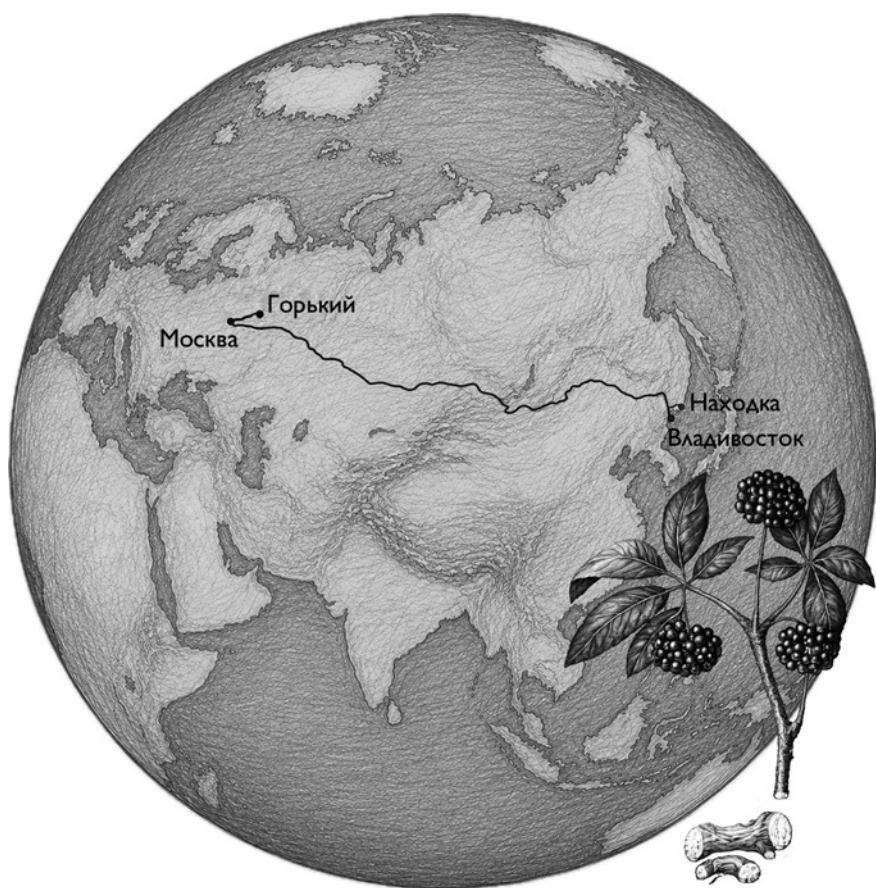
Мама пошла, а я сижу и трясусь. Я думал, что меня выгонят из школы. И вот мать вернулась спокойная и говорит:

– Да ничего. Он говорит, что ты заводной, но учишься хорошо. Ничего, не выгонят тебя.

А еще к нам ходили вторые шефы – из мединститута. Приходили студенты и преподаватели. Один был дядька очень умный. Он историю очень хорошо преподавал, а если кто-то начинал шум, он командовал нарушителю: «Встаньте!». Встаешь, стоишь. Потом опять кто-то шумит, а преподаватель говорит прежнему стояльцу: «Вы сядьте», а новому нарушителю: «Вы встаньте». Он нас хорошо научил и истории, и написанию конспектов. И уже, когда я пришел в институт, оказалось, что там никто не умеет конспекты писать, а у меня уже всё было отработано.

Прошло много лет. Не раз я собирался посетить Елабугу, но не удалось. Многократно во время отпуска я путешествовал на экскурсионном теплоходе по Волге и Каме, но почему-то судно останавливалось в Елабуге только ночью.

Своё повествование о детях войны я хочу закончить на одном интересном эпизоде. Уже когда стал распадаться Советский Союз, я оказался проездом в Вильнюсе. У меня было всего несколько свободных часов. Я пошёл по берегу Даугавы в надежде найти наш дом и арку, в которой мы грузились на машины, увозившие нас от войны. Увы, никак не удавалось. Я несколько раз заходил во двор и снова возвращался на улицу. И вдруг, когда в очередной раз кружил по внутренней стороне двора, в проёме забора ясно обозначился купол костёла, на котором золотом красовались большие кресты. Я перевел дух. За все прожитые годы я никогда не думал об этих крестах, но ведь именно они были видны из окон кухни нашей квартиры.

Первые десять лет трудно, а потом привыкните...

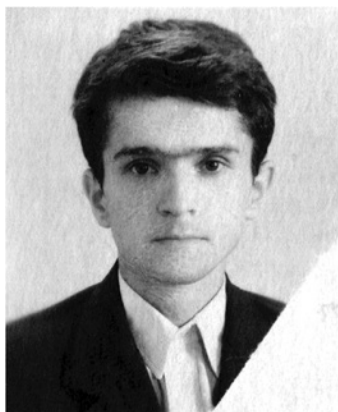
ПУТЬ НА ВОСТОК

В 1960 г. я окончил Горьковский медицинский институт и получил направление на Дальний Восток в больницу Водздравотдела города Находки в Приморском крае. Перед распределением я послал письмо в Приморский крайздрав, в котором сообщил о моем желании работать в Приморском крае, и получил ответ от заведующего Приморским краевым отделом здравоохранения Алексашина, в котором было сказано, что «Крайздрав испытывает нужду во врачах-терапевтах и готов предоставить работу в любом районе края». В августе с женой Наташей я отправился к месту назначения. Наташа только что окончила Горьковский педагогический институт со свободным дипломом, не предполагавшим распределение на работу.

У Наташи в Москве жил родственник дядя Федя. У него мы и переночевали перед пересадкой в Москве на поезд, шедший до Владивостока. Дядя Федя был генералом, провожая нас, он пообещал, что пока мы будем в пути, он постарается через своих знакомых устроить Наташу на работу.

Впереди – длинная Транссибирская магистраль, более девяти тысяч километров, девять суток пути. Когда мы вошли в купе, оказалось, что, кроме нас, в нем будут ехать два молодых лейтенанта, окончивших военное радиотехническое училище и получивших назначение на Сахалин. Выходило, что до Хабаровска мы будем ехать вместе. Лейтенанты тут же освободили для нас с Наташей обе нижние полки – и после третьего звонка вся компания покатила навстречу новой жизни.

Я бывал раньше на Урале и в Сибири, Наташа ехала так далеко впервые, зато как будущий историк она проштудировала всю информацию о достопримечательностях, которые мы будем встречать на своём

Врач-терапевт. 1960 г.

пути. Скучать в дороге не позволяло поездное радио, которое в числе других песен обязательно передавало и частушки:

«Воскалиночка, ты чё навалилась на плечо.
Воскалинка, я ничё, я влюбилась горячо».

На станциях я вместе с лейтенантами покупал у торговков вареную картошку с грибами. Иногда поезд останавливался у семафора, ожидая встречного состава среди зелёных лугов. Шустрые лейтенанты быстро прыгали в траву и приносили Наташе букеты цветов. За окном мелькали колоритные вокзалы, станции, полустанки, живописные пейзажи красивой природы.

Перед отъездом на Дальний Восток нам рассказывали о нём всякие небылицы: витаминов там нет, поэтому – цинга; заселен этот край, в основном, бывшими зэками¹ и т. п. Наши попутчики, коренные дальневосточники, посмеивались над этими слухами и тут же воодушевлённо заменяли их своими «правдивыми» историями – о крабах, которые, если положить их на стол, достают клешнями до пола, о полосатых тиграх, бродящих по дорогам и даже забредающих в посёлки. На наш вопрос, трудно ли жить на Дальнем Востоке, они отвечали: «Первые десять лет трудно, а потом привыкнете».

Надо сказать, что меня понесло на Дальний Восток совершенно добровольно. Учился я хорошо и мог бы остаться работать в Горьком.

Моя страсть к путешествиям началась с того, что однажды (моим однокашникам и мне тогда было лет по пятнадцать) наш классный руководитель Анна Ивановна Наумова сказала:

– Вы уже достаточно взрослые. Хватит полагаться только на родителей и учителей, пора заняться самовоспитанием. Каждый должен подумать о том, как стать настоящим мужчиной (в то время обучение в школах было раздельным).

Это предложение всем понравилось. Мы буквально загорелись идеей стать настоящими мужчинами. Долго думали, с чего начать и решили, что надо отправляться в поход, обязательно без взрослых, и в трудных условиях проверить свои силы. В первую же ночь похода поднялась буря, палатки снесло, а дождь промочил нас до нитки. Мы сидели на голой мокрой земле, не зная, что предпринять, пока кто-то (возможно, даже я) не произнёс трагическим голосом:

– Пацаны, так недолго и совсем загнуться. Пора канать отсюда!

¹ «зэк» – краткое обозначение «заключенный», использовавшееся в СССР в официальных документах в 1930–50 годах.

Мы подхватили свои пожитки, добрались до ближайшей пристани и первым же утренним пароходом вернулись в город.

Недели через две нам стало стыдно. Мы снова принялись укладывать рюкзаки. Отряд заметно поредел. Было решено: ни при каких обстоятельствах домой раньше времени не возвращаться. На этот раз мы героически протопали по родному краю триста километров, несмотря на дождь, который буквально преследовал нас. Так походы вошли у нас в традицию.

Мы научились ходить и в дождь, и под палящим солнцем, переносить холод и жажду. Брать палатки считалось зазорным – каждый должен был уметь построить шалаш из веток и травы. До этого мы думали, что настоящего мужчину отличает, главным образом, физическая сила. Наиболее здоровые ребята всегда верховодили в наших компаниях. Теперь стало понятно, что не меньшее значение имеют выдержка, инициатива и выправка, которая приобретается физическими упражнениями. Кстати, именно о выправке особенно беспокоился новый директор школы Николай Николаевич Балов, офицер, только что вернувшийся с фронта. Неряшливый вид в школе считался гораздо более серьёзным проступком, чем прогул или ношение рогатки. Иногда после уроков директор выстраивал нас в школьном дворе и учил маршировать. Цепким взглядом он обводил замерший строй, выискивая, к кому бы придраться: к Гаврилову, надувшему барабаном пузо, или к Хорошавкину, сгорбившемуся, как Квазимодо. Потом начиналось:

– Ра-а-а-в-н-й-сь! С-ми-и-и-р-но! На-а-а-право! Ш-а-а-а-гом марш!

Постепенно мы поняли ещё кое-что: чтобы быть настоящим мужчиной, надо обладать ещё и самостоятельностью суждений. Школьные программы стали казаться тесными, как одежда, из которой мы тогда быстро вырастали. Нас потянуло к чтению. Нет, не к чтению художественных произведений – их мы без разбора поглощали и раньше. Мы стали с упоением читать доступную научную и техническую литературу. Некоторые увлекались книгами по физике, другие – по судостроению. Лично я, очевидно, под влиянием походов, запоем проглатывал всё, что только мог найти о путешествиях.

Христофор Колумб, Америго Веспуччи, Васко да Гама, Фернандо Магеллан – о них я, конечно, всё, что мог найти, прочитал уже давно. Морские путешествия всегда поражали мое воображение. Особенно мне нравились пираты. Конечно, цели, ради которых они бороздили

океаны, золото там и всякие богатства, мне, советскому школьнику, были глубоко чужды. Но какие пираты были храбрецы! Они презирали страх и обожали шторма! Они карабкались на мачты, как обезьяны! Бороды росли у них прямо из шеи, а у капитана на левом глазу или, точнее там, где он раньше был, красовалась чёрная повязка. Это были истинные морские волки! Так я рассуждал где-то в четвёртом или пятом классе.

В мои пятнадцать лет пятнадцатилетний капитан Жюль Верн был мне уже не интересен. Теперь меня занимали книги посерьёзней: описания путешествий Пржевальского, Арсеньева, Семёнова-Тян-Шанского. Они были очень захватывающими. Одно обстоятельство, правда, леденило мою душу: на карте уже давно не осталось белых пятен, все земли и моря открыты. Христофор Колумб успел побывать в Америке, Ермак проник в Сибирь, Амундсен поднял флаг над Южным полюсом, Арсеньев вдоль и поперёк исходил Уссурийский край! Я опоздал!

Но вот что подсказала мне Анна Ивановна. Да, действительно, когда на карте было много белых пятен, основная задача, стоявшая перед исследователями, состояла в описании новых территорий, но теперь, когда все земли открыты, задача изменилась – нужно обнаружить и освоить природные богатства этих территорий, разыскать полезные ископаемые, изучить климат, описать растительный и животный мир, построить заводы и города. И тот, кому удастся найти что-то ценное, фактически откроет заново Сибирь и Дальний Восток.

Я много читал о восточных странах, об их географии, истории и культуре. Однажды мне попала книга, в которой рассказывалось о тибетской медицине, о ламах, изучающих в монастырях основы лечения болезней с помощью трав. Прежде чем ламу допустят к лечению больных, он должен был освоить около шести тысяч видов лекарств, приготовляемых из растений, минералов и тканей животных. Как утверждают, с помощью лекарств тибетской медицины излечиваются даже те болезни, против которых врачи цивилизованных стран абсолютно бессильны. Но самое интересное – многие из этих растений произрастают в пограничных с Тибетом и с Маньчжурией областях. У нас, в советской забайкальской Даурии и советской Уссурийской тайге! Однако пока эти растения не используются в нашей стране как лекарства.

Новыми глазами перечитывал я повести Арсеньева и современные книги о Дальнем Востоке. Моё внимание теперь привлекали в основном описания растительного мира. Я увидел новые грани

использования лекарственных растений и сведения о них и их лечебном действии выписывал в особую тетрадь. В результате, в один прекрасный день бледный юноша, мечтающий о путешествиях, появился в приёмной комиссии Горьковского медицинского института – ведь для того, чтобы изучать лекарственные растения Дальнего Востока, нужно было знать медицину. Я сказал своим товарищам, что мечтаю открыть панацею². Правда, я уже вычитал, что панацеи, то есть лекарства от всех болезней, быть не может. Но я всё равно в шутку употреблял это слово, имея в виду, что просто хочу открыть какое-то новое лечебное средство.

Потом, во время учёбы в институте, все эти школьные разговоры стали мне казаться наивными, полудетскими. Я увлекался поочерёдно физиологией, хирургией, нервными болезнями, терапией. Изучение фармакологии, науки о лекарствах, не произвело на меня особого впечатления. В конце концов, я остановился на терапии, заинтересовавшись в основном сложностью диагностики внутренних болезней. И всё же, когда на распределении был назван Дальний Восток, я автоматически вызвался ехать туда.

За бесконечной сменой пейзажей, за рассказами Наташи о проезжаемых исторических местах время летело быстро. Все с нетерпением ожидали, когда будем проезжать тоннели, о которых уже прожужжали нам уши все наши знакомые ещё в Горьком, когда узнали, что мы едем на Дальний Восток. И вот наступил этот долгожданный день. Локомотив медленно втягивал вагоны во чрево горы. Хвала чуду инженерной мысли и инженерного воображения! Один тоннель сменялся другим, а их, чередующихся с террасами, было более тридцати. Когда тоннели закончились, в окнах, слепя глаза, заблестел «славное море, священный Байкал». Поезд шёл вдоль берега озера, безграничная водная гладь, далеко на горизонте её синева сливалась с голубизной неба.

Не успел поезд замедлить ход на станции Слюдянка – большом железнодорожном узле на Транссибе на юге Байкала, как его окружила толпа пахнущих рыбой людей, которые обступили нас и потащили за собой, предлагая из-под полы, конечно, омуля³, добыча которого была строго запрещена. Вкусовые качества омуля превзошли все

² Панацея – мифологическое универсальное средство, исцеляющее абсолютно все болезни и продлевающее жизнь; название произошло от имени греческой богини-целительницы Панацеи (Панакеи).

³ Байкальский омуль – ценная промысловая рыба рода сигов семейства лососёвых, эндемик озера Байкал.

ожидания, и после того, как рыба уже была съедена, восторженное обсуждение этого гастрономического изыска продолжалось до конца дня.

После Байкала растительность существенно изменилась. Вместо огромных сосен за окном стало больше берёз. Высокие берёзы со временем сменились тощими и низкими.

В Хабаровске наши попутчики сошли с поезда. Они долго махали нам руками с перрона, а мы им из окна.

После Хабаровска поезд круто повернул на юг. Уже утром мы были в Уссурийске. Поезд продолжил свой путь в направлении конечного пункта назначения, во Владивосток, а мы остались на вокзале, ожидая поезда в сторону Находки.

Вскорости подошёл и наш поезд. Состав тащился медленно по сложному горному рельефу, явно преодолевая уклон. Путь от Уссурийска до Находки занял часа три. Когда мы подъехали к городу, было уже темно. Первое, что мы увидели из окон вагона, было море и огни огромных судов, которые были значительно больше тех, которые мы раньше видели на Волге.

Сдав вещи в камеру хранения, мы взяли такси и попросили шофёра доставить нас в гостиницу. Таксист повез нас через хорошо освещённый город, поразивший многоцветием магазинных вывесок, но метров за тридцать до гостиницы нам пришлось выйти из машины, потому что асфальт перед входом был перекопан. Когда мы преодолевали это непредвиденное препятствие, дорогу нам преградил пьяный, который заплетаящимся языком спросил меня:

– Чувак, где здесь сдают бутылки?

Моя неосведомлённость сильно его разочаровала:

– Никто не знает! Если следующий, кого спрошу, тоже не знает, разобью бутылку о его голову.

Такова была наша первая встреча с Находкой.

За два года проживания в этом небольшом городе я познакомился с его биографией. Это печально известный своей «гулаговской пересылкой» город со множеством исправительно-трудовых лагерей. К моменту моего приезда ээки уже не отправлялись из Находки в Магадан и на Колыму, лагерный период в городе закончился, но печать былой суровой жизни на большинстве лиц находкинцев была явственной. В беседах горожан постоянно мелькали жуткие слова, связанные с лагерной жизнью («ГУЛАГ», «НКВД», «Дальстрой», «Транзитка», «Рыбпорт» и другие)⁴. Между тем я встретил

⁴ ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей (1930–1959); НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР (1934–1956); Дальстрой – гострест

Находка. Наташа в районе порта. 1960 г.

много добрых, отзывчивых людей, с очень необычной и интересной судьбой – и до сих пор храню о них воспоминания.

БОЛЬНИЦА ВОДНИКОВ

В 8 часов утра, оставив Наташу в гостинице, я отправился в больницу Водников. На двери кабинета главврача было написано «Вадим Петрович Батенев». Вадим Петрович поздравил меня с прибытием, и пока я с интересом осматривал мебель в его кабинете, принялся изучать мои документы. По выражению его лица было видно, что он впечатлен высокими оценками в моём дипломе. Вадим Петрович спросил, по какой специальности я собираюсь работать. Оказалось, что в больнице, рассчитанной на 200 коек, всего пять врачей, так что любой специалист будет востребован. Главврач пообещал, что в ближайшее время они подыщут для нас с Наташей квартиру, а пока нам предстоит обжить один из кабинетов поликлиники. Словом, все вопросы были прояснены, и я с облегчением шагал к выходу, разглядывая пол в коридоре, покрытый шикарным заграничным линолеумом, какого я раньше никогда не видел.

По дороге в гостиницу я невольно залюбовался грядой сопок, возвышающихся над городом. В конце улицы стояло два чугунных якоря,

по промышленному и дорожному строительству в северных территориях СССР (Колымы, Чукотки и других), в основном, трудом заключённых (1931–1957), Транзитка – пересыльный (транзитный) лагерь заключённых (1940–1942), Рыбпорт – комплекс самого порта и посёлок «Рыбак», фактически начал строиться в 1950 г., в том числе заключёнными двух близлежащих лагерей.

Находка. Больница Водников. 1960 г.

на них – памятные латунные доски с надписями. Одна из них говорит, что рабочий поселок Находка преобразован в город в 1950 году, вторая посвящена Столетию открытия бухты Находка⁵. В магазине, в который я зашёл купить еду, бросался в глаза более богатый, по сравнению с горьковским, ассортимент продуктов, в первую очередь, рыбных.

Особенно меня удивила красовавшаяся на витрине камбала размером со столовый поднос. Забавно: когда я попросил отвесить мне килограмм песка, продавщица не поняла меня, здесь этот продукт назывался просто сахар.

На следующий день я приступил к работе в больнице. Каждый врач терапевтического отделения восемь месяцев в году трудился в стационаре, остальное время – в поликлинике. Для новичков, вроде меня, существовало правило: в течение первого месяца проходить в стационаре стажировку под наблюдением опытного специалиста. Куратором мне назначили Марию Ивановну, фамилию которой за давностью лет я, к сожалению, запамätовал. Она взялась за порученное дело с энтузиазмом.

Мария Ивановна обучала меня многому, что я не успел освоить в мединституте: делать внутривенные уколы и спинномозговую пункцию, откачивать плевральную жидкость и т. п. Я старался как можно больше времени проводить на работе, брал ночные дежурства и приходил на дежурства к другим врачам, чтобы перенимать их опыт. Раз по десять я простукивал и прослушивал одних и тех же больных,

⁵ Бухта Находка открыта экипажем парохода-корвета «Америка» под командованием капитан-лейтенанта А.А. Болтина летом 1859 г. Название бухты было предложено Н.Н. Муравьевым-Амурским.

стремясь максимально развить осязание и слух; заходил в больничную аптеку, раскладывал перед собой лекарства, рассматривал их, пробовал, нюхал, запоминал всё – упаковку, цвет, форму, вкус, запах. И, конечно же, мне пришлось заново перечитывать учебники. В институте мы как-то больше интересовались разделом «диагностика», теперь я штудировал разделы «лечение» и «прогноз».

Квартиру, как обещали, нам сразу не дали. Мы временно поселились в одном из кабинетов поликлиники. До семи часов вечера в ней никакого покоя не было, но зато потом длинные коридоры пусты, и мы с женой хозяйничали на двух этажах. В воскресенье вся поликлиника была в нашем распоряжении целый день. Мы растягивали через зал от регистратуры до рентген-кабинета верёвку, развешивали бельё, а в свободное время играли в пустом здании в прятки. На ночь приходила сторожиха и начинала рассказывать про своих внучей. Внучат было трое – Маша, Настя и Федя. У Маши постоянно болели уши, Настя ходила в детсад, а Федю на улице кто-то научил говорить «Как дам по ухам».

Моё обучение продолжалось недели три, и как-то Мария Ивановна во время своего дежурства, на котором торчал и я, решила отлучиться на два часа в морской клуб, располагавшийся в десяти минутах ходьбы, чтобы посмотреть новый фильм. Мы договорились, что в случае какого-либо происшествия я немедленно пошлю за ней. Ровно через сорок минут машины скорой помощи одна за другой стали привозить больных, отравившихся крабами. Когда я прибежал к медсестре, дежурившей в отделении, чтобы послать её за Марией Ивановной, та спокойно сказала:

– Олег Иванович, никуда не надо бежать. Сейчас я позвоню медсёстрам, дежурящим в других отделениях, и мы сами решим проблему.

За ночь мы сделали промывание сорока трёх желудков. Позже к нам присоединилась и Мария Ивановна, вернувшаяся из клуба. Так завершилась моя стажировка в стационаре как начинающего специалиста.

Спустя неделю пришло известие о том, что благодаря стараниям московского дяди Феди, Наташа получила работу в школе.

Собственное жильё в квартире на трёх хозяев мы получили через три месяца. Квартира располагалась на втором этаже двухэтажного дома недалеко от больницы. В одном отсеке жила семья из трех человек (механик судоремонтного завода Владимир Михайлович с женой и дочерью), в другом поселились мы с Наташей, в третьем обитал молодой парень по имени Толик, который пил и тем мне запомнился.

Владимир Михайлович был очень интересной личностью. Он воевал в звании лейтенанта и имел много боевых наград. 24 июня

1945 года участвовал в параде победы на Красной площади в составе группы отличившихся воинов, тех самых, кто бросал к ногам победителей вражеские знамёна. Владимир Михайлович был мастером на все руки. Он соорудил свою столярную мастерскую, которая нам очень пригодилась, ведь у нас не было никакой мебели. Сосед сделал для нас стол с резными ножками, два стула и кровать. Но, пожалуй, самое главное – он научил меня работать с деревом. Мы прожили в этой квартире два года, но она осталась в нашей памяти навсегда.

ПОЛИКЛИНИКА

Как было отмечено ранее, восемь месяцев в году терапевты работали в поликлинике. Подобно другим врачам, я совмещал поликлиническую работу с выездом к пациентам на дом. Для этого мне выделяли газик, которым лихо управлял водитель Костя. Газик, урча, карабкался на крутые находкинские сопки. К моему удивлению, с первых же дней ко мне на приём стали выстраиваться длинные очереди. Медсестра, сидевшая со мной на приёме, открыла мне секрет такого наплыва пациентов – они были хроническими больными, которые безрезультатно лечились у многих врачей, и потому с жадной надеждой набрасывались на каждого нового врача. Потом она добавила с оттенком горечи:

– Больные думают, что врачи умеют всё исцелять.

Через некоторое время столпотворение у моего кабинета прекратилось. Теперь ко мне записывались преимущественно больные, которые обращались в поликлинику впервые. В большинстве своём это были пациенты с острыми простудными заболеваниями, требующие несложной помощи: с гриппом, бронхитом, ангиной и т. п., как правило, через одну-две недели они выздоравливали, и мы с ними навсегда расставались. «Хроники» ко мне больше не шли. Я считал, что это в порядке вещей. Мог ли существенно помочь хроническим больным начинающий врач, который ещё не умеет как следует произвести осмотр больного и выписывает рецепты, украдкой подглядывая в справочник, лежащий у него на коленях?

Совершенно другим делом было посещение пациентов на дому. Именно эти визиты помогли мне понять, что я слишком молодо выгляжу для доктора и, видимо, именно поэтому так быстро растаяла очередь в поликлинике к моему кабинету.

Дома перед зеркалом я подолгу рассматривал себя, приходя к неутешительному выводу, что, действительно, похож больше на юного

мальчика, чем на солидного врача. Как-то меня вызвали к мужчине лет сорока пяти, болевшему гриппом. Он переносил болезнь на ногах и потому сам открыл мне дверь. Увидев меня, он подумал, что я пришёл к его дочери-десятикласснице.

– Таня, – закричал он, – к тебе кавалер.

Густо покраснев, я объяснил ему, что я не кавалер, а врач. Мы оба были смущены.

Конечно, думал я, разве больные пойдут к такому неказистому врачу? То ли дело Бушуев! Алексей Степанович был главным хирургом, человеком с огромным опытом, глубокими знаниями и солидной внешностью, от одного вида которого больные приходили в благоговейный трепет. Он казался мне недостижимым. Где уж мне до него!

Алексей Степанович Бушуев (1905–1979) – человек с интереснейшей биографией. Выпускник Днепропетровского мединститута, участник Великой отечественной войны. В течение 1941–45 годов состоял хирургом в штате 1-го Белорусского фронта, командующими которого были сначала К.К. Рокоссовский, затем Г.К. Жуков. При взятии Берлина А.С. Бушуев был ведущим хирургом в том отдельном мотострелковом батальоне, сержанты которого Мелитон Кантария и Михаил Егоров водрузили 1 мая 1945 г. на крыше здания рейхстага Знамя Победы. После войны служил в Германии, затем – в чине подполковника медслужбы в военном госпитале посёлка Краскино в Приморском крае. Алексей Степанович в 1951 году был репрессирован («хвалил немецкий хирургический инструмент»), во время отбывания срока в Находке был лагерным врачом. После реабилитации заведовал хирургическим отделением в больнице водников в Находке.

А.С. Бушуев.

Из фонда Центральной
городской библиотеки
г. Находка, nakhodka-lib.ru

Окончательно меня доконал один случай. Меня вызвали к пациентке, страдающей бронхиальной астмой. Это заболевание характеризуется периодическими приступами удушья. Встретил меня чистенький и аккуратный старичок, который почему-то, увидев меня, покачал головой.

– Доктор к тебе, – крикнул он в комнату, и тут же оттуда раздался обрадованный возглас:

– Мария Ивановна пришла!

– Нет, это не Мария Ивановна, – снова крикнул старик.

– Да? А кто же? А что с Марией Ивановной? Почему не она?

Он громко передавал мои слова в комнату:

– Говорит, что с Марией Ивановной ничего не случилось. Говорит, она перешла на другой участок, поближе к дому. Говорит, что теперь он к нам будет приходить.

Прежде, чем проводить меня, старик задержал меня на минуту и произнёс извиняющимся голосом:

– Она так ждала Марию Ивановну.

В постели лежала худая измученная старуха. На её лице было множество мелких морщин, точно рябь на воде. Она наотрез отказалась, чтобы я её осматривал и начала капризничать: подавай ей Марию Ивановну, и баста!

– Неужели нельзя вызвать Марию Ивановну? Неужели нельзя договориться в регистратуре? Неужели нельзя позвонить? – она, как ребёнок, вытягивала нижнюю губу и плакала. Старичок покорно стоял у спинки кровати и не перечил.

Так ничего не добившись, я начал собираться.

– Ну, она так ждала Марию Ивановну, – снова вздохнул старичок, прощаясь, – извините.

На улице шёл густой снег, белыми полосками ложась на грани чугунных якорей, покоящихся на пьедесталах. Я думал примерно так: «Вот уже снег, зима, полгода как работаю, а какая-то старуха отказывается со мной даже разговаривать. Нет, положительно у меня ничего не получается. А ведь ждала же эта старуха Марию Ивановну. Ждала. И с каким нетерпением. Как обрадованно она закричала: «Мария Ивановна пришла!»».

Спустя два дня я снова отправился к старухе с бронхиальной астмой. Она меня не вызывала. Мой визит относился к категории так называемого «активного патронажа». Мне казалось делом чести заставить её вступить со мной в контакт. Это помогло бы мне приобрести уверенность в собственных силах. На этот раз старуха была одна, муж, по её словам, пошёл в магазин за продуктами.

– Дочка с зятем купили нам холодильник, – с гордостью объясняла она, – теперь большинство продуктов мы закупаем впрок, такое облегчение. Проходите же, доктор, садитесь поближе к моей кровати. Поболтаем немного.

Когда я сел напротив неё, она вдруг поймала мою руку, заговорщически подмигнула и произнесла, просительно улыбаясь:

– Расскажите мне анекдот, дорогой мой. Анекдотик или какую-нибудь забавненькую историю, – и она весело почесала кончик носа.

– Анекдотик? – растерялся я, – но я не знаю анекдотов... Гм...

– Полно, полно вам... Я уверена, вы знаете тьму анекдотов, какой же вы доктор в противном случае? Скажите просто – у вас нет сейчас свободного времени. Но неужели, вы не найдёте и одной лишней минутки, чтобы посидеть с бедной бабушкой? Дорогой мой, я вас очень прошу!

Вот так штука, думал я, шёл сюда и боялся, что у нас опять не получится разговора, а она вон с какими просьбами. Как назло, на память не приходило ни одного анекдота.

– Но я, кажется, действительно, ничего не знаю, – признался я упавшим голосом.

– Да, конечно, вы не знаете! Такие нынче пошли доктора, они ничего не знают, я всё отлично понимаю. Но мне известно, что вы, медикусы всё знаете, – заговорила старуха, меняя тон.

– Вы умеете просвечивать рентгеном, который приносит больному только вред. Вы прописываете больному массу лекарств, отлично зная, что это самые настоящие яды. Хотите, скажу, что интересует вас сейчас, в данную минуту? Вы сверлите меня окусом медикуса, стараясь увидеть насквозь, разглядеть, что у меня там, внутри. Вам так и чудятся мои разбухшие альвеолы, лопнувшие кровеносные сосуды, дряблое сердце. Вы – робот, бездушный механизм, как и все другие врачи, вы – электронная машина, или как там её называют.

Я уже привык, к тому, что иногда больные меня ругали, за дело или без, и потому относился к её словам совершенно спокойно. По правде говоря, в то время, когда она обзывала меня электронной машиной, я думал о том, что надо бы запомнить старухины выражения «медикус» и «окус медикуса». Я уже давно заметил, что люди, подолгу лежащие в больнице, порой любят придумывать разные квазиучёные медицинские термины, и начал коллекционировать их.

– Чего же вы хотите от меня? – спросил я старуху. И тут она заплакала, как и в прошлый раз, капризно вытягивая губу.

– Дорогой мой, если бы вы знали, что иссушило мою душу! Я же замучила своего мужа. Я больна вот уже 20 лет. В последние годы я почти не встаю с постели. Он устал возиться со мной, все домашние заботы на нём: посуда, уборка, стирка. У дочери ребёнок, а я его даже

поднять не могу. Все здоровы, только я больна, за что мне одной такое наказание? Чего я от вас хочу? Ах, как вы не поймёте, чего хочу? Будьте добры ко мне, будьте внимательны, поговорите со мной, успокойте. Избавьте меня от переживаний, а уж астму я как-нибудь потерплю.

Она всё всхлипывала и всхлипывала. Я едва смог её успокоить. Чем больше я думал об этой старухе, тем четче приходил к убеждению, что мои неудачи происходят не от юного вида, а от полного незнания психологии больных. Эти люди казались мне однообразной серой массой. Я не интересовался ими и тем, что они думают о себе и обо мне, какими мыслями живут, на что надеются. Более того, они часто меня раздражали. Например, когда бесцеремонно рассматривали мою одежду, оценивали мою манеру вести себя и говорить. А ещё все без исключения пациенты обожали вопрос «почему?» и постоянно приставали с ним как трёхлетние дети:

– Почему голова сегодня болит в области лба, а вчера давило затылок? Почему упало кровяное давление? Почему бывает аритмия?

Любой врач дорого бы отдал бы, чтобы понять, почему такое бывает! Бывали среди больных любители изучать всевозможные медицинские справочники, учебники и энциклопедии, такие пациенты обращались не за лечением, а за «консультацией». Одни подопечные требовали, чтобы им обязательно выписывали только «модные» лекарства, другие попросту игнорировали все назначения, не покупали лекарств и пренебрегали режимом и диетой. Словом, со всеми с ними было много мороки, которую я считал лишней, ненужной и мешающей нормальной работе. К концу дня от их выкрутасов голова моя шла кругом. Я никак не мог взять в толк, как взрослые люди могут себя так вести. Они же, в свою очередь, не понимали меня. Им моё раздражение казалось недопустимым, это противоречило их представлениям о профессии врача. Они, наверное, считали меня грубияном и недоучкой. Словом, «то сам себя не понимал я, то мир меня не понимал»⁶.

Старуха с бронхиальной астмой, пожалуй, преподала мне первый наглядный урок, показавший мне, насколько плохо я разбираюсь в психике пациентов. Я не мог вылечить её от астмы, у меня просто не было таких лекарств. Она понимала это не хуже меня. Но ведь она и не требовала не-возможного, а просто хотела, чтобы я ей посочувствовал, немного успокоил и развлёк. Она считала, что врач отвечает не только за её разбухшие альвеолы и больное сердце, но и за настроение, самочувствие, интерес к жизни.

⁶ Слова Арбенина из драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад».

И если бы она была уверена, что в трудную минуту я сумею немного её ободрить, она бы никогда не обошла стороной моего кабинета. Я сам был причиной тому, что между мною и моими пациентами возник барьер непонимания и недоверия. Мне предстояло изучить все психологические тонкости взаимоотношений между больными людьми и врачом, чтобы потом использовать эти знания для установления контакта.

Как раз в это время на экранах кинотеатров появились новые копии фильмов Чарли Чаплина⁷. Посмотрев их, я захотел узнать больше о жизни актёра и принялся изучать его биографию. Молодой Чаплин очень хотел помочь людям, но они его не замечали. Он хотел говорить с ними о добре, справедливости и благородстве, но никто не хотел слушать о таких прописных истинах. Актёр и публика как будто стояли по разные стороны невидимой стены. В какой-то момент Чарли Чаплин понял, что не сможет достучаться до людских сердец «через голову». Он решил подкупить их эмоциями и создал предельно выразительный образ, лаконичный и запоминающийся: «котелок», узенький пиджачок, огромные сбитые башмаки, большого размера нелепые брюки, в руках вихляющая тросточка и сногшибательная походка забавно сочетались с рыцарским благородством, плутовством и какой-то наивной неустроенностью. Этот странный, противоречивый, смешной и пронзительно привлекательный персонаж врезался в память и становился почти реальным. И вот что странно: когда этот потешный человек произносил те же прописные истины о добре и справедливости, его жадно слушали, стараясь не пропустить ни одного слова. Публика позволяла этому несуразному маленькому мужчине делать с собой что угодно, даже невероятно, люди смеялись и, смеясь, не думали о грустном.

Чарли Чаплин мне очень помог. Мне казалось, что я находился в очень похожем положении – я хотел делать людям добро, лечить их, а они от меня отворачивались. Мне было необходимо покорить их сердца, заставить поверить себе. Но как? Не станешь ведь каждому объяснять, какой я хороший и какие у меня благородные цели. Тогда я решил придать своим отношениям с пациентами эмоциональную форму. Я думал о том, как поразить их воображение, придумывал образ такого доктора, которого хотят видеть пациенты. Нужно было

⁷ Чарльз Спенсер Чаплин (1889–1977) – английский и американский киноактер, режиссер, сценарист, композитор, продюсер. Автор многих короткометражных и ряда полнометражных фильмов, бывших в прокате в СССР, например. «Малыш», «Золотая лихорадка». «Цирк», «Огни большого города», «Великий диктатор» и др.

предложить нечто конкретное, чёткое, очень доступное для восприятия и одновременно привлекательное и нравящееся. Я создал себе героя, которого мне нужно было сыграть. В отличие от Чарли Чаплина, мне предстояло исполнить свою роль не на экране, а в жизни. Я должен был стать «им» не на час, а навсегда.

МОДНЫЙ ДОКТОР

Я придумал себе своего Чарли – образ «модного доктора». Я начал с портрета: стал обращать внимание на свою внешность и манеры, старался элегантнее одеваться, красиво мыть руки, не горбиться, сидя на стуле и т. д. Чтобы не лезть в лицо больного своими лохмами, выслушивая пациента через слуховую трубочку, мне пришлось сменить шикарную шевелюру на короткую стрижку. Я купил в магазине серый чемоданчик для халата, трубочек, аппарата для измерения кровяного давления и, непременно, собственного мыла и полотенца. Наконец, перед зеркалом отработал рекламную улыбку, благодаря которой, я теперь весь светился как будто изнутри.

С большими модный доктор был воплощением корректности и обаяния, он умел при необходимости ловко пустить пыль в глаза. Бесконечные «почему?» его совсем не раздражали, закинув ногу на ногу, он солидно разглагольствовал о том, что голова болит от спазма сосудов, кровяное же давление, напротив, снижается от расширения сосудов, а аритмия возникает вследствие нарушения проводящей функции сердца. И хотя это была просто замена одного непонятного объяснения другим, пациенты оставались вполне довольными. Осмотрев больного, модный доктор незамедлительно объявлял диагноз, исключая любые сомнения. Умникам, обращавшимся «просто за консультацией», он рекомендовал для чтения новые справочники и держался с ними на равных, а какую-нибудь особо активную и настырную даму даже невзначай называл «коллегой». Он направо и налево назначал «модные лекарства», не забывая мимоходом подчеркнуть, что это самая последняя разработка и что ещё не все о ней знают. Словом, модный доктор всю подыгрывал больным, стараясь приспособиться к их вкусам и ожиданиям.

Правда, иногда он переходил в наступление. Например, он применял жёсткую политику по отношению к тем, кто не покупал назначенных лекарств и вообще отлынивал от лечения. На рецепте провизор обычно писал стоимость лекарства, и по этой отметке легко было установить, обращался ли больной в аптеку. Я требовал показывать

мне рецепты, а если навещал пациентов на дому, то ещё и проверял, сколько таблеток было выпито. Пойманные с поличным, они ужасно конфузились, а я читал им мораль, устраивал разнос и грозил указать нарушение режима в больничном листе (в этом случае пособие по больничному листу не выплачивается). В результате больные глотали свои таблетки, бегали на процедуры и на контрольные осмотры, и многие из них, к собственному удивлению, поправлялись.

Наконец-то я смог облегчённо вздохнуть. С тех пор как я стал играть роль модного доктора, моя клиентура начала быстро расти. Одних привлекали достойные манеры (что греха таить, некоторые врачи, посещая больных на дому, не удосуживались даже вымыть руки или снять верхнюю одежду), других – шанс поговорить о своей болезни, третьих – возможность получить новое лекарство. Появились даже такие пациенты, кто просто хотел полечиться у модного доктора. Меня стали приглашать на торжественные мероприятия городского масштаба, присылали билеты в клуб, когда приезжала какая-нибудь знаменитость. От моей былой неуверенности не осталось и следа. Я чувствовал, что иду в гору, и ликовал. Мне казалось, что «Париж лежал у моих ног»⁸, если, конечно, можно Находку назвать Парижем.

Но, увы! Модный доктор недолго наслаждался своим триумфом. За первыми успехами пришли трудности. Рекламная улыбка удавалась не всегда. После ночного дежурства сил хватало только на то, чтобы устало хлопать глазами. А в больничных палатах светиться изнутри порой попросту неуместно, ведь в болезни мало радости и много печали. Иногда пациенты умирали у меня буквально на руках, и я видел горе их родственников. Жизнь не скупилась на пощечины для модного доктора. Заслышав звуки похоронного марша на улице, я торопился нырнуть в ближайший переулок, чтобы лишний раз не сталкиваться со смертью.

Это была настоящая жизнь, как она есть, а не та, которую я себе выдумал и в которой наслаждался абсолютным успехом. В действительности роль, предначертанная врачу в книге жизни, оказалась гораздо сложнее роли модного доктора. Врач не может спрятаться от настоящих повседневных забот и тревог, переживаний и страданий своих пациентов. Врачу случается говорить людям горькую правду, которую, он знает, ему не простят, если он не предложит какой-то разумный и приемлемый выход. И, ведь, не всегда есть, что предложить. Врача посвящают в семейные тайны, в интимные подробности

⁸ Эти слова приписывают французскому модельеру Коко Шанель (1883–1971).

отношений супругов, родителей и детей, друзей и коллег. Иногда, когда умирает больной, оказывается даже, что доктор должен помочь его родственникам разделить наследство и выполнить то, что было завещано на смертном одре.

Шло время. Я расширял свои медицинские познания и приобретал жизненный опыт. Черты модного доктора постепенно стусёвывались, но пациенты больше уже не теряли веры в меня. В то же время я сам всё яснее осознавал, что не всегда могу помочь им.

ОХОТО-РЫБАЦКИЕ СТРАСТИ

(к теме не относится, но очень хочется рассказать)

Оба наши хирурга, Алексей Степанович Бушуев и Василий Михайлович Федюшкин, были страстными охотниками. Я радостно присоединился к ним. У меня уже имелось одноствольное ружьё 18-го калибра, которое я купил, как только мне исполнилось шестнадцать лет. Чтобы приобрести его, я и мой одноклассник, долговязый Володя Мамин, ставший потом известным конструктором судов на подводных крыльях, нанимались к соседям пилить дрова с целью подзаработать. Мама Володи была учительницей английского языка и хотела научить ему нас, но наши головы были заняты другим – мы мечтали ходить на охоту.

Из охотничьих приключений с коллегами мне запомнились два эпизода.

Как-то раз нас пригласил на охоту знакомый пасечник. Мы приехали вечером, чтобы переночевать на месте и чуть свет по мокрой траве отправиться на поиски свежих следов дикого козла. Была тихая ночь, я впервые видел сопки, освещенные не городскими фонарями, а лунным светом. Голова кружилась от выпитой медовухи. Вдруг маленькая собачонка, всё время вертевшаяся под ногами, взвизгнула и в страхе забилась в просвет поленницы.

– Тигр ходит, – спокойно сказал пасечник.

Утром, выйдя из ворот, сделанных из вкопанных в землю жердей, мы сразу наткнулись на убитого дикого козла со сломанным рогом, возможно, он лишился рога в жестокой битве с тигром. На этом наша охота закончилась, осталось только разделать тушу. Дома жена Владимира Михайловича научила Наташу готовить юшку из мяса дикого козла.

Второй эпизод случился в поездке к пограничникам на ловлю пеленгаса. Я помню даже число – 1 апреля 1961 года. Дата запомнилась потому, что тогда я впервые увидел стаю лебедей, возвращающихся с зимовки на юге к своим гнездам. Пограничники притащили огромную сеть и закинули её с берега. Когда мы тянули её из воды, было интересно наблюдать, как рыбы перепрыгивали через края сети, возвращаясь на волю. Много рыбы буквально улетело от нас, да и сеть вдруг зацепилась за корягу и начала рваться, но наш улов всё равно оказался весьма солидным. Было уже совсем темно, когда я притащил домой тяжёлый рюкзак со своей частью добычи и высыпал всю рыбу в ванну, чтобы утром с ней разобраться.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Через год жизни в квартире, разделенной на трёх хозяев, главный врач Вадим Петрович Батенёв сообщил мне, что мы можем переселиться в отдельную двухкомнатную квартиру на улице Чернышевского. Наш сосед Владимир Михайлович немедля достал грузовик и бойко взялся за организацию перевозки вещей, которых за два года накопилось изрядно. И тут мы стали участниками забавной гонки. Несмотря на то, что у каждого собственника новой квартиры уже имелся законный ордер, машины мчались к новому дому, обгоняя друг друга. Каждый почему-то боялся, что документы могут перепутать и стремился явиться на место как можно раньше, чтобы «застолбить» свою квартиру. Никаких проблем не приключилось, и мы с Владимиром Михайловичем одну за другой затащили все вещи на третий этаж.

ХРОНИЧЕСКИЕ БОЛЬНЫЕ

Поработав два года, я сделал для себя важное открытие: 60–80 % пациентов, обращающихся за помощью в больницу, – в общем-то, одни и те же люди, страдающие хроническими заболеваниями: ревматизмом, гипертонией, бронхиальной астмой, язвой двенадцатиперстной кишки, циррозом печени, не поддающейся лечению пневмонией. Многие «хроники» пробовали лечиться у разных врачей, ездили в Москву к лучшим профессорам, обращались к знахарям, принимали массу народных средств, увы, – безрезультатно.

Днём хроники, как правило, чувствовали себя относительно сносно, гораздо лучше, чем остальные больные. Они читали книги,

беседовали друг с другом, играли в шахматы, помогали нянечкам с уборкой, а в хорошую погоду гуляли во дворе. Но вот наступала ночь – и беспощадный больничный демон врывался и одним касанием своего чёрного крыла превращал едва задремавшие в тревожном ожидании палаты в ад. Люди корчились от боли, задыхались и стонали. И вот что было характерно, странно и жутко – это был сидячий ад. Никто не лежал.

Вот слесарь судоремонтного завода, страдающий бронхиальной астмой. Он ужасающе худ – кожа да кости. Всю ночь он сидит, ухватившись руками за края кровати, шумно втягивает воздух ртом и никак не может выдохнуть. Мышцы шеи напряжены до предела и, кажется, вот-вот лопнут. Слесарь сбрасывает с себя рубаху. Видно, как судорожно вздымаются его рёбра, пытаюсь помочь легким. В свете ночника рёбра отбрасывают глубокие тени, и кажется, что они нарисованы углём.

Вот полный, краснолицый гипертоник, начальник ЖКО. Внешне он выглядит просто здоровяком. Наверняка, недовольные жильцы не раз ворчали за его спиной: «Ишь, отожрался на наших денежках!». А он всю ночь не может уснуть от нестерпимых болей в затылке.

Молодой парень, наш больничный шофёр, опустил ноги на пол, положил руки на колени, согнув их в локтях, и навалился на них животом, пытаюсь унять боль. У него язва двенадцатиперстной кишки.

И так почти в каждой палате кто-то всю ночь сидит, разбуженный ночным больничным демоном.

Во время ночных дежурств я метался от одного больного к другому, раздавал болеутоляющие, спазмолитики, снотворные и наркотические обезболивающие. Постепенно всё затихало, я чувствовал удовлетворение от того, что удалось вырвать этих несчастных из цепких лап тяжёлой ночи.

БОЛЬНИЧНАЯ ПАЛАТА

Днём палаты, как палаты,
Не шуми и не сори.
Днём здесь властвуют халаты,
А врачи, как короли.

Днём почаще улыбайся.
День в больнице – это рай:
Если хочешь, поправляйся,
А не хочешь, помирай.

Можешь радио послушать,
Можешь новый анекдот.
Можешь в чистую подушку
Храпануть минут шестьсот.

Можешь в медсестру влюбиться,
Распушиться, как павлин,
И за это в ягодицу
Получить пенициллин.

Но уже спешит к закату
Солнце за гору упасть.
Истекает власть халатов,
Близится другая власть.

Через двери, через щели
К вам придёт она точь-в-точь.
Поднимайтесь-ка с постелей,
К вам пожаловала ночь!

Поднимайтесь-ка с подушек,
Начинаю я игру –
Потихоньку ваши души
Чёрной кошкой поскребу.

Искурочу души ваши,
Наведу в больнице ад.
Ночью знаете, что страшно?
Поголовно все сидят.

Этот корчится от боли,
Этот воздух ловит ртом.
На колени он от колик
Навалился животом.

Ночь показывает смутно,
Мол, у вас дела плохи.
Слава богу, скоро утро –
Закричали петухи.

Но однажды я подумал: хорошо, я могу снимать боли, одышку, спазмы, но наступит новая ночь, все начнётся сначала. Лекарства лишь временно облегчают страдания. Они не лечат хронических больных. Ведь и боль, и одышка, и спазмы – лишь симптомы, суть болезни другая – патологические процессы, которые развиваются в организме. При бронхиальной астме разрастается соединительная ткань, при ревматизме воспаляются клапаны сердца, при язве образуются дефекты

слизистой оболочки. Нужны лекарства, которые препятствуют развитию этих патологий. Но таких лекарств я не знал.

Конечно, я списал своё неведение на счёт неопытности и стал рыться в учебниках. Каково же было моё разочарование, когда в книгах я не нашел ничего, кроме сведений о тех же средствах, снимающих симптомы. В отпуске я посетил несколько московских клиник и убедился в том, что даже столичные профессора при хронических заболеваниях назначают только симптоматические препараты. Да, возможно, они применяли их более умело, чем я, но суть дела от этого не менялась.

Действительность оказалась суровой. Наука так и не придумала средств, способных справиться с хроническими заболеваниями. Их просто нет. Собственно, никто этого и не скрывал. В любом медицинском справочнике разъяснялось, что лечение хронических заболеваний является преимущественно симптоматическим. Просто раньше я был слишком наивен и неопытен, чтобы осознать весь трагизм положения.

Теперь я смотрел на хронических больных иными глазами. Там, где ещё недавно я замечал только страдания, я увидел обречённость. Эти люди больны не временно, не на день, не на месяц и не на год, а навсегда. Они уже никогда в своей жизни, которая у каждого из нас одна, не будут здоровыми. Но ведь это трагедия не только для пациентов. Это – трагедия и для врачей. Выходит, что, назначая лекарства, снимающие только симптомы, мы фактически никого не лечим, а лишь создаём иллюзию улучшения. Меня терзали сомнения.

СОМНЕНИЯ

Я размышлял над бессилием медицины пред лицом хронических болезней. На каждом этапе развития цивилизации наиболее опасными считались разные заболевания. Чума, холера и оспа когда-то уносили миллионы жизней. На этом фоне смертность от других болезней казалась ничтожной. Потом наука нашла способы справиться с этими инфекциями, и они полностью исчезли. Среди оставшихся болезней рекордсменами по смертности стали крупозная пневмония и сепсис, но после открытия сульфаниламидов и антибиотиков, и эти заболевания стали успешно излечиваться. Теперь проблемой номер один стали хронические болезни, а хронические больные превратились в медицинском мире в «героев нашего времени».

Иногда я подолгу сидел на больничном холме и смотрел вниз на работу в торговом порту. Целый день здесь трудились краны,

размеренно разворачиваясь то в одну, то в другую сторону. С морских судов грузы перегружались в железнодорожные вагоны, а содержимое товарных составов перекочёвывало в трюмы судов. Здесь всё было в прямом смысле весомо: монотонный скрежет кранов, движение грузов в вагоны или из них, смена подаваемых составов. Во всём были чёткость, ритм, подчинённость строгим производственным графикам. И я завидовал людям, работающим в порту. Заступив на смену, они включались в общий механический ритм, превращались в роботов. Но они не были роботами-рабами, скорее это были роботы-властители. Именно они заставляли эту сложную масштабную машину сооружений, техники и судов, этот огромный порт, скрежетать железом и ухать многотонными тяжестями. Результаты их труда были реальными и ощутимыми, они исчислялись количеством загруженных и разгруженных трюмов и составов.

Люди большинства специальностей имеют дело с реальными измеримыми вещами. Даже музыкант, играющий на скрипке, не может вдруг отложить смычок, исполнить остаток произведения на губах. Только врачи, одни только врачи там, где не в силах оказать настоящую помощь, вынуждены заниматься иллюзией лечения, усыплять, обезболивать, читать проповеди и красиво обманывать.

Нет, не с симптоматически действующими лекарствами хотел я идти к своим пациентам, не с душеспасительными беседами. Да-да, пусть ворчит та астматическая старуха, но я хотел делать так, как ей не нравится: просвечивать «оком медикуса», как рентгеном, грудные клетки, заглядывать внутрь, чтобы видеть, как лекарства, назначенные мною, восстанавливают правильное движение крови в сосудах, расправляют альвеолы лёгких, затягивают безобразные язвы на стенке желудка. Я хотел быть холодным и расчётливым роботом, властвующим над организмами, подобно тем людям, которые в порту управляли железными машинами. Я хотел чувствовать реальность своей работы. Я знал, чего хочу, но хотел я невозможного.

Пройдут десятилетия, а может и столетия прежде, чем мечта о лекарствах, исцеляющих хронических больных, превратится в реальность, но меня тогда уже не будет.

Что делать? Плюнуть на всё и податься в хирурги? В отличие от терапевтов, они занимаются реальным делом: разрезают, удаляют, сшивают, заменяют, восстанавливают, но моё сердце никогда не лежало к хирургии. Многие мои товарищи стали хирургами. В хирургию манит стремление проверить, на что способны твои руки. Мне же всегда казалось, что лекарства, проникающие в механизмы

биохимических процессов, являются более тонким и могущественным оружием, чем скальпель, а умение направлять действие лекарств – занятием более интересным, чем хирургия. Конечно, хирурги могут изощряться в проведении операций на желудке по поводу язвы, но их искусство нужно лишь до тех пор, пока не обнаружены эффективные противоязвенные средства. Не нож, а высокотехнологичные действенные лекарства нужны медицине будущего. Несомненно, кое-что останется и хирургам – исправление уродств, сращивание переломов, вправление вывихов, но именно терапия, а не хирургия, должна главенствовать и по сложности лечебных приёмов, и по эффективности. Так и будет когда-нибудь. Должно быть! А пока я наблюдал терапевтические палаты, забитые неизлеченными больными. И я стоял перед ними, опустив руки, не способный чем-либо существенно помочь.

И вот однажды, когда никому не известный врач в далёкой находкинской больнице в очередной раз предавался размышлениям о важных вековых проблемах медицины, ему вспомнилась добрая пиратская шхуна из детства. Помните, та самая, на которой моряки карабкались на мачты, как обезьяны, а бороды у моряков росли из шеи? Следом за пиратским видением в моё воображение ворвались и другие картины: путешественники пробиваются через густые заросли деревьев, обвитых до самых вершин лианами. Дерсу Узала⁹ ведёт их таёжными тропами навстречу новым открытиям, тибетские ламы с непроницаемыми лицами колдуют над сосудами, готовя настои из горных трав. Может, все эти давние мечты не так уж наивны, как мне кажется? Может, тот юноша, который мечтал о путешествиях и находках чудодейственных трав и растений, для чего и поступивший в мединститут, был более прав, чем нынешний я, опустивший руки?

Не от того ли сомнения одолевают меня, что я забыл свои мечты о поисках новых лекарств, приведшие меня на Дальний Восток?

Сидеть во дворе больницы и размышлять о вечном я с таким же успехом мог у себя на родине, в любом волжском городе. А здесь Уссурийская тайга шумит совсем рядом. Я вижу её из окон нашей квартиры. Она буйствует на сопках изобилием лекарственных растений.

Некоторые из них, быть может, могут излечивать хронических больных. Не исключено, что именно в поиске новых лекарственных растений заключается моё истинное призвание. Возможно, занятия

⁹ Дерсу Узала – охотник-нанаец, проводник путешественника В.К. Арсеньева в экспедициях 1906 и 1907 годов по Уссурийскому краю.

практической медициной нужны мне были для того, чтобы лишний раз убедиться в правильности пути, который я интуитивно нащупал в юности.

Я уселся за справочники по лекарственным растениям, стал постигать премудрости ботаники, чтобы научиться отличать одно растение от другого. Вместе с хирургом Василием Михайловичем Федюшкиным мы построили в углу больничного двора небольшой виварий и купили кроликов. Федюшкин учился на животных проводить новые для него операции, а я должен был испытывать лекарства, кормили кроликов отходами из больничной кухни.

Теперь мы проводили в виварии всё свободное время. У Василия Михайловича дела шли успешно, а я так и не смог поставить ни одного серьёзного эксперимента, потому что для этого нужно было иметь значительно больше животных.

И вот однажды в краевой газете «Красное знамя»¹⁰ я увидел заметку, которую перечитал несколько раз. Моё сердце забилося быстрее. Статья рассказывала о работе профессора Брехмана. Корреспондент бойко описывал, как этот ученый всю зиму, словно крот, копается в книгохранилищах, отыскивая старинные манускрипты с рецептами китайских и тибетских врачей, а летом, нагрузившись рюкзаком, отправляется в тайгу собирать лекарственные травы и выкапывать корни. Моё воображение тотчас дорисовало всё остальное. Профессор представлялся мне чудаковатым старцем, рассеянным и крайне нескладным. Конечно, фантазировал я, он страстный натуралист, знаток жизни леса, и, если он размышляет, то обязательно ночью и у костра. Его мысли вечно витают где-то в высоких сферах, он оторван от мирской суеты, обыденной жизни, ежедневных забот простых смертных. Словом, в моём воображении Брехман был неким субъектом вроде Жака Паганеля из книги Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Это был как раз тот человек, который мне нужен!

Не откладывая дела в долгий ящик, я взял отгул за воскресное дежурство, приехал во Владивосток и разыскал Биолого-почвенный институт, где работал Брехман.

К моему удивлению и, пожалуй, даже разочарованию, профессор вовсе не был похож на Паганеля. Он вообще не был похож ни на кого из обычных профессоров, у которых я учился

¹⁰ Газета «Красное знамя» (1917–1991) – массовое периодическое издание Приморского краевого ВКП(б) и Приморского краевого Совета депутатов трудящихся.

Израиль Ицкович Брехман.
Фото из архива
И.И. Брехмана

в мединституте – стареньких, седеньких старичков с заскоками. Импортный тёмно-серый костюм, шерстяная серая рубашка, сингапурские носки с затейливым узором, модные чёрные ботинки – всё это сидело на нём отлично. Не было в его кабинете ни старинных книг, заваливших профессора по макушку, ни беспорядочно разбросанных бумаг. Правда, я обратил внимание на то, что в кабинете очень много папок. Они упорядочено лежали стопками на столе и стояли, как солдаты, на полках и оформлены были по темам. На корешке каждой папки тушью красивым шрифтом было выведено название: «Внутренние дела», «Документы для Фармкомитета», «Внедрение в производство», «Зарубежные конференции» и т. д. Чувствовалось, что каждая папка оформлялась с любовью.

ПЕРЕЕЗД ВО ВЛАДИВОСТОК

На первой встрече с Брехманом я обрисовал ему положение хронических больных, как видел его я. Начало моего повествования было сбивчивым и не совсем последовательным, и я боялся, что профессор сочтёт мои рассуждения полной белибердой. Я сетовал на то, что врач имеет в своём распоряжении только лекарства, снимающие симптомы, они облегчают страдания больных, но не исцеляют их. Постепенно я осмелел и перешел к описанию нашего вивария, о котором вообще хотел умолчать. Я заявил, что решил стать фармакологом, освоить «зелёную медицину» и заняться научной деятельностью, чтобы найти лекарства, излечивающие хронических больных. Я совсем распустился и поведал о том, как говорил друзьям, что хочу найти панацею. В заключение профессору было доложено и о пиратской шхуне.

– А вы знаете, что ваша мечта найти панацею может быть исполнена? – вдруг спросил Брехман, внимательно глядя на меня.

– Конечно, в представлении большинства людей панацеи не существует, но большинство может заблуждаться, – продолжил профессор.

На лице Брехмана не было ни тени улыбки, когда он произносил эти слова. Но в его глазах, как мне показалось, мелькнула хитринка. Во всяком случае, я ушел от него с подозрением, что он меня разыгрывает. Результатом этой встречи стала договорённость, что при первой же возможности я буду взят в штат лаборатории растительного сырья И.И. Брехмана.

Через два месяца я перебрался во Владивосток. Директором только что созданного Биолого-почвенного института Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (БПИ ДВФ СО АН СССР), в котором работал Брехман, был Николай Григорьевич Васильев. Когда Брехман повёл меня знакомиться с директором института, мы встретили во дворе мужчину средних лет, несущего бидон молока, он-то, как раз, им и оказался.

Николай Григорьевич выслушал Брехмана и с сожалением сказал, что на момент моего приезда из Находки срок приема в аспирантуру истёк, поэтому меня можно взять только на должность лаборанта, предоставив место в общежитии. БПИ был создан из трёх крепких в научном отношении отделов ДВФ СО АН СССР: ботаники и растениеводства, физиологии и биохимии растений, зоологии. Новый институт был сообществом специалистов самых разных биологических наук: ботаники, паразитологи, вирусологи, лесники, почвоведы, микологи, зоологи, физиологи растений и ... фармакологи.

Основной проблемой института было отсутствие собственного здания. Новый научный корпус для «академиков» пока ещё только строился, и БПИ временно разместился в одной из четырёх «хрущёвок» Академгородка, под который властью Владивостока был отдан новый, построенный в течение 1960–61 годов микрорайон на 12-м километре.

Он располагался недалеко от фабрики «Заря»¹¹, адрес: Владивосток, проспект Владивостока, 159, дома – а, б, в, г.

Этот микрорайон был построен в соответствии с государственной строительной программой «Большой Владивосток», возникшей по инициативе Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущёва. Это он сказал определяющие слова: «Город Владивосток надо сделать лучше американского Сан-Франциско».

¹¹ Фабрика «Заря» – швейное производство сформировалось при слиянии ряда предприятий данного профиля в 1964 г. Располагалось на 12 км в бывших корпусах конюшни и казарм для военнослужащих военной конницы Владивостокского гарнизона, построенных в 1901 г.

Три другие хрущёвки были отданы под квартиры для сотрудников «академии». Вместе с тем в одном из корпусов находилось общежитие для аспирантов, в другом – первый этаж дома «а» занимал Дальневосточный филиал Института океанологии им. П.П. Ширшова АН СССР (ИО). В обеденное время на площадке между зданиями БПИ и ИО «биологи» и «океанологи» играли в волейбол. Были в этом микрорайоне продуктовый магазин, кулинарная кухня, куда привозили полуфабрикаты, с тремя столами, почтовое отделение.

В хрущёвке, занимаемой БПИ, лаборатории фармакологии достались однокомнатная квартира на втором этаже и трёхкомнатная – на четвертом. В её маленькой комнате с видом из окна на шикарный лес, Брехман устроил себе кабинет, во второй небольшой комнате располагались аспиранты, в большой проходной комнате расположились сотрудники, на кухне установили приборы. Стены комнат были оклеены обоями – зелёные цветочки на золотом фоне. Лестницы в подъездах хрущёвок были очень узкими, если в институт привозили громоздкие приборы, то их поднимали на верхние этажи с помощью веревки и заносили внутрь через балкон, точно шифоньеры и комоды. Вентиляционные установки выводили в форточку.

Когда я поступил на работу к Брехману, мне дали место в общежитии. Чтобы попасть в лабораторию, мне достаточно было перейти из одной хрущевки в другую. Это было очень удобно, ведь у меня не было собственной машины, как у Брехмана, тогда это было большой роскошью. У меня вообще, кроме этого общежития, ничего не было. Моей жизнью стал спартанский быт Академгородка.

Академгородок находился на следующей остановке после фабрики «Заря», если ехать из центра за город. Троллейбусной линии тогда ещё не было. Утром для разминки мы устраивали пробежку до фабрики «Заря» и обратно, а после работы играли в футбол на шоссе (гострассе).

Противоположная сторона трассы была покрыта густым лесом, над которым возвышалась сопка Торопова¹², с громадой форта № 7 имени цесаревича Алексея Владивостокской крепости на ней. Основную внутреннюю тоннельную казарму и другие подземные элементы форта посетить было невозможно, все выходы были надёжно закрыты, но бродить по этой фортификации было особым удовольствием.

¹² Сопка Торопова – высота 162,3 м., названа в честь военного инженера Вячеслава Сергеевича Торопова, им построены два форта в Российской империи: форт № 9 в крепости Ковно (ныне г. Каунас, Литва) и форта № 7 в крепости Владивосток.

Отсюда был красивый вид на город, Амурский залив, полуостров Де-Фриз¹³, полуостров Песчаный¹⁴.

Проснувшись пораньше, можно было сходить за грибами или поохотиться на фазанов. Ранней весной в ближайшем лесу появлялись первые приморские подснежники – адонисы, затем – потрясающей красоты кусты рододендрона, чуть позже – нежные ландыши, а в июле-августе, собирали дикую малину.

Сотрудники разных институтов, живущие в этих домах и общежитии, были все свои. Между домами были натянуты бечёвки, на которых сушилось белье. Чуть в стороне коптила небо кочегарка, её дым указывал нам направление ветра. Но самое главное – на территории Академгородка строилось здание для академических институтов. Оно росло не по дням, а по часам, будто гриб после дождя: тёмные фигурки строителей копошились на стройке, как муравьи. Бывало, что на месяц-другой все затихало, рабочие исчезали, а огромный кран застывал в неподвижности, не зная, куда девать свою железную руку. Но рано или поздно строители возвращались, и все опять начинали жить в ожидании перемен.

На каждом этаже общежития в корпусе «б» было по четыре квартиры: в двухкомнатных – жили по пять человек, в однокомнатных – по трое. На родившемся здесь же жаргоне обитатели общежития именовали свои жилища «фанзами»¹⁵. В комнатах имелись железные кровати, письменные столы, шкафы для одежды и стеллажи для книг. Стены комнат были оклеены теми же обоями, что и в лабораториях, то есть зелёные цветочки на золотом фоне. В мужских комнатах доминировали запах табачного дыма и творческий бардак, в женские комнаты отличались наличием занавесок на окнах и порядком.

Как упоминалось, я работал у Брехмана старшим лаборантом. Основными жильцами общежития были аспиранты, которые после защиты диссертации могли рассчитывать на получение квартиры. Подавляющее большинство аспирантов были биологами. Летом, как правило, вся эта орава шумных парней разъезжалась по экспедициям, и общежитие пустело. С наступлением зимы процесс развивался

¹³ Полуостров Де-Фриз расположен в северной части Амурского залива, назван по имени Джеймса Корнелиуса Де-Фриза, норвежца, купца и предпринимателя, жившего во Владивостоке в 1864–1881 гг.

¹⁴ Полуостров Песчаный находится на западном берегу Амурского залива, визави Владивостока.

¹⁵ Фанза – это тип традиционного жилища в Китае в таёжной и сельской местности, чаще всего сделанная из соломы и глины.

в обратном направлении: ребята возвращались загорелые, обветренные, бородатые. Несколько дней они не могли прийти в себя, были замкнутые и малоразговорчивые, изголодавшие – в обед съедали по две порции. Потом биологов прорывало, словно внутри у них разрывалась бомба. Они начинали бегать по знакомым, совать всем под нос свои фотографии из походной жизни, заставляли слушать записи голосов птиц, без разбора посещали кинотеатры, рестораны, выставки и просто шатались по улицам, щеголяя своими шикарными бородами и наслаждаясь цивилизацией. В фанзах царило приподнятое настроение, постоянно кого-то встречали, с кем-то пили, чему-то радовались.

Брехман поручил мне разработать новый метод для определения действия изучаемых лекарств на организм животных, повергнутых перегрузке на центрифуге. Моя первая задача состояла в том, чтобы проштудировать все научные статьи по теме будущего исследования. В шутку он объяснил это так:

– Я считаю, что с приходом каждого нового сотрудника в жизни лаборатории начинается новая эра. Причём вновь поступивший должен досконально изучить все, что было сделано до него.

В моей жизни началось удивительное время: я только и делал, что читал. Правда, это были серьезные научные статьи. Брехман составил для меня насыщенную программу, это было очень полезно, ведь, работая в больнице, я имел возможность читать литературу по специальности лишь в воскресные дни и урывками во время ночных дежурств.

Первыми моими наставниками стали две лаборантки, работавшие со мной в одной комнате – Мария Андреевна Дьякова и Лариса Дмитриевна Федорец. Я консультировался у них по всем вопросам, касающимся внутренних местных распорядков в лаборатории.

Мария Андреевна учила меня обращаться с лабораторными животными, вводить лекарственные средства *per os* (через рот), *intragastic* (внутрижелудочно), *intramuscular* (внутримышечно), *intraperitoneal* (внутрибрюшинно), *subcutaneous* (подкожно) и прочим экспериментальным премудростям.

Она была непревзойдённым специалистом по работе с экспериментальными животными. Ей было 42 года, семьи у неё не было, всю себя она отдавала работе, отличалась смешливостью, знала множество анекдотов, любила подшучивать над сотрудниками, постоянно придумывала всякие затейливые штуки. Например, вводя крысам лекарства, ведро с животными она ставила справа от рабочего стола, пустое ведро слева. Процедура инъекций выглядела следующим образом: Мария

М.А. Дьякова

Л.Д. Федорец

Фото из архива И.И. Брехмана

Андреевна извлекала очередную крысу из ведра, брала её за шкурку на спине, крепко прижимала к столу, вводила зондом препарат, например в желудок, и отпускала животное. Будучи очень смышленной тварью, крыса немедленно мчалась на противоположный край стола и самостоятельно прыгивала в пустое ведро.

Лариса Дмитриевна была существенно старше, дама предпенсионного возраста. Она была фармацевтом и всю жизнь трудилась провизором в аптеке, а за три года до выхода на пенсию устроилась лаборанткой в БПИ (эти три года могли сослужить ей добрую службу – в научном учреждении зарплата была несколько выше и, соответственно, пенсия начислялась чуть больше). В её обязанности фармацевта, помимо приготовления настоек и экстрактов, их анализа, входило два раза в месяц выдавать сотрудникам для работы спирт. Как и полагается аптекарю, она отличалась повышенной точностью и аккуратностью: во-первых, выдача спирта осуществлялась строго по старшинству, во-вторых, Лариса Дмитриевна не доливала в каждую бутылку по несколько миллилитров на случай нечаянной недостачи.

Ещё одной важной персоной в нашей фармакологической компании был мастер на все руки Григорий Иванович Глазунов. Это он помог мне разработать новый приём для определения действия лекарств на перегрузку мышей в центрифуге. Григорий Иванович был оригинальным человеком, любил поразмышлять на отвлечённые

темы и выпить, но деньги на водку тратил только те, которые получил за левую работу, а основную зарплату целиком отдавал жене.

Во время работы в институте мне приходилось поменять многие привычки. После постоянной нервозности в поликлинике тишина лаборатории казалась необычной. Рабочий день проходил удивительно быстро, моя энергия не успевала иссякнуть. Ровно в полдень Мария Андреевна и Лариса Дмитриевна, как по команде, прекращали свои дела, включали чайник, а меня посылали в магазин за брикетами «Пшенная каша» или «Суп гороховый». По прежним моим понятиям, обед в строго определённое время был непозволительной роскошью – в больнице я вспоминал о еде не раньше пяти часов вечера. Переход из больницы в институт коренным образом изменил весь уклад моей жизни. Например, в больнице существовало чёткое разделение труда: лечащий врач осматривал больных, ставил диагноз и назначал лекарства, медсёстры раздавали лекарства и делали уколы, санитарки ухаживали за больными, кастелянша (сестра-хозяйка) следила за чистотой халатов и шапочек медперсонала, в том числе и моих, и чистотой белья. Все вопросы, связанные с доставкой медикаментов и оборудования, решали администрация и специальные сотрудники. В институте же подобных служб не было. Вместе с другими сотрудниками я перетаскивал приборы, часами торчал на складе, получая нужные химреактивы, халат приходилось стирать самому. За какие-то два-три месяца я освоил смежные специальности грузчика, экспедитора, столяра, электрика. Кроме этого, приходилось бесконечно участвовать в разных кампаниях: по очистке территории вокруг института, по уборке мусора в строящемся корпусе, по переработке семенного картофеля на овощной базе, по благоустройству города и т. п.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ФАРМАКОЛОГИЧЕСКОЕ ДЕЛО

Израиль Ицкович Брехман окончил Военно-медицинскую академию в Ленинграде в 1945 году. В процессе учёбы он увлёкся фармакологией, которую преподавал известный учёный, токсиколог и фармаколог, профессор Николай Васильевич Лазарев. Брехман начал ходить к профессору в научный студенческий кружок. Лазарев предложил молодому курсанту принять участие в создании актуальных в годы войны средств, оказывающих стимулирующее действие на центральную нервную систему при хронической усталости и астеническом состоянии. При непосредственном участии курсанта Брехмана был

создан новый психостимулирующий препарат прозамин¹⁶. В 1943-м году препарат успешно прошёл апробацию на гвардейском крейсере ВМФ СССР «Красный Крым» на Чёрном море.

Курсантов в научном кружке привлекала не только возможность освоить методики проведения научных исследований, они перенимали у Лазарева принципы жизни и поведения настоящего учёного. В частности, он советовал спокойно переносить сваливающиеся на голову неприятности, быть дипломатичным, коли понадобится, то и хитрым, но при этом всегда оставаться добрым, мягким и корректным человеком. А главное – никогда не перешагивать через коллег и других людей из окружения.

По убеждению Лазарева, сверхзадачей каждого учёного является решение новых проблем, а не повторение того, что было сделано до него.

Брехман мечтал по окончании академии остаться на кафедре, но на его беду, в том году вакансии в аспирантуру по фармакологии не было. В результате, он получил назначение на Дальний Восток в качестве врача на подводную лодку. Успокаивая его, Лазарев сказал:

– Как только представится возможность, я без колебаний возьму вас в аспирантуру. Я не сомневаюсь в ваших способностях. Но, с другой стороны, заниматься наукой можно не только в Москве и Ленинграде. В последнее время научные учреждения одно за другим открываются в других городах.

Как-то во время одного из выходных, свободных от службы, ветреных приморских дней, когда осень гонит вдоль набережной жёлтые листья, песок и разный мусор, Брехман с сослуживцами, пригибаясь и придерживая фуражки, шёл сквозь встречный ветер в кинотеатр. Когда они добрались до него, оказалось, что новый фильм, объявленный в газете, ещё не идёт. В послевоенные времена кинокартины выпускались редко, анонс и расписание сеансов были непредсказуемы. На улице оставаться не хотелось, и кто-то предложил отправиться в краеведческий музей. Немного поспорив, решили пойти.

В музее морские офицеры, естественно, больше всего заинтересовались старинными кораблями, пушками и оружием. А Брехман отстал от общей группы, задержался у огромной карты Приморья. На ней были отмечены отрасли промышленности и сельского хозяйства, наиболее характерные для края. Некоторые из них были уникальными: добыча рыбы, разработка цветных металлов, выращивание риса

¹⁶ Прозамин – определённая комбинация фенамина и прозерина.

и сои, краболовство, разведение пятнистых оленей. И тут Брехман заметил одну вопиющую несправедливость: на карте совсем не было значков, обозначающих фармацевтическую промышленность. И это в Приморье, с его богатствами редчайших лекарственных растений и животных!

«Если как следует изучить эти ресурсы, – подумал Брехман, – и убедиться в их полезности для практической медицины, то всё Приморье можно покрыть сетью фармацевтических фабрик. Причём это будут совершенно другие, особенные, фабрики, каких нет ни в одном другом уголке нашей страны. Они станут выпускать не глюкозу, магнезию и пирамидон, как прочие, а уникальные препараты, изготовленные исключительно из местного сырья: женьшеня, лимонника, пантов и т. д. Наверняка, есть и другие средства, пока неизвестные науке, но издавна применяемые в китайской и тибетской народной медицине. Конечно, сначала придётся провести обширные научные исследования. Многие средства, используемые китайскими ишэнями (врачами) и тибетскими ламами, вероятно, окажутся неэффективными. Но среди сотен природных кандидатов обязательно найдётся несколько действительно ценных лекарств. Изучать дальневосточную природу, богатства Уссурийской тайги по-настоящему можно только здесь, на месте».

Брехман отвлекся от своих мыслей, только когда его товарищи, закончив осмотр музея, стали искать его по залам. Но назавтра эти мысли вернулись снова и с тех пор следовали за ним неотступно, где бы он ни находился – на службе, дома, на улице и даже в море на подводной лодке. Тихоокеанский флот, как и всегда, выполнял свою основную задачу – надёжно защищать восточные берега нашей Родины. Медицинская служба Тихоокеанского флота неусыпно заботилась о здоровье и питании моряков, следила за тем, чтобы все мыли руки перед едой и поддерживали на кораблях идеальную чистоту, исключая проникновение кишечных и прочих инфекций. А у лейтенанта Брехмана, помимо всего этого, появилась ещё одна забота – размышление о будущей фармакологии лекарственных средств природного происхождения в Приморском крае. Краю и стране могли быть полезны эффективные лекарственные средства на основе особенного дальневосточного природного сырья. В старину про инженеров, которые осваивали недра Уральских гор, говорили, что они разрабатывают «уральское горное дело», Брехману подумалось, почему бы не создать «дальневосточное фармакологическое дело», изучая богатые флору и фауну Дальневосточного края СССР.

ДЕЛА ДОМАШНИЕ

Современному поколению трудно представить, насколько строгими были правила проживания в комнатах общежития. Однажды очередная комиссия, как всегда, неожиданно нагрянула к нам в комнату, и начальница академического общежития Ирина Игнатьева спросила:

– Ну что же, товарищи аспиранты, докладывайте, кто из вас, где спит?

Меня развеселила двусмысленность этого вопроса, я хмыкнул, все осуждающе посмотрели на меня. И вдруг я понял, как опрометчиво поступил – на спинке моей кровати висела... женская кофта! И, конечно, члены комиссии это сразу увидели, сделали соответствующие выводы и принялись читать мне мораль. Я понятия не имел, откуда взялась эта женская вещь, но не хотел ставить в неудобное положение кого-то из соседей, да и вообще меня возмутила сама претензия комиссии ко мне. Я попытался объяснить её членам, что мне скоро уже 30 лет, и если даже на моей кровати висит женская кофта, то, очевидно, это моё дело.

– Вы живёте не один, вы живёте в коллективе, а, следовательно, своим неблагоприятным поведением оказываете на товарищей пагубное влияние. Ничего, мы заставим вас назвать имена.

Я ответил, что все ребята, с которыми я живу, тоже взрослые люди, они даже старше меня по возрасту. Так мы ни в чём и не убедили друг друга. Но на следующий день меня начали таскать по инстанциям и активно обсуждать. Я стоял на своем и пытался объяснить, что не чувствую за собой никакой вины. Тогда было решено применить ко мне крайнюю меру.

– А ещё женатый человек! Вот мы сообщим о ваших похождениях вашей жене...

Вот тут я не на шутку перепугался. Наташа всё ещё жила в Находке и мы лишь изредка навещали друг друга. В ближайшую субботу я сел в автобус и покатил к жене. Я предупредил её, что вероятно, она получит официальное уведомление о том, что у меня в общежитии ночевала женщина.

– Ну и дела, – засмеялась Наташа, – это же я в прошлый приезд во Владивосток забыла у тебя свою кофту.

На нашу удачу Хабаровское торгово-кулинарное училище искало преподавателей гуманитарных предметов. Наташа поехала на собеседование. Её приняли с огромной радостью. Позднее филиал этого училища открылся во Владивостоке, и Наташа ещё долго преподавала

там географию. Она закончила работу в этом училище на десять лет позже положенного срока. Наташины студенты обеспечивали нас продуктами даже в самые трудные времена, а кулинары щедро делились секретами приготовления вкусной и здоровой пищи.

Тем не менее у меня как-то пропала охота жить в общежитии. Поэтому, как только жена перебралась во Владивосток, мы сняли частную квартиру на Седанке. Собственно, это была даже не квартира, а маленькая хибара во дворе хозяйского дома. Под единственным окном кудахтали куры, по весне облетали лепестки с вишен, да без конца звенел цепью пёс Полкан. Ночью, как только поднималась луна, он принимался выть, уставившись на лунные горы и кратеры. Он выл и выл, а мы сквозь сон слушали этот нескончаемый концерт.

Со временем наши жилищные условия улучшились. Однажды Саша Юдин, учившийся в аспирантуре у И.И. Брехмана, сообщил по секрету, что Ирина Игнатьевна, которая работала тоже в академии, сдавала ему комнату в большом частном доме, и что сейчас у него появилась возможность перебраться в более удобное место – так его жильё перешло к нам. Дом располагался на характерной для Владивостока возвышенности, недалеко от железнодорожной станции «Вторая речка». Все пространство, огороженное перед домом, занимал большой огород, от крыльца до ворот вдоль узенькой тропинки была натянута металлическая цепь, на которой бесновалась огромная овчарка, она быстро к нам привыкла, но так никогда и не позволила себя погладить.

Хозяином дома был невысокий мужичок, которого все звали дядей Яшей. Он страдал бронхиальной астмой и ежегодно ездил в санаторий на юг. У дяди Яши я кое-чему научился. Во время жизни в Горьком, мы, несмотря на тогдашний хрущевский запрет на содержание скота в личной собственности в городах, держали в дворовом сарае свинью. Когда наступало время резать очередное животное, я дёргал свинью за ногу и опрокидывал её на спину, наваливаясь всем телом. В тоже мгновение мой сосед, огромный контуженый на фронте солдат, втыкал нож в сердце животного. Дядя Яша поступал умнее: он подходил к скотине сбоку, держа ружьё за спиной, и просто стрелял ей в ухо.

Саша Юдин, до аспирантуры работавший в совхозе ветеринаром, научил нас с дядей Яшей кастрировать маленьких кабанчиков (в возрасте до отъёма от матери). Мы брали поросёнка за обе ноги и резко засовывали его головой в бочку, отсекали бедняге оба яичка и быстро перевязывали кровоточащие сосуды. У аспирантов стипендия

не большая и мы с Сашей, каюсь, не раз за мзду кастрировали поросят по просьбе местных жителей.

Мытарства с жильём заставили меня набраться смелости и обратиться к Председателю президиума ДВФ СО АН СССР¹⁷ Александру Степановичу Хоментовскому с вопросом о том, когда же я, наконец, могу получить квартиру.

– Квартиру мы даём после того, как аспирант защитит диссертацию. Но, поскольку вы не аспирант, мы можем сделать для вас исключение. Вы получите квартиру, как только предоставите нам свою диссертацию в отпечатанном виде, сказал он мне.

Я принёс отпечатанную диссертацию через 1 год и 4 месяца, чего до меня никто не делал.

– Уговор дороже денег, – сказал Хоментовский, – следующая квартира ваша.

Эта «следующая квартира» располагалась в угловом многоэтажном доме на проспекте 100-летия Владивостока в Моргородке. Когда я пошёл её смотреть, то обнаружил, что ванны во всем доме стоячие. Это привело меня в такой ужас, что я фактически сбежал от ордера – добровольно отправился в колхоз. Конечно, за время моего отсутствия квартиру отдали другому сотруднику филиала, и так вышло, что спустя месяц, мы получили освободившуюся однокомнатную квартиру в Академгородке.

Квартира находилась на пятом этаже кирпичной хрущёвки типового планирования, на лестничной площадке четыре квартиры. Жилая площадь однокомнатной квартиры составляла 16 м², высота потолков – 2,5 м, площадь кухни – 4,5 м², в ней – естественный шкаф-холодильник под окном, в комнате – встроенный шкаф-кладовая и балкон, санузел совмещенный, между ним и кухней в стене было подпотолочное небольшое окно. Мы были счастливы!

ЖЕНЬШЕНЬ

Первым Дальневосточным лекарственным растением, на котором сосредоточился Брехман, стал женьшень. Восточные врачи издревле использовали женьшень для лечения самых разных заболеваний. Но главной причиной внимания профессора именно к этому растению стала его популярность среди дальневосточников. Приезжая на запад

¹⁷ ДВФ СО АН СССР – Дальневосточный филиал Сибирского отделения Академии наук СССР.

России, они гордо рассказывали об этом чудо-растении своим знакомым. В представлении большинства людей, живших в европейской части страны, Дальний Восток ассоциировался, прежде всего, с его удалённостью от достижений цивилизации. Затем в голову приходила восточная экзотика: красная икра, крабы, панты пятнистого оленя и женьшень. Словом, если бы Брехман решил начать свои научные изыскания с какого-то другого растения – не женьшеня, ему пришлось бы долго объяснять, почему. Женьшень не требовал ни объяснений, ни рекламы. Местные официальные власти тоже были заинтересованы в его изучении, потому что женьшень являлся предметом экспорта.

Надо сказать, что к моменту приезда Брехмана во Владивосток, работающие в Приморье ботаники уже активно интересовались женьшенем, читали о нём доступную литературу, беседовали с корневищниками-женьшеньщиками, знакомились с внешним видом и строением попавших в их руки корней. Эта работа активизировалась после образования в 1932 г. по инициативе академика В.Л. Комарова¹⁸ во Владивостоке Дальневосточного филиала Академии наук СССР, он же был первым председателем Президиума ДВФ АН СССР. Но научное начало изучения культуры женьшеня было положено ученицей академика В.Л. Комарова Евгенией Николаевной Клобуковой-Алисовой¹⁹, которая создала Ботанический кабинет (по сути, научно-исследовательскую лабораторию) в составе Южно-Уссурийского отделения Российского географического общества (ЮУО РГО), задачей которого было изучение флоры Уссурийского края.

По инициативе Евгении Николаевны в 1927 году была создана небольшая плантация на опытном поле ЮУО РГО на хуторе «Кривой ключ», на котором был посажен 101 корень, из них 46 погибло. На этой плантации была произведена первая посадка семян дикого корня женьшеня.

Фенологические наблюдения на этой плантации вела Анна Михайловна Скибинская²⁰. Позже ею были созданы две новые плантации

¹⁸ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) – ученый-ботаник, президент Академии наук СССР (1936–1945), организатор и первый председатель Дальневосточного филиала АН СССР. При его непосредственном участии был создан Ботанический кабинет ЮУО РГО. В.Л. Комаров поощрял начатые исследования женьшеня на ГТС, он посетил его посадки во время посещений Приморья в 1930, 1932 и 1935 годах.

¹⁹ Клобукова-Алисова Евгения Николаевна (1889–1962) – ботаник-систематик. Прожила в Приморье в 1917–1934 годах. В 1918 году создала Ботанический кабинет ЮУО РГО, была инициатором изучения культуры женьшеня на ГТС.

²⁰ Скибинская Анна Михайловна (1906–1989) – ботаник, помолог, научный сотрудник

В.Л. Комаров

Е.Н. Алисова-Клобукова

Фото из архива ГТС ФНЦ биоразнообразия ДВО РАН

на небольших участках в долине реки Супутинки, на которых были высажены 200 разновозрастных корней женьшеня. Изучением культуры женьшеня и его агротехнического возделывания занимались сотрудницы Горнотаёжной станции Зинаида Ивановна Гутникова²¹ и Галина Эразмовна Куренцова²².

Они изучали вопросы рационализации заготовок дикого женьшеня, оптимальные условия культивирования этого растения, сроки посевов семян, агротехнику его возделывания. Исследовательская работа велась весьма успешно, и полученный ими опыт выращивания женьшеня послужил рекомендацией при создании в Приморском крае первого в СССР совхоза «Женьшень».

Возможности культивации женьшеня исследовали и сотрудники заповедника «Кедровая Падь» Барабашского (ныне Хасанского) района. Там Валентина Петровна Баянова с 1934 г. вела изучение дикорастущих и высаженных на плантациях мелких молодых корней женьшеня, не соответствующих стандарту, полученных из Дальневосточной конторы Всесоюзного треста «Лектехсырьё», работа велась

ГТС в 1931–1934 гг. Провела первые фенологические и ботанические (морфологические) описания женьшеня.

²¹ Гутникова Зинаида Ивановна (1910–1985) – ботаник, начинала работу практиканта-препаратора в Ботаническом кабинете ЮУО РГО, с 1932 г. работала на ГТС. Она автор многих пособий по агротехнике выращивания женьшеня. Популярно её пособие «Женьшень (в помощь искателям и заготовителям)» (1949).

²² Куренцова Галина Эразмовна (1909–1989) – геоботаник, сотрудник ГТС в 1933–1943 гг., автор брошюры «Женьшень» (опыт культуры)» (1946).

З.И. Гутникова

Г.Э. Куренцова

Фото из архива И.И. Брехмана

на средства треста. Растения разместили на нескольких разобшённых участках, покрытых чёрно-пихтово-широколиственным лесом.

Выбирая объектом своего интереса женьшень, Брехман понятия не имел, за какое трудное дело взялся. Женьшень очень высоко ценился в восточной медицине. Считалось, что он исцеляет от многих болезней и даже возвращает молодость. Но оказалось, что современная научная медицина уже пыталась проверить лечебную ценность этого волшебного корня и пришла к выводу о полном её отсутствии. Собственно, в самом этом факте не было ничего необычного. Многие народные средства не выдерживают научной проверки. Но в то, что такая же участь должна постигнуть и «царя трав» женьшень, просто не хотелось верить.

Сам факт проведения в Дальневосточном филиале Академии наук СССР ботанических и фармакологических исследований женьшеня представлял огромную ценность не только для науки, но и для госучреждений, занятых его экспортом. Помню, как я нагружал на себя по несколько мешков с корнями, хранившимися на Ленинской-50, и перевозил их в Академгородок, где в лаборатории Брехмана из женьшеня готовили экстракт.

Брехман начал скрупулёзно исследовать женьшень. По правилам фармакологической науки исходное тестирование биологической активности исследуемого объекта осуществляется на моделях, перечень которых включает измерение: а) ритма сокращений сердца лягушки, б) величину кровяного давления в сонной артерии кошки,

в) степень сокращения изолированной тонкой кишки морской свинки. Израиль Ицкович запасся терпением и начал один за другим проводить тесты на препарат женьшеня по возможным вариантам. Специальной иглой он разрушал спинной мозг лягушки, чтобы её обездвижить, затем он укладывал подопытное животное на спину и закреплял её лапки на дощечке, затем надрезал грудную клетку и выводил наружу сердце, сохранявшее связь с организмом через сосуды и нервы. Сквозь сердце продевалась ниточка, один из концов которой прикреплялся к рычажку регистрационного устройства-кимографа. Перо рычажка касалось закопчённой ленты, приводимой в движение вращающимся барабаном, и вычерчивало на ленте кривую процесса. Сокращение сердца передавалось рычажку, а перо графически регистрировало эти удары на закопчённой ленте. Лягушке вводили женьшень – сердце продолжало биться в том же ритме?!

Брехман попросил знакомых ребяташек поймать ему несколько бездомных котов. Наутро у него уже было четыре животных. За каждого кота было обещано вознаграждение, и заказчик дядя Саша раздал ребятишкам деньги. Но один мальчишка, кстати, сын интеллигентных родителей, никак не уходил.

– Ты чем-то недоволен? – спросил его профессор.

– Посмотрите, – отвечал ему отважный охотник на котов, – мой кот самый большой и самый красивый из всех, кого вам принесли. А вы заплатили мне те же пятьдесят копеек, как и остальным. Это несправедливо.

Брехман удвоил оплату сыну интеллигентных родителей, и справедливость была восстановлена. А рублёвого кота посадили под колпак, бросили туда же ватку, смоченную эфиром. Сначала кот был возбуждён, но постепенно успокоился и заснул. Тогда его привязали к столу, вставили в сонную артерию трубочку и замерили его кровяное давление. В вену ввели экстракт женьшеня. Обычные нетоксичные дозы женьшеня не оказали на кровяное давление никакого действия.

У морской свинки вырезали кусочек тонкой кишки, который поместили в физиологический раствор, в котором кишка продолжала сокращаться, при этом степень сокращения регистрировалась. И в этом случае женьшень оказался неактивным. Выяснилось, что только в очень больших дозах, близких к тем, которые вызывали гибель животных, женьшень усиливал амплитуду сокращения сердца у лягушки, понижал кровяное давление у кота и уменьшал степень сокращения тонкой кишки у морской свинки. Протестировав действие

женьшения на ряд физиологических процессов (сердцебиение, кровяное давление, мышечное сокращение), экспериментатор пришёл к выводу, что работа закончилась тупиком. Он всерьёз задумался, стоит переключиться на какой-то другой проект или продолжить работу на свой страх и риск?

Он решил посоветоваться с Николаем Васильевичем Лазаревым и отправился к нему в Ленинград, который в тот момент отдыхал на даче.

– Пойдёмте за грибами, – сказал он, – на природе лучше думается. Люблю собирать грибы и не люблю охоту. Охотников тоже не люблю. У вас на Дальнем Востоке много охотников?

– Много.

– Тигров всех перестреляли?

Почти всех.

– Сначала тигров, потом оленей, потом уток. Шаблонное мышление. Кстати, вы наступили на гриб.

– Да, может быть.

– Не может быть, а так оно и есть. И вы его раздавили. Нет, не левой ногой, а правой. Лучший способ дискриминировать новое лекарство – обозвать его панацеей. Не исключено, что в женьшене сочетается счастливый набор химических веществ. Другой вариант – в женьшене всего лишь одно вещество, которое воздействует на какую-то неспецифическую реакцию. Вы читали работы Ганса Селье? Почитайте, быть может, они вам помогут.

Вечером на даче жена Николая Васильевича жарила на сковородке грибы. Потом Брехман поспешил на электричку. На прощанье, Лазарев сказал:

– Ищите свою панацею и не бойтесь никого. «Безумству храбрых поём мы славу»!²³.

Брехман вернулся во Владивосток с твёрдым намерением продолжить исследования женьшеня.

БЕЗУМСТВУ ХРАБРЫХ!

Недаром говорят, что человек обязательно найдет то, что упорно ищет.

Во время учёбы в 1941–1945 гг. в Военно-морской медицинской академии курсант Брехман занимался в научном кружке под руководством начальника кафедры фармакологии ВММА, полковника

²³ Фраза из «Песни о Соколе» Максима Горького.

медицинской службы Николая Васильевича Лазарева. В те военные годы на кафедре Николая Васильевича большое внимание уделялось поиску новых средств, повышающих работоспособность организма в условиях экстремальных воздействий. В числе наиболее удачных средств оказалось тогда ещё малоизученное вещество – фенамин. При приеме фенамина утомление у работающих людей развивалась значительно позже, чем в контрольной группе. Недостатком фенамина было то, что он вызывал сильное возбуждение, за которым следовало сильное последствие. Период повышения работоспособности, который продолжался два-четыре часа, сменялся длительным (до нескольких суток) отрицательным последствием, вызванным нарушением обмена веществ, вследствие использования неприкосновенных резервов организма.

Средства, подобные фенамину, называются допингами. Однократно назначение допингов допускается медициной только в некоторых, исключительных случаях. Особенно недопустимо использование допингов в спорте, где их иногда применяют в погоне за высокими результатами. Спортсмен, принимающий допинг, теряет контроль над рациональным распределением собственных сил на дистанции, и такие истории нередко заканчиваются печально. Использование допингов в спорте запрещено международными правилами, но, к сожалению, почти ни одно крупное соревнование не обходится без их нарушения.

Изучение действия лекарств на работоспособность не относится к классическим методам фармакологического исследования новых препаратов, подобные задачи обычно решаются промышленной и спортивной медициной. Но Брехман решил воспользоваться опытом, полученным в курсантские годы. Позднее в своей книге «Женьшень» он рассказал, что на мысль об оптимизации резервов организма его навело встреченное в литературе описание определения подлинности корней, поставляемых вапанцзями (искателями женьшеня) приёмщикам китайских и тибетских аптек. Если у приёмщика возникало подозрение, что поставщик пытается подсунуть ему корень другого растения, он отправлял двоих человек в небольшой поход на 3–5 миль, одному из них в рот клали кусочек испытуемого корня. Если в конце пути тот, кто жевал корень, не чувствовал усталости, а его спутник был утомлён, корень считался настоящим.

Когда Брехман решил проверить свою гипотезу на лабораторных животных, возникли некоторые рабочие трудности. Лабораторные животные «не трудятся» в буквальном смысле этого слова, жизнь их спонтанна. Обычно, моделируя условия физической работы, мышцей

заставляют бегать на тредбане—самодвижущейся дорожке, заставляющей животное бежать, как белку в колесе. К сожалению, при этом трудно регистрировать наступление утомления, так как животные обычно перестают совершать активные движения до наступления полной усталости. Гораздо более подходящим оказалось использование плавания животных. О наступлении уровня усталости можно судить по погружению мыши на дно аквариума. Брехман заставлял мышей плавать в воде, подогретой до 28–30 градусов Цельсия. Половине мышей водили женьшень, другая половина животных была контрольной группой (без препарата). Оказалось, что мыши, получавшие женьшень, способны плавать в полтора раза дольше контрольных. Это были первые экспериментальные данные, свидетельствующие об эффективности женьшеня.

Плавание мышей позволило Брехману обнаружить стимулирующее действие женьшеня. Этот метод был гораздо показательнее, чем бег животных на тредбане. Однако и плавание оказалась неидеальным методом. Как выяснилось при более глубоком изучении, в воде некоторые мыши умели надувать живот и зависать в воде, не двигаясь. Тогда Брехман обратился в институтскую мастерскую за помощью к Григорию Ивановичу Глазунову. Мастер пришел в восторг от удивительной способности мышей зависать в воде:

– У-у-у! Алкаши!

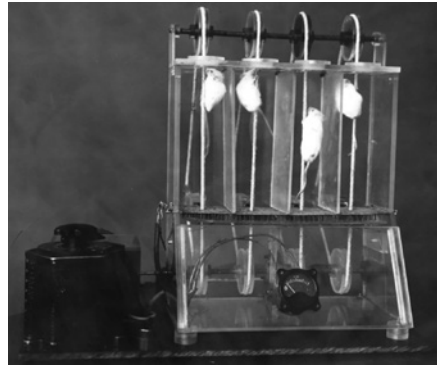
Учёный и умелец наточили карандаши, взяли чистые листы бумаги и несколько дней корпели над разработкой чертежей самых невероятных приборов, с помощью которых можно было бы изучать работоспособность животных. Когда Григорий Иванович устал, он делал несколько глотков из своего заветного пузырька – и творческий процесс продолжался.

Наконец, появилось детище этой лихорадочной работы мысли.

– Имя этому прибору будет «бесконечный канат»! – торжественно объявил Григорий Иванович и многозначительно поднял вверх указательный палец.

Прибор был исполнен из плексигласа и представлял собой четыре замкнутые камеры, внутри каждой из которых в вертикальном направлении была натянута веревочка-шнур («канат»). Пол камер был сделан из медных пластинок, через которые пропускали электрический ток. Мышь помещали в камеру, подавали слабой силы ток на медные пластинки пола, через которые могли проходить вертикальные металлические стерженьки и подталкивать мышь, если она усядется на пол. Животное, спасаясь от ударов тока, прыгало на канат. В этот

момент включали мотор. Канат начинал двигаться сверху вниз, возвращая мышь к опасным пластинкам. Чтобы избежать очередного удара током, мышь карабкалась вверх по канату в течение 15–25 минут, пока не выбивалась из сил. Тогда она падала на пол, уже не обращая внимания на электричество. В одной из четырёх камер бегала мышь, которой вводили физиологический раствор (контроль), а в трёх остальных «трудились» животные, получившие разные дозы женьшеня.

Прибор «Бесконечный канат».
Фото из архива И.И. Брехмана

Используя «бесконечный канат», Брехман за относительно короткое время смог подобрать такие условия изучения женьшеня, при которых на единицу веса корня приходилось максимальное биологическое действие препарата. Сравнивая женьшень и фенамин, обнаружили, что механизм их влияния на работоспособность существенно отличается. Женьшень не возбуждает, а стимулирует организм во время работы, после окончания которой не наблюдается отрицательных последствий. Поэтому женьшень нельзя было отнести к группе допингов – это был реальный стимулятор работоспособности.

Теперь Брехман, который к тому времени уже расстался с мундиром морского офицера, обратился к нескольким военным врачам, бывшим своим сослуживцам:

– Ребята, вот вам лекарство. Как оно называется – не скажу. Насколько оно хорошее – тоже не скажу. Проверьте его действие на работоспособность людей, а потом мы соберёмся и вместе всё обсудим.

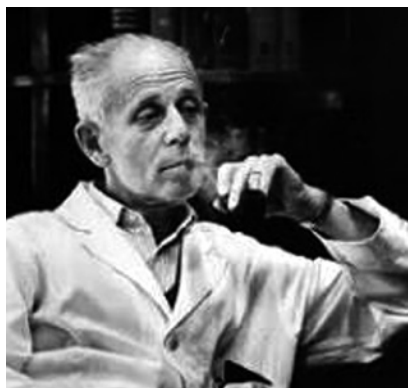
Сначала женьшень испытали на военных спортсменах. Бегуны, получавшие препарат, показывали лучшее время, чем их соперники, принявшие нейтральную жидкость (контрольная группа). Затем женьшень дали профессиональным корректорам. Корректоры проверили заданный тест быстрее, чем обычно, и сделали меньше ошибок. Наконец, женьшень проверили на радиотелеграфистах: препарат не влиял на количество передаваемых знаков, но число ошибок было ниже, их работа стала качественнее. И самое главное, ни в одном случае при приёме женьшеня он не провоцировал отрицательное последствие.

Благодаря этим работам Брехмана женьшень был внесён в Государственную Фармакопею СССР как эффективный и безвредный стимулятор работоспособности.

Дальневосточное фармакологическое дело было начато.

ТЕОРИЯ СТРЕССА

По совету Лазарева, Брехман начал штудировать работы Селье. Сегодня слово «стресс» уже у всех на слуху, каждый знает, что оно означает «напряжение». Американский ученый Уолтер Кэннон использовал термин “stress” (англ. напряжение, нагрузка) ввёл в физиологию и психологию для описания нарушений гомеостаза под влиянием нагрузок.

Ганс Селье. 1974.

Фото из архива И.И. Брехмана

Позднее канадский физиолог Ганс Селье придал этому термину уже собственно биологический, более глубокий смысл, определив его как общий, неспецифический ответ организма на предъявляемые к нему требования. В Советском Союзе насторожённо относились к буржуазным учёным, поэтому теорию стресса сначала сочли лженаучной. Неудивительно, что довольно старая книга Селье “The Story of the adaptation syndrome” (1950) увидела свет в СССР под названием

«Очерки об адаптационном синдроме» только в 1960-м году, незадолго до того, как я начал работать у Брехмана.

В своей книге Селье вспоминает о том, что на лекциях по инфекционным болезням в медицинском институте, он был поражен тем, что преподаватель подробно рассказывал о симптомах брюшного тифа, скарлатины и кори, но не обращал внимания на то, что во всех этих заболеваниях повышается температура, появляется сыпь, возникает слабость и другие сходные признаки.

Позже Селье вспоминал:

– Я не могу понять, почему с незапамятных времён врачи старались сконцентрировать свои усилия на распознавании отдельных болезней и открытии специфических лекарств, пригодных для излечения только одного определенного недуга, но не обращали никакого

внимания на синдром «просто болезни», «болезни вообще». Несомненно, одна болезнь отличается от другой, но есть ещё нечто такое, что отличает всех больных от здоровых, а болезнь от здоровья.

Он хотел спросить об этом профессора, но постеснялся своей неосведомленности и, скорее, наивности. А потом, когда Селье выучил множество признаков, отличавших одну болезнь от другой, сам вопрос о сходстве между заболеваниями отошёл на задний план и забылся.

Окончив институт, Селье занялся не практикой, а теоретическими исследованиями. Он работал в биохимической лаборатории и пытался выделить из плаценты новый половой гормон. Спустя некоторое время ему как будто удалось сделать это. При введении крысам одного из экстрактов он постоянно получал одинаковые изменения: увеличение веса надпочечников, уменьшение лимфатических органов (тимуса и селезёнки) и кровоизлияния в желудке. Гансу Селье, в то время было только 28 лет, он считал, что находится на пороге большого открытия и ликовал:

– Какое счастье!

Его шеф решил проверить результаты опытов. Он сам приготовил и очистил экстракт из плаценты. Когда экстракт ввели крысам, у животных не появилось никаких изменений. Старший коллега объяснил Селье, что тот просто недостаточно хорошо очистил экстракт, и изменения были вызваны не гормоном, а примесями.

– Селье, вы просто грязно работаете.

Ганс взял первое попавшееся вещество, стоявшее на полке, и ввёл его крысам. Этим веществом оказался формалин. У крыс возникли те же изменения, что и от «полового гормона»! Далее он использовал несколько других веществ, и все они вызывали тот же комплекс изменений. Шеф оказался прав, похоже, дело было в примесях! Более того, через некоторое время он обнаружил, что точно такие же отклонения можно получить не только при введении разных химических веществ, но и в результате воздействия на животных вообще разных факторов: мышечной работы, тепла, механической травмы и т. д.

Никогда в своей жизни Селье не испытывал такого разочарования. Все мечты об открытии нового гормона были внезапно разрушены.

Казалось, остаётся только одно – признать своё поражение. Но тут сработало «периферическое зрение». Он взглянул на свои опыты в новом ракурсе. Если это не гормон, то, всё-таки, что это? Почему совершенно разные вещества и воздействия вызывают одинаковые изменения: гипертрофию надпочечников, уменьшение лимфоидных органов и кровоизлияния в желудке? Не являются ли эти изменения

экспериментальным эквивалентом того, что в студенческие годы он считал «общим проявлением болезни»?

Эта мысль настолько поразила Селье, что он решил глубже изучить обнаруженное им явление. Решение ещё больше утвердилось, когда, спустя некоторое время, он сообразил, что открытие неспецифического ответа на повреждение организма по своему значению во много раз важнее открытия очередного гормона.

Но мысль об общих проявлениях болезней во времена молодого исследователя Ганса Селье большинству ученых-физиологов казалась совершенно абсурдной. Традиционное медицинское мышление тогда было направлено исключительно на поиск отличий и дифференциацию диагнозов. Один из учёных старшего поколения, которого Ганс очень уважал, пригласил юного коллегу к себе:

– Селье, – сказал он, – послушайте совет, который дает голос опыта. Вот уже несколько месяцев я пытаюсь убедить вас бросить эту бесполезную линию исследований. По моему мнению, вы обладаете всеми необходимыми качествами научного сотрудника и, если продолжите свои прежние работы то, несомненно, сможете сделать вклад в такую общепризнанную область науки, как изучение гормонов. Зачем же вместо этого браться за рискованную авантюру?

В ответ на эти замечания Селье ответил вспышкой неудержимого энтузиазма, аргументируя свою новую точку зрения. Собеседник грустно посмотрел на него и произнёс с отчаянием:

– Все ваши факты основаны на результатах изучения действия примесей. Но, Селье, пока не поздно, одумайтесь! Что вы делаете? Ведь вы фактически решили посвятить свою жизнь изучению фармакологии грязи.

Но Селье так и не прислушался к «голосу опыта». Он, действительно, весь остаток жизни посвятил изучению «общего синдрома болезни» и никогда не пожалел об этом.

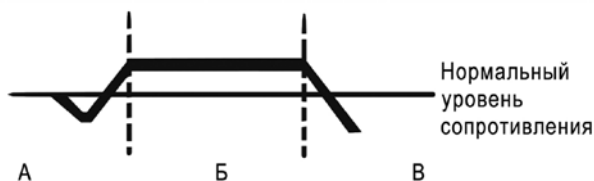
Нельзя сказать, что до Селье никто не обращал внимания на неспецифический ответ организма на повреждение. Но другие исследователи описывали только отдельные неспецифические признаки, частичные изменения, они не видели взаимосвязи между наблюдаемыми отклонениями. Заслуга Селье состоит в том, что за этими частными изменениями он сумел разглядеть сложную и чрезвычайно важную для организма реакцию. Со временем он установил, что эта неспецифическая реакция является защитной. Смысл её состоит в том, что, встречаясь с повреждающим фактором, организм начинает генерировать энергию, чтобы повысить шансы выживания.

Ганс Селье смог расшифровать механизм этой реакции. Перестройка обмена веществ, обеспечивающая создание дополнительной энергии, происходит под влиянием гормонов, секретируемых надпочечниками. У крыс надпочечники не больше булавочной головки, но они играют определяющую роль в обеспечении выживания. Когда на организм действуют повреждающие факторы, надпочечники начинают работать настолько интенсивно, что даже увеличиваются в размере. Именно увеличение надпочечников было первым признаком, который он заметил у крыс, когда вводил им свой «гормон», а затем и другие вещества. Если у крысы удалить оба надпочечника, то животное погибнет от первой же случайной причины!

Но из чего создаётся эта дополнительная энергия? Оказалось, что при значительных повреждениях организм способен идти на крайние меры и даже разрушать собственные внутренние органы, чтобы обеспечить надпочечники сырьём для создания энергии. Причем уменьшается вес не только лимфоидных органов, как обнаружил Селье, но и печени, почек и мышц. Следствием такого разрушения органов являются многочисленные кровоизлияния в желудке, кишечнике, лёгких и на роговице глаз. Все эти изменения показывают, что неспецифическая защита требует неимоверного напряжения организма. Именно эта реакция и была названа стрессом.

Ученый обнаружил, что стресс протекает стандартно, только если организм находился в нормальных условиях до воздействия повреждающего фактора (стрессора). Например, вместо обычных изменений, наблюдавшихся при воздействии изолированных повреждающих факторов, у крыс с удалённой почкой, получавших диету с избыточным содержанием хлористого натрия, опухали суставы, развивался миокардит с поражением стенок коронарных артерий. Совокупность наблюдавшихся изменений была похожа на комплекс симптомов ревматизма. Картина менялась, если животным на фоне хлористо-натриевой диеты вводили кортизол. В этом случае в сердечной мышце крыс развивался некроз, похожий на инфаркт миокарда.

На основе этих опытов Селье пришёл к выводу о том, что любое воздействие на организм вызывает стресс, но сопутствующие факторы могут привести к тому, что нормальное течение стресса «сойдёт с рельсов». В ситуации стресса любой генетически ослабленный или поражённый орган превращается в особо уязвимую мишень. Следовательно, характер болезни определяется не только природой стрессора, будь он вирусом, бактерией или чем-то ещё, но и особенностями

Три фазы общего адаптационного синдрома (стресса).
(Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. С. 27)

А. Реакция тревоги. Организм меняет свои характеристики, будучи подвергнут стрессу. Но сопротивление его недостаточно, и если стрессор сильный (тяжёлые ожоги, крайне низкие температуры) может наступить смерть.

Б. Фаза сопротивления. Если действие стрессора совместимо с возможностями адаптации, организм сопротивляется ему. Признаки реакции тревоги практически исчезают, уровень сопротивления поднимается значительно выше обычного.

В. Фаза истощения. После длительного действия стрессора, к которому организм приспособился, постепенно истощаются запасы адаптационной энергии. Вновь появляются признаки реакции тревоги, но теперь они необратимы, и индивид погибает».

состояния самого организма, диетой, режимом нагрузки. Эти факторы, влияющие на патогенез заболевания, называются обуславливающими. В 1936 году Ганс Селье описал «синдром, вызываемый вредоносными агентами».

ЭЛЕУТЕРОКОКК

Брехман понимал, что даже в случае полного успеха создания совхоза «Женьшень», потребность в этом растении не будет полностью удовлетворена. Культивирование женьшеня обходилось слишком дорого из-за особой привередливости растения в процессе выращивания. Между тем, кроме женьшеня, на Дальнем Востоке росли ещё его «братья» — растения из семейства аралиевых (fam. *Araliaceae* Juss.): акантопанакс или свободнаягодник сидячецветковый, аралия высокая или маньчжурская, заманиха или оплопанакс высокий, калопанакс семилопастной или диморфант, элеутерококк или свободнаягодник колючий — соответственно: *Eleutherococcus sessiliflorus* (Rupr. et Maxim.) S.Y. Hu, *Aralia elata* (Miq.) Seem., *Oplopanax elatus* (Nakai) Nakai, *Kalopanax septemlobus* (Thunb.) Koidz., *Eleutherococcus senticosus* (Rupr. et Maxim.) Maxim. Если бы хотя бы одно из этих

растений могло заменить женьшень, это существенно продвинуло бы вперёд дальневосточное фармакологическое дело.

По родственному систематическому признаку для приготовления препаратов и определения их физиологической активности были взяты для испытания несколько растений из аралиевых. Было решено испытывать новые препараты традиционно с помощью измерения работоспособности мышей. Григорий Иванович расчехлил знаменитый прибор «бесконечный канат» и разразился очередным нравоучением о том, что «главное в науке – это система».

Мыши бегали по бесконечному канату, как и несколько лет назад, когда им вводили женьшень, но теперь подопытные животные поочередно получали экстракты, приготовленные из акантопанакса, аралии маньчжурской, заманихи, калопанакса и элеутерококка. Результат скрининга был ошеломляющим: препараты из взятых растений семейства аралиевых стимулировали работоспособность не хуже женьшеня. Брехман решил сосредоточить свое внимание на элеутерококке, потому что заманиха, акантопанакс и калопанакс (особенно заманиха) встречаются довольно редко. Аралия маньчжурская уже использовалась в медицине, но её исследование не было связано с изучением женьшеня, к тому же она была токсичнее элеутерококка, поэтому попытка использовать её как заменитель женьшеня была неперспективной.

Первым делом нужно было проверить, повышает ли элеутерококк, подобно женьшеню, сопротивляемость животных к разным воздействиям. Лаборанты принялись крутить мышей в центрифуге, облучать рентгеновскими лучами, подвергать действию разных токсических химических веществ и инфекций. Во всех случаях элеутерококк не уступал женьшеню. Теперь Брехман твёрдо знал, что необычно широкий спектр терапевтической активности женьшеня не является исключением. Есть, по крайней мере, и вторая панацея.

АДАПТОГЕНЫ И СТРЕСС

Особенности биологической активности женьшеня и элеутерококка, с одной стороны, и адаптационный синдром Селье (стресс) – с другой, заставили меня предположить наличие признаков аналогии этих явлений.

К сожалению, я не мог начать опыты сразу, потому что в лаборатории не было крыс. До сих пор здесь все работали на мышах, морских

свинках и кроликах. В Москве или Ленинграде вопрос решился бы очень просто: институт перечислил бы деньги в питомник, занимавшийся разведением лабораторных животных, а взамен получил бы крыс. Но во Владивостоке питомника не было. Как угорелый я носился по всему городу, пока, наконец, не выпросил небольшое количество животных линии Вистар в морском госпитале. Они дали мне десяток крыс, а только для первых опытов мне требовалась, как минимум, сотня.

Оставалось только ждать, пока имеющиеся животные размножатся, и уповать на плодовитость крыс. Их беременность длится 21–23 дня, и каждая самка приносит по десять-одиннадцать детёнышей. Месяца через 3,5–4 этот приплод уже сам может приносить потомство. При таких темпах я мог иметь необходимое количество животных через полгода. Целых полгода! Делать было нечего. Мы рассадил крыс по клеткам и стали ждать. На первой неделе я просто с любопытством заглядывал в клетки, умиляясь, какие это умные и тихие животные; на второй неделе я с тревогой вглядывался в своих питомцев, стараясь разглядеть признаки беременности; на третьей неделе я каждое утро в нетерпении прибегал на работу и с порога кричал работнице вивария:

– Ну как?

Ответом была улыбка от уха до уха:

– Они выглядят как гитары.

Наконец, появились маленькие крысята. Розовые, слепые и совершенно голые, они копошились в гнезде, как клубок личинок навозных мух. Потом малыши покрылись белым пухом и стали носиться по клетке, залезать на дверцу, играть друг с другом. Их невозможно было взять в руки. Стоило дотронуться до крысёнка, как он мячиком отлетал в сторону. Тем временем их мамы, которых мы предусмотрительно отсадили от детей, снова стали похожи на гитары и готовы были принести очередное потомство. И пошло – поехало. Они были просто не истошны в своем ремесле, эти крысиные мамы. Пока работал этот репродуктивный конвейер, я тоже не сидел без дела – учился вскрывать животных, осваивал необходимые биохимические методики.

Наступил момент, когда у меня было 30 крыс подходящего возраста и веса. Это были ровные фракции, весившие по 100–110 г. Я назначил проведение опыта на завтра. Но к концу рабочего дня нас всех, молодых людей, вызвали к директору: начиналась очередная кампания, и мы должны были ехать на месяц в подшефный колхоз на уборку сена.

Целый месяц я работал на волокуше, копнил, стоговал, сушил. Надо было выполнять норму, а у меня вилы падали из рук – я думал о стрессе. Как-то бригадир разозлился и нецензурно отругал меня, а я на него даже не обиделся – я думал о стрессе. У одной местной девушки, работавшей с нами, глаза были, как черносливы, и, завидев меня, она прятала их в смущении за забором черных ресниц. Увы, я думал только о стрессе.

Вернувшись из колхоза, тотчас побежал в лабораторию и начал задуманный эксперимент. Я взял три группы крыс: одной группе ввёл женьшень, другой – элеутерококк, третья группа служила контролем. Через сутки я должен был забить крыс, провести вскрытие, взвесить надпочечники и вилочковую железу (тимус), определить содержание холестерина в надпочечниках – то есть проверить наличие изменений, характерных для стресса.

На следующее утро пришел в лабораторию раньше всех. В здании было тихо и пустынно. Я посмотрел в окно. На улице – никого. Под окном застыл в немом спокойствии лес. Кроны деревьев были похожи на плотные кучевые облака, какими их видишь из иллюминатора самолёта, только эти облака были зелёные. Проволоку, натянутую между домами, ещё не заняли бельем, и она провисала от росы. Около строящегося нового корпуса не было никакого движения. Рабочие пока не пришли. Море сверкало. На середине залива маячило несколько рабочих лодок. Над противоположным берегом узкая полоса тумана растянулась вдоль подножья синих сопок, отрезая их верхушки от поверхности моря. Казалось, что сопки парят в воздухе. Ясное утро предвещало удачу. Настроение было праздничным.

Я спустился в виварий. Взял своих крыс. Забил их. Положил на поднос ровными рядами по группам. Вернулся в лабораторию и начал вскрытие. Это был мой первый самостоятельный опыт. Работал, не замечая времени. Пришли другие сотрудники. Каждый занялся своим делом, а я вскрывал и вскрывал. Потом все начали обедать. Я не встал из-за стола – извлекал органы, изменённые стрессом: надпочечники, вилочковую железу, селезёнку и взвешивал их. Через каждые десять взвешиваний тщательно протирал чашечку торсионных весов, чтобы не нарушалась точность измерений.

Часам к двум дня вскрытие было закончено.

Результат совершенно не совпал с моими ожиданиями: женьшень и элеутерококк не вызвали у опытных животных никакого стресса. Предположение о том, что эти лекарства имитируют стресс,

не подтвердилось. Это очень меня разочаровало. Я тут же побежал к Брехману. Он был озадачен:

– Кажется, придётся развернуть пушки на 180 градусов.

Мы решили повторить Селье, проведя опыты с самыми разнообразными повреждающими воздействиями. Заставляли крыс то плавать, то обездвигивали их (иммобилизация), привязывая к дощечкам, то вызывали у них оперативным путём кишечную непроходимость, то вводили им яды. Во всех случаях результат был одинаков: женьшень и элеутерококк препятствовали увеличению функции и размеров надпочечников, уменьшению вилочковой железы и селезёнки, появлению кровоизлияний в желудке. Теперь уже не оставалось сомнений в том, что женьшень и элеутерококк действительно сдерживают развитие стресса.

Наконец, Брехман сказал:

– Стоп! Пора поразмыслить над тем, что у нас получилось.

А поразмыслить действительно было над чем. Ведь стресс – это защитная, полезная для организма реакция. Как объяснить тот факт, что средства, которые, как мы заведомо знаем, повышают сопротивляемость организма, уменьшают проявления стресса? Концы с концами явно не сходились.

– Надо начинать всё сначала, – твёрдо сказал Брехман.

– Что начинать? Опыты?

– Нет, читать Селье.

Я не сразу понял, зачем нужно снова читать Селье. И только потом открыл для себя удивительную вещь, которую, конечно же, уже знал Брехман: когда второй раз читаешь одну и ту же статью, то находишь в ней много нового. Это объясняется тем, что второе прочтение, как правило, продиктовано необходимостью избирательно уточнить некоторые подробности, на которые при первом чтении можно просто не обратить внимания. Вновь штудировав работы Селье, я читал уже не всё подряд, а только те места, где говорилось о защитной функции стресса и, в результате, изучил этот вопрос значительно глубже.

– Прояснилось что-нибудь? – время от времени спрашивал Брехман.

– Кажется, да...

Я вычитал, что при сильном и хроническом воздействии защитная реакция стресса истощает ресурсы организма для того, чтобы генерировать больше энергии, организм разрушает ткани некоторых органов, что проявляется уменьшением их веса и образованием язв.

Такая двойственность наблюдается не только при стрессе, но и при других приспособительных реакциях. Именно об этом известный русский физиолог Иван Петрович Павлов говорил: «Для приспособительных реакций характерны явления двух порядков: полома и физиологической защиты».

Женьшень и элеутерококк, изменяя течение стресса, оказывается, уменьшали в первую очередь как раз признаки «полома». Как они это делали? Этого мы пока не знали. Но это, собственно, уже другой вопрос. Было достаточно того, что мы установили: женьшень и элеутерококк изменяют течение стресса. Это открывало возможность шире понять лечебное действие этих лечебных средств и доказывало принципиальную возможность существования панацеи.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛАЗАРЕВ

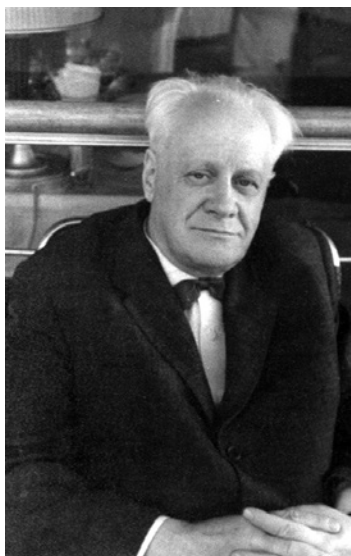
Однажды наш шустрый аспирант Володя В. прибежал в общежитие, запыхавшись, и выпалил:

– Приезжает Лазарев, так что держитесь! Будем из кожи вон лезть, но надо обязательно ему понравиться. От этого зависит наша будущая карьера.

– Ну, уж, из кожи вон лезть я предоставляю тебе, – ответил я Володе.

Сотрудники лаборатории с букетом цветов почтительно замерли на перроне. Мы, молодёжь, нерешительно толпились за спинами старших. Когда показался поезд, я почувствовал, как моё сердце уходит в пятки. Для нас Лазарев был божеством: по двум томам «Руководства по фармакологии», ответственным редактором которого он был, мы все постигали основы этой науки. Его монографии «Основные принципы лечения острых отравлений» (1944), «Эволюция фармакологии» (1947), «Общее учение о наркотиках и наркозе» (1958), «Лекции по фармакологии системы крови» (1960) были нашими настольными книгами. Мне не верилось, что через несколько минут я буду представлен этому человеку. Совершенно серьёзно мне пришла в голову мысль, что Брехман поставит нас в шеренгу, а Лазарев будет обходить нас, знакомясь с каждым. Я подумал, что надо приложить все усилия, чтобы в этот момент не застыть с каменной физиономией, а, напротив, по возможности, улыбаться.

Когда поезд подошёл, все побежали к нужному вагону, из которого один за другим выходили пассажиры. Лазарева всё не было.

Николай Васильевич Лазарев.
Фото из архива И.И. Брехмана

Встречающие было растерялись. Вдруг из окна высунулась большая седая голова. Старик высматривал кого-то среди толпы на перроне.

— У меня куча чемоданов, — закричал он, увидев, наконец, Брехмана, — пусть кто-нибудь из ребят поможет вынести вещи.

Володя первым бросился в вагон, чуть не сбив проводницу с ног. Мы все вместе втиснулись в маленькое купе. Скоро выяснилось, что в такой толкотне не получится не только вынести вещи, но даже повернуться. Тогда все начали выбираться обратно, а в купе остались трое: Лазарев, Брехман и я. Лазарев и Брехман оживлённо говорили друг другу обычные в этих случаях слова, а я доставал со второй полки чемоданы и передавал их в коридор ребятам. Услышав, что Брехман назвал Лазареву моё имя, я на секунду прервал работу, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и скромно шмыгнул носом. Так состоялось наше знакомство.

Когда мы выходили из вагона, Брехман соскочил со ступеньки первым и пытался помочь Лазареву, но Николай Васильевич отказался. Спускаясь, он крепко держался рукой за поручень. Я заметил, что, преодолевая последнюю ступеньку, он сначала пощупал ногой землю и только потом отпустил поручень. В этот момент на него с радостными возгласами набросились наши женщины с цветами.

Наконец, возбуждённая процессия двинулась к выходу с перрона, где Лазарева ожидало такси. Я тащил профессорский портфель, прижимая его к груди, и был на седьмом небе от счастья. Ещё бы! Не каждому повезёт хоть раз в жизни поносить портфель человека, по книгам которого он учился. Володя разбежался, обогнал процессию и распахнул перед Лазаревым дверь такси. Профессор глянул на него искоса (как оказалось позже, это был его коронный взгляд) и, едва шевеля губами, произнёс:

— Вострый малый.

Однако в машину Лазарев садиться не стал, заявив, что пусть в такси отправляются вещи, а он после долгого путешествия в поезде с удовольствием пройдёт пешком, тем более что от вокзала до гостиницы «Челюскин» (ныне «Версаль»), в которой ему забронировали номер, совсем недалеко. Когда в багажник укладывали вещи, Николай Васильевич пересчитал чемоданы. Володя вызвался сопровождать багаж в такси, а все остальные отправились в гостиницу пешком.

На следующий день Лазарев выступил в лаборатории, а через день пригласил в гостиницу молодёжь.

– Вы хотите добиться успеха в науке? – спросил он нас. – Хотите, чтобы ваши работы признали? Я знаю верный рецепт.

Он сделал паузу и лукаво посмотрел на нас. Конечно же, мы все мечтали об успехе. И ему было забавно смотреть на наши открытые рты и уши, наострѐнные в ожидании рецепта успеха. Вида он, конечно, не подал. Вместо этого, слегка наклонившись к нам, Николай Васильевич заговорил серьёзно и доверительно:

– Многие исследователи мечтают об успехе, но немногим удаётся его добиться. Почему? Да потому, что большинство учёных допускают ошибку, стараясь для своей работы выбрать модную тему, как если бы они выбирали галстук. Даже выражение есть: «Попасть в струю». Будто в медицине не осталось никаких других нерешѐнных задач. Конечно, те, кто попадает в струю, получают некоторое преимущество: их легче печатают в журналах, чаще приглашают на конференции, им не приходится отстаивать правильность своих взглядов. И всё-таки, истинного успеха добивается только тот, кто работает над такой темой, которой никто раньше не занимался.

В качестве примера, Лазарев рассказал нам, что свой путь фармаколога, т. е. создателя лекарств, он начал с бензина. Того самого бензина, на котором работают моторы автомобилей. Его первая научная монография так и называлась «Бензин как промышленный яд. Экспериментальная токсикология и патология и практические выводы для борьбы с профессиональными отравлениями» (1931). Конечно, многие его коллеги считали, что фармакологу не к лицу заниматься такой грязной работой, за ним закрепилось прозвище «Король Бензина». Но даже явные доброжелатели и друзья не догадывались, что именно изучение бензина приведѐт Николая Васильевича к созданию оригинальной теории механизмов действия наркотиков. Казалось бы, что общего между наркотиками и бензином? И всё же, со временем стало совершенно очевидно, что без работ Лазарева не было бы современной теории наркоза.

Покончив с бензином, Николай Васильевич принялся за другие промышленные яды. Ему удалось получить данные о целом ряде химических соединений, вызывающих наркотический эффект, подобный тому, что наблюдается от эфира и хлороформа. Ключевым моментом этой теории было доказательство того, что промышленные яды, вызывающие наркотический эффект, являются неэлектролитами. Когда неэлектролиты распределили в ряды, отражающие эффективность их наркотического действия в зависимости от физико-химических свойств, оказалось, что между ними существует прямая зависимость («Неэлектролиты: Опыт биолого-физико-химической их систематики», 1944). Алгоритм построения этой зависимости имел общие черты с таблицей Менделеева.

Николай Васильевич и дальше занимался лекарственными средствами, к которым никто до него не обращался. Среди них такие известные лекарства как фенамин, дибазол, метацил (метилурацил) и пентоксил.

СДАЧА НОВОГО КОРПУСА ДВФ СО АН

В те годы строили медленно, но, несмотря на это, Академгородок пополнился новым длинным пятиэтажным зданием. В одно прекрасное утро сотрудники бросили научную работу и принялись упаковывать, заколачивать, таскать, суетиться. Началось торжественное переселение в новый корпус. Целый месяц перед этим начальство института заседало – оно делило квадратные метры, выделенные Президиумом ИнБАВу, между лабораториями, заседания проходили очень бурно. Наконец, кое-как площади удалось распределить. Машины, нагруженные оборудованием, атаковали новое здание. И, конечно, в процессе переселения квадратные метры еще не раз пришлось перекраивать.

Вместе с новым корпусом филиал получил дополнительные ставки, что позволило увеличить число сотрудников и создать новые институты. И снова начались бесконечные заседания. Теперь делили не метры, а учёные головы.

Раньше сотрудников филиала было сравнительно немного. По крайней мере, все знали друг друга в лицо. Основной костяк составляли спокойные и пожилые люди. Это были отцы-основатели, кто в тридцатые годы создавал филиал Дальневосточной науки. В недавно появившемся Биолого-почвенном институте большинство учёных занимались традиционными биологическими науками: ботаникой, зоологией, энтомологией, микологией. Эта плеяда ученых – люди

очень культурные, образованные, разносторонние и вежливые, быть может, слегка старомодные. Если им случалось занимать высокие должности, то они делали это как-то естественно, не теряя своей тактичности и обаятельности. Они были увлечены наукой и влюблены в Дальний Восток. Именно в такую среду попал Брехман, когда после демобилизации стал сотрудником Отдела биохимии и физиологии при Президиуме ДВФ СО АН СССР, а затем БПИ.

После сдачи нового корпуса в институте появилось много новичков. Это были молодые инициативные учёные, защитившие свои кандидатские диссертации в центре. На Дальний Восток они приехали, чтобы получить возможность самостоятельной работы. Многие сразу стали заведующими лабораториями и вскоре выдвинулись на более высокие должности. Они владели современными методами исследования и часто горели оригинальными идеями. Несомненно, они вдохнули в филиал новую жизнь. И всё же по мере увеличения числа приезжих, атмосфера академии теряла что-то такое, что заставляло с грустью вспоминать о старых добрых временах. Молодёжи не хватало той интеллигентности, культуры, скромности, которыми обладали старики. Некоторые из новичков были слишком настырны, самонадеянны и грубоваты. Это становилось особенно заметно и неприятно, когда именно такие люди попадали на руководящие должности. Умение руководить требует опыта, житейской мудрости, такта, которые приобретаются не со званиями и должностями, а с годами работы.

Новое здание ДВФАН СССР. 1964. Фото из архива И.И. Брехмана

В новом пятиэтажном корпусе расположились Геологический и Биолого-почвенный институты, Институт биологически активных веществ (ИнБАВ), центральная научная библиотека. Четвертый этаж занял ИнБАВ, пять комнат на нём заняли фармакологи, которые на тот момент уже входили в состав созданного весной 1964 года ИнБАВа.

Как и должно быть в серьёзном научном учреждении, начальство строго следило за соблюдением техники безопасности. Чуть ли не еженедельно на этажах истошно завывала сирена. Поскольку наша лаборатория находилась в середине этажа, мы довольно быстро могли добраться до двух огнетушителей на колёсиках, которые стояли в конце коридора. Мне нравилось время от времени стремительно рвануться с места, схватить огнетушитель и прикатить его в комнату. Другой сотрудник по инструкции в это время бегал из комнаты в комнату, призывая всех немедленно покинуть здание.

Частые тревоги стали настолько рутинными, что многие сотрудники уже не обращали на них внимания и не трудились выходить из лаборатории. Также было и в один из дней осенью 1976 года. Услышав сирену, я выскочил из комнаты, собираясь бежать в конец коридора за огнетушителем, но навстречу мне рванулось с огромной скоростью пламя, пожиравшее линолеум на полу коридора. На центральной лестнице стояла сотрудница, на её плечах дымилась одежда. Кто-то накинул на неё свой пиджак, пытаясь потушить пламя, но ткань мгновенно расплавилась. Я побежал на нижний этаж, предупреждая сотрудников других лабораторий, но в некоторых комнатах мне не поверили и лишь поплотнее закрыли двери. Сотрудники нашей лаборатории могли легко уйти от огня, спрыгнув с окна четвёртого этажа на крышу актового зала заседаний, которая находилась на уровне второго этажа, но обошлось без прыжков – одни успели спуститься по центральной лестнице, другие – по боковому проходу здания.

Как выяснилось позже, пожар начался из-за непотушенной сигареты, тлевшей в мусорном ведре, во время переливания этилового спирта в одной из химических лабораторий. Сотрудники, чтобы не задохнуться, открывали окна, но врывавшийся в комнату воздух лишь усиливал пламя. Несколько человек в панике выпрыгнули вниз и разбились об асфальт. Во многих лабораториях института были экспедиционные палатки, и сотрудники нижних этажей растягивали их внизу вплотную к зданию, чтобы спасти прыгавших из окон. Выживали только те, кто прыгал на спину. Прыгавшие «солдатином» пробивали ткань и погибли.

Приехала скорая помощь, чтобы отвезти пострадавших в расположенную рядом больницу Дальневосточного морского пароходства. Некоторые сотрудники, чтобы ускорить процесс, брали лежавшие в нескольких шагах от здания широкие доски и на них переносили пострадавших в больницу. Отличился один из институтских сотрудников Валера Широков, работавший раньше пожарным. Он, как ящерица, полз по полу, открывал двери комнат, находил там дрожавших от страха людей, заставлял их лечь на пол, где было меньше дыма, и велел всем ползти за ним. Этот ползучий состав из восьми человек выбрался в конец коридора, противоположный тому, где случился пожар, и вся компания, чумакая и счастливая, оказалась на свободе.

К счастью некоторых сотрудников, так и не решившихся выпрыгнуть из окон, спасли жители Академгородка, которые остановили подъёмный кран, проезжавший по трассе неподалеку, и объяснили ситуацию водителю. Кран подъехал к горящему зданию, вытянул вверх свою стрелу, но она оказалась на полтора метра короче, чем было нужно, чтобы снять из окон попавших в беду людей. Потерпевшие закрепляли на окнах свои халаты и повисали на них, чтобы рабочие, стоявшие в люльке подъёмного крана, могли подхватить их за ноги. Уже темнело, когда в крайнем окне последнего этажа обнаружили мужчину, сидевшего на подоконнике. За весь день он не подал никому никакого сигнала о своём существовании. Его тоже удалось спасти.

Когда на следующий день мы вошли в институт, всё выглядело ужасно. Линолеум сторел, весь потолок был в копоти. Около месяца мы отскребали эти мрачные следы пожара, а потом закрашивали потолок и белили стены. Было принято благоразумное решение не использовать больше линолеум и вообще не покрывать пол ничем, что может гореть.

БЫКА ЗА РОГА

Наступил момент, когда Брахман предложил мне:

– Со своим материалом ты можешь выступить на конференции. Готовь доклад.

Конференции фармакологов на Дальнем Востоке по традиции собирались примерно раз в два года. Из центра и Сибири на них приезжало много учёных, занимавшихся лекарственными растениями. На нас, молодёжь, ложились заботы по встрече делегатов в аэропорту, устройству их в гостиницу, организации экскурсий и прочее подобное.

Помню, мне пришлось взять в такси из аэропорта томского фармаколога Альберта Самойловича Саратикова. Он говорил по дороге:

– Самолётом быстро, но неинтересно. Раньше ездили на ваши конференции поездом. Едешь, едешь и постепенно начинаешь чувствовать, как на самом деле далеко этот Владивосток и настраиваешься на что-то необычное...

Лазарев приехал поездом. Его опять встречали всей гурьбой, только теперь к сотрудникам лаборатории присоединились ещё и иногородние делегаты, приехавшие раньше. Огромный седовласый патриарх, в светлом костюме с бабочкой вышел из вагона, раскинув руки для широких объятий, в которые как будто захватил нас всех.

Я очень волновался за своё выступление, ведь меня будет слушать сам Лазарев. К тому же – это мой первый опыт делать научное сообщение на широкую аудиторию. Володя посоветовал:

– Держись с апломбом, но не старайся показать, что ты умнее всех.

Я так и поступил. По крайней мере, мне так казалось. Когда настало время вопросов, Лазарев спросил:

– Если ваши средства действительно являются панацеей, то, как скоро вы собираетесь спасти человечество от всех болезней? Когда вы сможете вылечить рак, инфаркт миокарда, ревматизм? Через год? Через два?

Я страшно разволновался и стал бормотать что-то невнятное. Профессора мой ответ явно не впечатлил.

– Что же из того, что женьшень и элеутерококк помогают при многих болезнях? Ведь, строго говоря, панацея – это такое лекарство, которое не только широко действует, но и полностью излечивает. А ведь ваши препараты исцеляют лишь частично, очевидно потому, что стресс – это лишь часть патогенеза, а не вся болезнь. Если вы и называете их панацей, то такую оговорку обязательно нужно добавить.

Я был раздосадован, что не смог как следует ответить Лазареву. Я был красен, как рак, и в перерыве постарался ото всех спрятаться. В столовой сел за самый дальний столик в углу. И вдруг ко мне подошел Лазарев с бутылкой кефира и булочкой. Кстати, я тогда был настолько наивен, что удивился, как такие большие люди, как Лазарев, могут пить простой кефир? А профессор присел за столик и заговорил:

– Вы на меня не обижайтесь, – сказал он, – я задал свой коварный вопрос без злого умысла, а чтобы протупать вас. Результаты ваших опытов действительно очень интересны. Вы ухватились за самое главное.

Лазарев отпил кефира из бутылки и улыбнулся:

– Быка – за рога...

После перерыва выступали главным образом практические врачи. Большинство из них по-прежнему относились к женьшеню и элеутерококку скептически. Они рассказывали об отрицательных результатах их испытания в клинике. При гипертонии ни тот, ни другой препарат не снижал кровяного давления, при язве желудка они не уменьшали боли, при диабете не нормализовали содержание сахара в крови.

Лазарев выступил в прениях. Он сказал практикам:

– А вы ведь не то ищите.

Все заволновались.

– Я не знаю, думал ли наш коллега (тут он кивнул в мою сторону) о практическом применении результатов своих опытов со стрессом, но первый вывод, который должны из этих опытов сделать практические врачи, состоит в том, что к клиническим испытаниям действия женьшеня и элеутерококка следует подходить совсем с другой меркой. Нужно изучать не то, как действуют эти лекарства на отдельные специфические симптомы болезни, а на то, как они влияют на проявления стресса.

Впоследствии всё оказалось именно так, как он говорил. Когда врачи стали испытывать женьшень и элеутерококк с «новой меркой», выяснилось, что применение этих препаратов может быть очень эффективно. Например, женьшень и элеутерококк улучшали сон, аппетит и самочувствие, ускоряли восстановление сил и выздоровление хирургических больных, перенёсших операцию по удалению желудка, пациентов при затяжном туберкулёзе, детей, страдающих хроническим полиомиелитом, и во многих других случаях.

ДИССЕРТАЦИЯ

Наконец у меня накопился материал не только для статей, но и для того, чтобы написать диссертацию – очень тяжёлый труд, настоящая египетская, я имею в виду возведение пирамид, работа.

Для начала выяснилось, что у машинистки сломана машинка. Я притащил сломанный механизм Григорию Ивановичу.

– Нам это раз плюнуть! – сказал мастер, – правда, я не уверен, что ты дошурupil до какой-то стоящей научной теории. О чём твоя диссертация? Ну, не обижайся. Зато, говорят, у тебя водится спиртишка.

В качестве части гонорара Володя написал контрольную работу по химии машинистке, которая училась в техникуме, а я и не знал, что у него такие способности. А трёхлетняя девочка, дочь машинистки, с которой мне пришлось нянчиться, пока её мать печатала

мою диссертацию, оказалось просто чудом. Мы катались на санках, сходили в кукольный театр, выяснили, почему, когда ворона летит, у неё есть крылья, когда сидит на дереве – нет.

Через три недели диссертация была отпечатана. Я исправил ошибки и вклеил графики. Но до конца работы было ещё далеко, ведь я сделал всего лишь черновик. Один экземпляр я отдал Брехману. Спустя десять дней он его мне вернул разукрашенным и расчёрканным чернилами, похожим на татуированного туземца. Другой экземпляр я показал своему знакомому кандидату наук. Тот тоже добросовестно покрасил и почёркал. Ещё один экземпляр Брехман послал кому-то в другой город. Там диссертация пробыла полтора месяца и вернулась опять же изрядно татуированная.

Получив назад все три экземпляра черновика, я уселся исправлять, учитывать, вырезать, склеивать, компоновать. Прошёл целый месяц прежде, чем я снова вернулся к машинистке.

Когда диссертация была отпечатана начисто, в производственный цикл включилась уже вся лаборатория. Сотрудники по очереди, на свежий глаз, выискивали ошибки. А я уже беспокоился насчёт переплетчика. Мне сказали, что в городской переплётной делают работу очень небрежно, листы не обрезают, обложки ставят ярко-красные, коленкор пузырится, да и исполнение работы надо ждать две недели. Зато есть небольшая мастерская, которая тайно от государства качественно и быстро делает переплёт. Оказалось, что эту мастерскую трудно разыскать. Сначала я ехал на автобусе, потом на трамвае, поднимался в сопку, спускался, огибал какие-то постройки, шел по узкой дорожке между двумя дощатыми заборами, покрашенными известью, и, наконец, уперся в здание с обвалившейся штукатуркой. Навстречу мне вышел старичок и подозрительно осмотрел меня:

– Вы часом не из ОБХС?²⁴

Я показал ему свой институтский пропуск. Переплетчик без лишних разговоров увлёк меня за собой в комнату, где стоял пресс, и пахло клеем, и сообщил доверительным шёпотом:

– Видите ли, дирекция не одобряет, что иногда я сочувствую таким ребятам, как Вы. Но надеюсь, мы не подведём друг друга. Цена Вам, вероятно, известна. Что делать – наука требует жертв. Вы можете сами выбрать цвет коленкора. У меня имеются цвета коричневый, синий, чёрный и жёлтый. Советую – синий, хотя решающее слово, конечно, за Вами. Завтра утром работа будет готова.

²⁴ ОБХС – Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности.

И вот я держу пять экземпляров своей диссертации, синие, хрустящие, пахнущие переплётной мастерской. Какой восторг! Три экземпляра нужны для защиты. Четвёртый, подслеповатый, подарю шефу. Пятый, в котором буквы едва можно различить, будет храниться в моих семейных архивах – когда-нибудь внуки и правнуки узнают, как их предок двигал науку.

Вы думаете, на этом диссертационная эпопея закончилась? Вовсе нет. Это была как раз половина пути. Закончилось оформление, началось проталкивание.

Предстояло куда-то «пристроить» диссертацию для защиты. Ближайшим местом потенциальной защиты был Хабаровский медицинский институт, но там оказалась такая длинная очередь соискателей, что рассчитывать на её защиту раньше, чем через полтора года не стоило и надеяться. Я написал письма в медицинские институты разных городов. Везде положение было одинаково: год или полтора. После долгих поисков я отослал диссертацию в Томск. На моё счастье в тамошнем мединституте нашлась добрая душа, которая сообщила, что у них для экспериментальных работ имеется Медико-биологический совет при университете, в котором можно защититься уже через полгода. Этот же человек по моей просьбе перенёс все документы и диссертацию из мединститута в университет.

Потянулись долгие месяцы ожидания – первый, второй, третий, четвёртый, пятый. Наконец пришло разрешение печатать автореферат. Автореферат – это маленькая книжечка, отпечатанная типографским способом, в который кратко изложено содержание диссертации. В отличие от диссертации, автореферат размножается не в трёх, а в двухстах экземплярах, которые рассылаются во все медицинские и биологические библиотеки страны, что позволяет ознакомиться с ним каждому, кто захочет. С помощью автореферата диссертация как бы выносится на общее обсуждение.

Все заботы, связанные с печатью автореферата в типографии, формально лежат на учреждении, где происходит защита. Но там обычно заниматься чужим авторефератом некому, так как дело это довольно хлопотное, поэтому по факту этим занимается сам автор. Получив разрешение на печать автореферата, я взял ноги в руки и начал марафон по типографиям города, обежал уже четыре типографии, когда судьба, наконец, вверила меня в добрые руки миловидной Лидии Михайловны, или просто Лиды. Мы сходили с Лидой кино, потом я проводил её домой. Прощаясь у подъезда, я сказал:

– Ах, Лида, ваши волосы, как Ниагарский водопад²⁵.

Через три дня автореферат был готов.

Теперь нужно было собрать отзывы на автореферат. Собственно, он и печатается для того, чтобы на него писались отзывы. Считается, что по прочтении автореферата чьей-то диссертации у вас должно перехватить дыхание от нестерпимого желания написать своё мнение о работе и отослать его в тот учёный совет, где состоится защита. В отзыве вы можете похвалить диссертанта, даже назвать его гениальным, или наоборот, написать, что диссертация никуда не годится и соискатель не достоин присуждения ему высокого звания «кандидат наук». Однако обычно почему-то дыхание ни у кого не перехватывает, а, следовательно, желания строчить отзыв по собственной инициативе не возникает. Поэтому, как сказано Ильфом и Петровым («Двенадцать стульев»): «спасение утопающих остается делом рук самих утопающих». Я разослал автореферат нескольким знакомым профессорам, в основном тем, с кем был знаком лично, и кого знал Брехман. Это был хитрый ход, потому что, когда профессор получает автореферат лично от диссертанта, то по негласному научному этикету ему уже просто некуда деваться, нужно непременно садиться за отзыв. Так всё и сложилось.

Ура! Я еду в Томск. Поезд пришёл в Томск поздно вечером. На трамвае я добрался до гостиницы. Свободных мест, конечно, не было. Несколько мрачных субъектов, оказавшихся в эту ночь такими же бездомными, как я, расположились в фойе на стульях. Утром всех нас кое-как устроили. Но мне нужно было ещё одно место. Игорь Васильевич Дардымов²⁶, мой друг и старший товарищ, находившийся в командировке в Новосибирске, специально должен был приехать на несколько дней в Томск, чтобы поддержать меня в трудную минуту.

За ночь, проведённую в фойе гостиницы, мне удалось в принципе уяснить тамошние порядки и в общих чертах понять психологию дежурного администратора. Я сказал ей, что вслед за мной должен прибыть один очень крупный учёный. Я умолчал о том, что он фармаколог, потому что «фармакология» не вполне понятное слово. Не стал я распространяться и о том, что он сподвижник «дальневосточного

²⁵ Ниагарский водопад – самый высокий и мощный на планете (высота 50 м), расположен на границе между США и Канадой.

²⁶ Дардымов Игорь Васильевич (1924–2006) – фармаколог, доктор медицинских наук, в прошлом военный врач-физиолог, исследователь механизма действия женьшеня и элеутерококка.

фармакологического дела», потому что это было бы уж совсем непонятно. Вместо этого я сообщил ей «по секрету», что едет известный учёный-атомщик – настоящее светило и мне нужно забронировать для него место.

Поэтому, когда учёный-атомщик появился в фойе, помахивая чемоданчиком, и назвал дежурной свою фамилию, его встретила администратор распростёртыми объятиями:

– Дорогой Игорь Васильевич! Я рада вас приветствовать в старинном сибирском городе. Весь наш народ высоко ценит ваши работы по атому. Живите у нас на здоровье. Милости просим. Вот ваш ключ. Позвольте мне проводить вас в вашу комнату.

Игорь Васильевич никогда в жизни не терялся. В конце концов, он всю войну прошел с автоматом в руках, а после победы, прежде чем стать учёным, избородил на военном корабле все моря и океаны. Но здесь даже он прослезился.

Томск – город тополей и студентов. Тополя там такие высокие, что, когда пытаешься посмотреть на вершину, теряешь шляпу. А Томский университет имеет богатую историю и много славных традиций. Конечно, самая главная его гордость – имена выпускников, например, писателя А.М. Волкова («Волшебник изумрудного города»), геолога-нефтяника А.Э. Конторовича, фармаколога Н.В. Вершинина. Я с трепетом ходил по коридорам Томского университета, где было много поворотов и лестниц, в которых я несколько раз умудрился заблудиться.

Защита состоялась в университетском Зоологическом музее. Я радовался, что не в зале со сценой и трибуной. В зале всегда страшнее, а здесь через стёкла шкафов на меня добродушно поглядывали скелеты ящериц, змей и рыб. Вопреки ожиданиям, защита прошла очень гладко. Правда, я ни разу не упомянул слово «панацея», а вместо этого говорил о препарате с широким спектром терапевтического действия, но сути дела это не меняло.

После защиты я устроил небольшой банкет в ресторане «Север». На моё счастье в Томске у меня было очень мало знакомых, и банкет прошёл в тёплой и весёлой атмосфере. Все по очереди хлопали меня

Игорь Васильевич Дардымов.
Фото из архива И.И. Брехмана

по плечу и называли толковым парнем. Войдя в раж, я произнёс следующий спич:

– Дорогие друзья, знаете ли вы, через что я прошёл, чтобы иметь возможность пригласить вас сюда? Я починил пишущую машинку, написал контрольную работу по химии, выяснил, почему у сидячей вороны нет крыльев, поклялся, что я не из ОБХС, проводил домой красивую женщину, у которой волосы, как Ниагарский водопад, и познакомился с учёным-атомщиком.

– И это ещё не всё, – сказал один из гостей.

– Как не всё?

– А так... Вы, конечно, толковый парень, но я уверен, что вам ещё предстоит встретиться с мистером Икс.

– С мистером Икс? – удивился я. – С каким таким мистером Икс?

– С тем самым, который не сможет переварить вашу идею о панацее. И вот вам совет: когда это произойдёт, не падайте духом. Всё со временем перемелется и пойдет вам лишь на пользу. Желаю удачи!

Вернувшись в гостиницу, я ещё долго не мог уснуть от пережитого возбуждения и ворочался с боку на бок. К тому же меня беспокоила мысль о таинственном мистере Икс. Это был намёк? На что? Собственно, все заботы, связанные с диссертацией, были уже позади. Правда, осталась ещё одна инстанция. Томский совет только принял диссертацию. Теперь её должны были переслать на утверждение в Москву, в высшую аттестационную комиссию, сокращённо ВАК. А ВАК может и не утвердить. Неужели этот мистер Икс как-то связан с ВАКом? Нет, лучше пока не думать о ВАКе. Шутка ли, на оформление диссертации, на всю связанную с этим беготню потрачено почти полтора года. Сколько новых опытов можно было поставить за это время! И вдруг окажется, что всё это было напрасно. Впрочем, зачем раньше времени паниковать? Ведь ВАК не утверждает очень немногих. Почему это должно случиться именно со мной? Разве я такой неудачник? Вроде нет. Стоит ли прежде времени расстраиваться? Как-никак, а с сегодняшнего дня я кандидат наук. Как вам это нравится? А?

Довольно часто все эти диссертационные заботы убивают столько времени и сил, так вымочаливают, что на какой-то период после защиты у человека в голове образуется как бы научный вакуум. У кого-то это длится несколько месяцев, у других – год, а третьи так никогда и не восстанавливаются. Вакуум образовался и у меня. Чтобы чем-то его заполнить, я ударился в поездки и стал активнее принимать участие в конференциях, докладывал результаты своей работы. Я выступал в Хабаровске и Новосибирске, в Москве и Харькове, в Ленинграде.

Зачастую вокруг моего доклада разгорались острые дискуссии, в которых я со временем становился всё увереннее и увереннее. Оглядываясь назад, я теперь даже подозреваю, что на определённом этапе был даже слишком самонадеян. Я запросто взбирался на трибуну и начинал свою проповедь:

– Конечно, вы удивитесь, если я скажу, что панацея – это не миф.

А в обсуждении меня часто спрашивали совсем о другом: не открывает ли обнаруженная возможность фармакологического воздействия адаптогенов на стресс новый фронт для наступления на хронические болезни.

Прислушиваясь к дебатам вокруг своих докладов, я всё больше убеждался в том, что слушатели слышат не только то, в чём я пытаюсь их убедить. Они улавливают в моих исследованиях нечто иное, чего я сам до сих пор не заметил, и что, пожалуй, было важнее и интереснее моих уже оформленных умозаключений. Я стремился понять механизм широкого спектра терапевтического действия двух новых, оригинальных дальневосточных лекарственных препаратов. Я объяснял эту широту тем, что элеутерококк и женьшень изменяют течение наиболее универсальной и неспецифической приспособительной реакции – стресса. Главной моей целью был поиск панацеи. Стресс оставался для меня на втором плане. Выступающие же часто переносили акцент обсуждения с препаратов на стресс. Им виделось, что самое ценное в моей работе – не изучение конкретных лекарств и даже не возможность открытия панацеи, а возможность фармакологического изучения стресса. Сознаюсь, что такой поворот дела позволял трактовать полученные мною факты гораздо глубже и интереснее. Понимание того, что коллеги смогли увидеть в моей работе больше, чем я сам, помогло мне избавиться от избыточной самонадеянности. Я признался Брехману:

– Досадно, но, кажется, я просмотрел главную изюминку собственного исследования.

Благодаря тому, что коллеги с таким интересом отнеслись к возможности фармакологического изучения стресса, я, пусть по неопытности и поздновато спохватившись, начал спешно пересматривать результаты своей работы. Возможность фармакологического управления стрессом подводила науку к проблеме № 1 современной медицины – к лечению хронических заболеваний.

Конечно же, эта проблема очень многопланова. Её не получится решить каким-то одним методом. Она требует разносторонних подходов. Но стало очевидно, что изучение механизмов развития

хронического стресса является принципиально новым, многообещающим подходом, который может в перспективе разорвать замкнутый круг проблемы лечения хронических болезней.

Когда-то я оставил занятия практической медициной потому, что не смог спокойно относиться к собственному бессилию перед лицом хронических болезней. Потом я увлёкся поисками панацеи. И вот судьба снова возвращала меня к хроническим больным. Прежние размышления о судьбе этих обречённых обрели теперь для меня новый смысл. Я буквально видел тысячи глаз, которые смотрели на науку с надеждой из гнетущей тишины больничных палат. Быть может, для этих людей ещё не всё потеряно? Быть может, ещё при жизни нынешнего поколения свершится чудо?

Результаты моих экспериментальных работ позволяли перейти непосредственно к изучению действия лекарств на хронический стресс. Мысленно возвращаясь к своим хроническим больным, я уже не чувствовал того безысходного бессилия, которое ещё недавно заставляло меня разочароваться в современной медицине.

ВЫБИРАЮ БЕСПОКОЙНУЮ ЖИЗНЬ

Прошёл почти год, а мою диссертацию в ВАКе так и не утвердили. Уже не было сомнений в том, что с ней что-то неблагополучно. И вот однажды из институтской канцелярии мне принесли письмо со штампом ВАК.

И хотя я знал, что от письма ничего хорошего ждать не стоит, все равно ужасно обрадовался: наконец-то закончилась мучительное ожидание. Я разорвал конверт и обнаружил в нём официальную бумагу. А ещё в конверте была рецензия на четырёх страницах. Подпись под текстом была тщательно замазана тушью. Я и так и сяк вертел лист бумаги на просвет, но подпись так и не разобрал. Рецензент был инкогнито, чтобы я не мог оказать на него давления. Так вот он, мой тайный мистер Икс, о котором меня предупреждали на банкете.

Волнуясь, перескакивая с буквы на букву, я быстро пробежал глазами текст. Так и есть. Мистер Икс не смог переварить главного. Он не допускал существования панацеи среди лекарств. Он не придирался к отдельным деталям моей работы, но был возмущен тем, как я осмелился истолковать полученные результаты. «Панацеи быть не может, — утверждал он, — потому что просто не может быть». В конце рецензии мистер Икс делал заключение, что я не достоин присуждения учёной степени кандидата наук.

Прочитав рецензию, я, прежде всего, подумал, что пришло время расплачиваться за своё романтическое легкомыслие. Сколько осторожных людей предупреждало меня, чтобы я не писал диссертацию на спорную тему. Идти на такой риск было, по крайней мере, глупо. О, горячность молодости! Почему я не послушал старших?

Правда, это был ещё не полный крах. ВАК не может принять решение об отклонении диссертации заочно. В официальный бумаге, вложенной в конверт, мне как раз и предлагалось срочно выехать в Москву, чтобы на заседании экспертной комиссии ВАКа ответить на замечания рецензента.

Впрочем, я не настолько расстраивался, внутренне признавал свою правоту, и это настраивало меня на боевой лад. Что же, ещё не все потеряно. Надо собираться в дорогу. Конечно, мнение мистера Икс много значит, но ВАК ещё не сказал своего решающего слова.

Я отправился в кассу Аэрофлота за билетом в Москву. На станции «Чайка» обнаружил, что зимнее железнодорожное расписание сменилось летним, и моя электричка ушла 10 минут назад, а следующая будет только через час. Поразмыслив немного, я решил, что за это время вполне успею прогуляться пешком от остановки «Чайка» до «Второй Речки», пошёл по берегу моря по той узенькой полоске у самой воды, которая всегда остается мокрой и более твёрдой, чем остальной песок. Погода была пасмурная. На берегу ни души. Я брёл в одиночестве, размышляя о своём житье-бытье, оставляя за собой на песке неровную цепочку следов.

Неужели я был не прав, выбрав спорную тему для диссертации и пытаюсь поймать большую рыбу? Или прав? В конце концов, разве интересно жить, когда всё тихо, спокойно и по плану? Вот в Москву съезжу, посмотрю, что такое ВАК, не каждого туда приглашают. Ну, пощёлкают по носу, умнее буду. А если и завалят, разве теперь у меня такое уж безвыходное положение? Напишу новую диссертацию, материала-то хоть отбавляй. Только вот времени на всю эту мороку жалко. Прошло уже четыре года с тех пор, как я покинул больницу. За это время я много учился, а сделать успел совсем мало, пока ещё ничем не помог своим хроническим больным. Да и для развития Дальневосточного фармакологического дела я сделал немного. И сейчас, бредя по берегу Амурского залива, я подумал, что период моего ученичества подошёл к концу. Впервые мне предстояло отстаивать свои убеждения. Готов ли я к этому? Буду ли твёрд?

На моём пути лежал валун, серый, гладкий и мокрый. Волны уже давно бились об него с разбегу, отёсывали и вылизывали его

со всех сторон, но разбить так и не смогли. Время высекло на нем морщины – следы множества испытаний. Я подумал, что этот валун мог бы валяться где-то в лесу, обрастать мхом, но нет, он лежит здесь и противостоит бесконечным ударам волн. Я с уважением погладил его по лысине и сказал не без зависти:

– Тебе проще – ты каменный.

ТОЛЬКО ВПЕРЁД

На следующий день я добрался до Москвы и явился на заседание ВАК. На все вопросы по существу работы я отвечал очень кратко и ясно. Один из членов комиссии поинтересовался, сколько дней я зубрил свои ответы.

– Мне это не понадобилось, – отвечал я – мои мозги вполне справляются с информацией на ходу.

А потом меня спросили о том, чего я больше всего боялся:

– Что вы имеете в виду, говоря о панацее?

Не знаю, как у меня это получилось, но ответил я, не задумываясь:

– Любое новое дело должно иметь свой символ.

Председатель комиссии засмеялся:

– Можете возвращаться домой. Через неделю получите свой диплом кандидата наук.

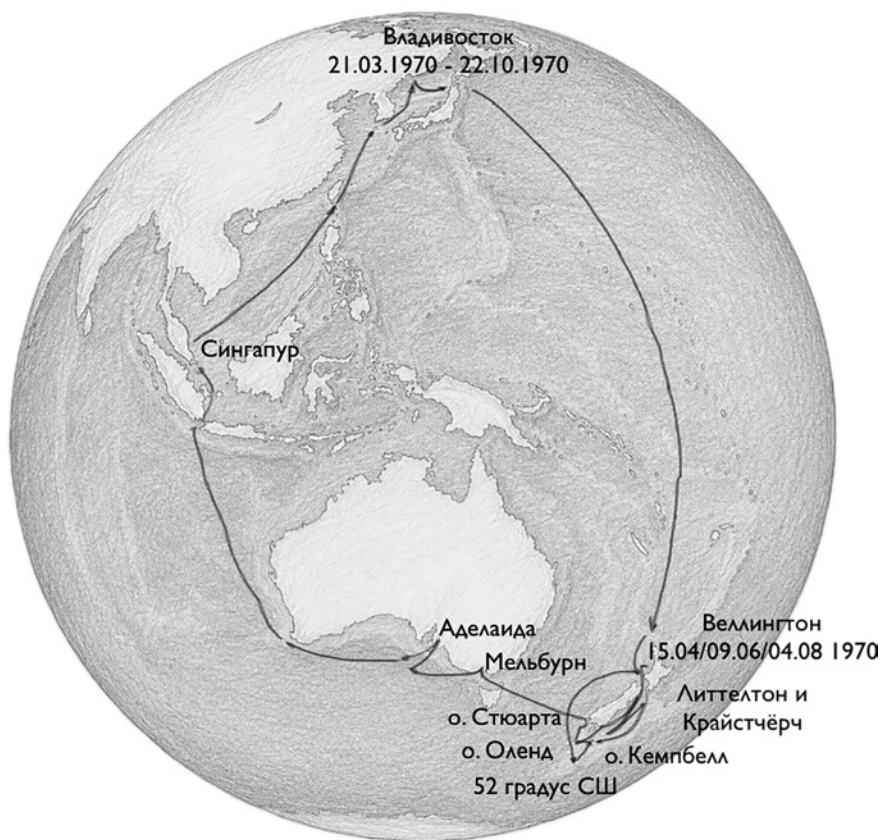
Yes! Я это сделал! Я кандидат медицинских наук! PhD in Medicine!

Пропуск в Большую науку получен!

«Диплом кандидата наук» получен. Долгая научная жизнь впереди! Это меня только подстегнуло – решил написать монографию по полученным ранее материалам о фармакологическом действии адаптогенов (дибазола, женьшеня, элеутерококка) при стрессе. День и ночь я работал над текстом, читал доступную литературу по заданной теме, готовил нужные рисунки, составлял библиографию. Редактируя текст, Израиль Ицкович Брехман удивлялся скорости моей работы, точности и краткости изложения материала²⁷. Уже через полгода книга «Опыт фармакологической регуляции стресса» вышла в Дальневосточном книжном издательстве (1966).

Лето 1971 г. Владивосток

²⁷ Стремлению к краткости изложения я обязан своему однокласснику Тимашеву. Мы оба писали сочинение о Павле Власове по роману А.М. Горького «Мать». Я разошёлся на пять страниц и сделал три ошибки, а Тимашев ограничился двумя, но без ошибок. В результате он получил золотую медаль, а я – серебряную.

*Маршрут экспедиции РТМ «Альба»
в марте-октябре 1970 г.*

СЕМЬ МОРЕЙ И ДВА ОКЕАНА

Об угрозе ядерных испытаний здоровью человека много говорили в масс-медиа и писали в открытой печати. Помнится, в начале 60-х годов в газете «Известия» была опубликована статья двух ученых – В.А. Энгельгардта и Н.Н. Воронцова²⁸ «Ядерные испытания и здоровье людей».

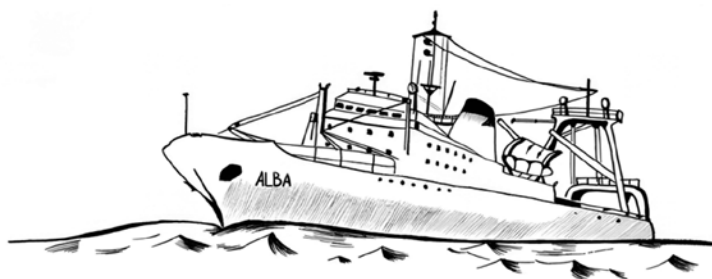
В 60-х годах Франция под покровительством Президента де Голля активно занималась атомным проектом. Франция не подписала «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой», который подписали правительства Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки (Москва, 1963). В 1966 году Франция переместила ядерный полигон с территории алжирской Сахары в район Французской Полинезии в Тихом океане, с центром на атолле Муруроа, ставшим местом плановых ядерных испытаний. Появилась опасность радиоактивного заражения близлежащих территорий Тихого океана.

В начале 70-х годов ИнБАВ ДВФ РАН (Владивосток) приступил к поиску и изучению химии перспективных природных соединений морского происхождения из биоресурсов Тихого океана. Возникла необходимость изучить следы радиации в южной акватории Тихого океана, и дирекция ИнБАВа возложила задачу сбора образцов водорослей, а также прибрежного и морского песка на двух сотрудников Отдела фармакологии и физиологии адаптации – меня, Олега Ивановича Кириллова, и Василия Герасимовича Голотина. После написания мной в рекордные сроки монографии «Опыт фармакологической регуляции стресса» И.И. Брехману ничего не оставалось, как отпустить меня в неожиданную морскую экспедицию. Вася к этому времени уже защитил диссертацию и тоже был с лёгкостью отпущен.

Мы должны были отправиться в семимесячную экспедицию, чтобы обследовать южную акваторию Новой Зеландии. Своего флота в ту пору у ДВО РАН не было, а тут, очень кстати, в нужный нам район ТУРНИФ²⁹ отправлял научно-исследовательский РТМ (рыболо-

²⁸ Позже, в 1971 году, я познакомился с доктором биологических наук Николаем Николаевичем Воронцовым, назначенным директором Биолого-почвенного института ДВО АН СССР во Владивосток.

²⁹ ТУРНИФ – Тихоокеанское управление промысловой разведки и научно-исследовательского флота.

РТМ «Альба»

вещкий траулер морозильный) «Альба», капитан – Николай Иванович Закрыжевский. Под видом специалистов, занятых научно-поисковыми работами в юго-западной части Тихого и восточной части Индийского океанов, командированных в этот район для изучения распределения, биологии и запасов рыбы, в частности, путассу, мы стали частью коллектива рыболовного судна «Альба».

«Альба» – рыболовецкий траулер, тип «Атлантик», построен в ГДР (Германской демократической республике) на верфи в Штральзунде, спущен со стапелей в мае 1968 года, порт приписки – Владивосток. В марте 1970 года судно отправилось в долгую экспедицию в новый Южно-Тихоокеанский промысловый район. Для нашей цели было выбрано именно это судно, маршруты которого вполне соответствовали нашим задачам.

Совсем в канун отправления в море директор института Георгий Борисович Еляков сообщил, что относительно одного из нас у «важного» начальства, разрешающего заграникомандировки, возникли сомнения. Я был уверен, что речь идёт обо мне, ведь я считался «невыездным» из-за того, что во время войны моя мать была в немецком плену. Нечто подобное уже случалось. На втором курсе института меня и Сашу Мешкова должны были отправить за хорошую учёбу в Чехословакию. Целый год нас дрессировали: натаскивали наши медицинские и политические знания, учили английскому и чешскому языкам. А потом оказалось, что ни один из нас поехать не сможет. Меня не могли отправить из-за плена мамы, а Сашу потому, что его дедушка работал при царе адвокатом. Каково же было моё удивление, когда выяснилось, что трудности возникли у Василия Герасимовича, а он был парторгом института.

Оказалось, что весь сыр-бор произошёл из-за одного курьёзного случая. Вася жил на втором этаже трёхэтажного дома. Однажды, спускаясь по лестнице, натолкнулся на пьяного мужика, который мочился

прямо в подъезде. Он взял алкаша за шкурку и вытолкнул на улицу. Когда протрезвевший к утру горемыка проснулся, то никак не мог взять в толк, почему он лежит на тротуаре и почему на носу запеклась кровь. Он решил разобраться в этой головоломке и обратился в милицию. Страж правопорядка опросил всех жильцов подъезда, пытаясь понять, что же случилось. Ему кто со смехом, кто с руганью рассказали, как всё произошло. Милиционер составил протокол – и вопрос был снят с повестки. Репутация Василия Герасимовича была очищена.

БОРТОВОЙ ДНЕВНИК

21 марта – 22 октября 1970 г.

В ПУТЬ ...

21 марта 1970 г.

На катер до порта в бухте Диомид, отходивший в 8:30, я опоздал. Пришлось объезжать Уссурийский залив на такси. Сначала добраться до Луговой, а потом дальше до порта. На место я приехал только в 9:05, а в 9:30 уже убрали трап. Однако выяснилось, что рейд занят, и наше судно стояло у стенки ещё часа полтора, поэтому опоздавшие смогли забраться на борт на руках по канату.

От стенки отошли около полудня.

Нам с Василием Герасимовичем выделили двухместную каюту. Он как старший разместился на нижней полке, а мне досталась верхняя. Вскоре после размещения к нам зашёл помполит и стал расспрашивать о целях нашей командировки. Узнав, что я, будучи беспартийным, являюсь кандидатом медицинских наук, он сильно удивился. В отличие от меня Василий Герасимович быстро нашёл с помполитом общий язык. Это было просто, так как он был партийным товарищем и сам какое-то время был в нашем институте парторгом.

Оказалось, что на борту нет врача, только фельдшер. Я пообещал оказывать медицинские услуги на судне, если кто-то заболит. У меня при себе была сумка со всеми необходимыми лекарствами.

Сотрудники БПИ гельминтологи Юрий Леонидович Мамаев и Борис Иванович Лебедев дали мне массу дополнительных поручений, в частности, анализировать наличие гельминтов и других интересных находок в рыбе, извлеченной из трала. Для консервирования образцов нужен был спирт, нам выдали двадцать литров, которые мы спрятали под нижней полкой. Капитан был информирован о наших

задачах, и мы попросили его никому не рассказывать о нашей заветной 20-литровой склянке. На «Альбе» была странная белая труба, которая никогда не дымила. Оказалось, что в ней располагалась лаборатория с прикрученными к полу столом и стульями.

22 марта

Мы с Василием Герасимовичем так устали распахивать свои вещи по каюте, что заснули и проспали отход судна от пирса. Утром нам рассказали, что наше плавание началось в три часа ночи. За кормой уже шумел винт, оставляя за собой две пенные полосы, колышущиеся на волнах. Долго думал, с чем сравнить их, пожалуй, с бородой, которую кто-то поглаживает снизу.

23 марта

Идём Сангарским (Цугару) проливом из Японского моря в Тихий океан. Сопки покрыты снегом – очень похоже на Приморье. Качки нет. Слева – остров Хоккайдо, справа – Хонсю.

В этот день десять лет назад мы с Наташей подали заявление в ЗАГС. Сейчас она, наверное, переживает за меня – знает, что я укачиваюсь.

24 марта

Обогнув Японию, «Альба» движется на юг. Снега на сопках больше нет. Жильё видно очень редко. Поднялась зыбь. Обед кое-как пережил, но перед ужином стало совсем плохо, и я долго общался с умывальником. Кое-как выбрался на палубу. Здесь качка почти не чувствуется, только корма время от времени поднимается в небо.

25 марта

С утра зыбь и качка. На завтрак быстро выпил какао. Схватил три куска хлеба и убежал из столовой. До обеда спал. На обед идти не решился. Выбрался на палубу. Подошёл Валера из научников, стал что-то спрашивать, вместо ответа я перегнулся за борт поговорить с океаном о «важном», в этот раз приступ прошёл быстро. Спасибо ребятам – они относятся ко мне с пониманием, говорят, что все так привыкают. На адаптацию уходит около недели. Чаек за кормой уже нет, нас сопровождает одна олуша³⁰.

А дома, наверное, Наташа получает поздравительные телеграммы с Днём свадьбы. А мне остаётся только писать дневник.

³⁰ Олуша бурая (*Sula leucogaster*) – крупная морская птица, пикирует за рыбой с большой высоты, около 100 м. Её ареал – северо-западная часть Тихого океана у берегов Японии.

Написал стих:

Даже чайки свернули домой,
Наплевать им на наши подачки.
Лишь олуша висит над кормой,
А с кормы я свисаю от качки.

Дни на судне, как волны бегут.
Мы уходим в иные широты,
В край, где айсберги чинно плывут
И резвятся в воде кашалоты.

У ребят из любимейших тем,
Всех излюбленной тема разлуки.
Говорят, море есть лишь затем,
Чтобы нам изменяли подруги.

И, некстати поверив их байкам,
Начинаешь бродить, как чумной,
Поневоле завидуя чайкам,
Что давно улетели домой.

Бурая олуша

26 марта

С утра вошли в зону циклона. Странно, но к обеду стало меньше качать или это я уже начинаю привыкать? Ходил самостоятельно на завтрак, обед и ужин. На палубе играли в волейбол, привязав мяч веревкой к мачте.

Снится Ванюшка, Смотрю на его фотографии.

27 марта

Вчера сменил ушанку на вязаную шапку, а сегодня и её уже пришлось сменить снова на берет. И вообще, большую часть времени проходил без берета. По-настоящему загорали. Вроде и солнце не теплое, и загорал я недолго, а вся грудь покраснела. Остальные вообще ходят обгоревшие.

В каюте душно, +32°C. После обеда заставили задрать иллюминаторы и включить кондишку. Температура упала до +28°C. Воздух течёт и кажется даже прохладным.

Впервые выдали тропическое вино – болгарское «Каберне», по две бутылки на неделю. Значит, мы уже на 23-й параллели – полпути до экватора. Ещё нам вручили тропическую одежду: рубашу и шорты.

За бортом вода цвета синих чернил. Глубина – 5 километров.

28–29 марта

Качка. Лежу. Вася носит еду. SOS! SOS! SOS³¹!

30 марта

Немного полегчало. Выходил на палубу. Видел ещё одну (вторую) летающую рыбку. Океан вокруг пустынен: ни кораблей, ни рыб, ни птиц. Где же дельфины, акулы и вся остальная живность?

Вася носит еду и рассказывает мне фильмы, которые крутят каждый вечер. Что бы я делал один?

Сегодня пригласили посмотреть больного. Я послушал его дыхание, простучал грудную клетку, поставил диагноз «плеврит или бронхит», выдал лекарство и запретил включать кондиционер. А ведь, ему, бедолаге, лучше, чем мне, хотя леж, я уже почти не ощущаю качки.

31 марта

Почти не качает. День полон событий.

Во-первых, Василий Герасимович наболтал, что я умею рисовать, и меня попросили нарисовать русалку для Праздника Нептуна – церемонии перехода экватора. Нарисовал.

Во-вторых, в три часа дня на горизонте показалось судно ТУРНИФа и все заорали: «Дерюгин»!

«Альба» остановилась. «Дерюгин» развернулся к нам кормой и с него спустили шлюпку, в которую по верёвочной лестнице шумно сползла весёлая компания. Шлюпка понеслась к нам, то зарываясь в воду, то сильно подпрыгивая, как щепка, на волнах. С «Альбы» в шлюпку загрузились все, кто смог, и мы отправились на «Дерюгин». Там все перепились и нас никак не могли спровадить восвояси.

А тут ещё с борта, где была пришвартована лодка и где вода освещалась прожектором, мы заметили красных кальмаров. Они плавали в воде, как огненные ракеты. Одного поймали специальной удочкой и запустили в «купель», которую он тут же окрасил своей черной струёй. Потом мы видели ещё стайки кальмаров, но они были уже мельче и белые.

Все уgomонились и отправились смотреть кино о пограничниках «Игра без ничьей». Только боцман орал на корме: «кто сказал, что я пьяный?»

2 апреля

Вчера был обычный день. Сегодня почти не качает, хотя в океане небольшая зыбь. На судне полным ходом готовятся к переходу

³¹ SOS – международный сигнал бедствия в коде Морзе в радиотелеграфной связи.

экватора. Черти вяжут себе набедренные повязки. Боцман готовит краску. На палубе поставили трон с изображением медузы и трезубца, «цирюльню», на которой были нарисованы ножницы и наполовину стриженная, наполовину бритая голова, измазанный чёрной краской ящик с надписью «чистилище» и образом чёрта, «святую купель» с намалеванной русалкой.

В 15:45 по радио объявили: «Внимание! Остановка. Мы на экваторе. Всей команде прибыть на палубу!».

Сразу после объявления появился Нептун, которого сопровождали русалка, звездочёт, телохранители с трезубцами, семь чертей в набедренных повязках и с перемазанными лицами. Черты стучали в тазы и громко дудели в свои дудки.

Первым вызвали капитана. Он попросил у Нептуна разрешения перейти экватор. Царь морей удовлетворил просьбу и крикнул: «Гарсон!». В ответ как из-под земли не замедлил явиться человек с бутылкой коньяка и бутербродом с красной икрой.

Нептун спросил капитана про его грехи и после короткой, но выразительной исповеди постановил купать его в купели. После исполнения приговора капитану вручили коньяк и бутерброд, а чёртова свита принялась вызывать на Нептунов суд всю команду по списку.

Очередь дошла и до меня. Встав перед Властелином океанов на колени, я честно признался, что ранее в его морях не бывал. Приговор для таких новичков, как я, был один – Чистилище! Поэтому черты потащили меня в ящик, наполненный ветошью, перемазанной краской, где под общий хохот и крики грешников вроде меня, таскали из стороны в сторону, чтобы как можно больше измазать краской. После такой процедуры очистившимся грешникам вручали большую кружку вина и заставляли выпить до дна.

И тут случилось чудо – хотите, верьте, хотите, нет – а после полной Нептуновой чарки меня перестало укачивать. Когда вся команда была проверена и очищена, царь морей вручил капитану ключ от экватора, и мы отправились дальше. «Альба» снова врезалась в волны в направлении Новой Зеландии.

4 апреля

Под вечер, когда краски заката уже гасли, случилось что-то странное. Совсем близко, казалось, в каком-то километре от корабля, словно вырезанные из картона декорации, в воздухе повисли чёрные замки, крепостные стены, башни, утопавшие в причудливых силуэтах бурной растительности. Над сказочным городом полыхало кровавое зарево заката, отражённое в огромной туче. Иллюзия была так реальна, что

казалось до неё можно быстро доплыть, коснуться рукой и бродить по улицам этого загадочного острова. И только голубая материя неба с одинокой звездой, которую можно было разглядеть сквозь эту фантастическую картину, разрушала видение, придавая, однако, всей картине ещё большую драматичность. Где-то в спокойном сумраке кто-то повернул выключатель. Горизонт поглотил последние отблески заката, и тут же повсюду загорелись мириады звёзд. Наступила ночь.

5 апреля

Опять не качает. Судно остановилось, и матросы красили борта, вися на досках за бортом. В свободное время пытались ловить акул и играли в волейбол мячом, привязанным к мачте. Игроки вечно спорили и соревновались в мастерстве. Команды назывались: «Румб» (палубная), «Шатун» (машинное отделение), «Бредень» (рыбный цех), «Очки-велосипед» (научные сотрудники).

Сегодня мне показали «Южный крест»³² на небе – четыре звезды в виде ромба, чуть справа от курсора штурвала, «Большая медведица» – сзади, задом наперёд.

Читаю учебник английского языка для пятого класса, за три дня прошёл 15 уроков. Ване – полтора года.

6 апреля

Второй день идём Коралловым морем. Стоим – пароход снова красят. Ребята все возбуждённые: «Да что вы спите? Мы акулу поймали!». Когда мы вышли на палубу, рыбину уже выпотрошили. Наконец мы с Василием Герасимовичем увидели стаю летающих рыбок. Они разлетались от корабля, как воробьи от телеги. Летели стайкой и скрывались в воде.

Летучие рыбы

7 апреля

На «Альбе» красили мачту, а мы с Васей забросили два крючка на акул. Через полчаса появились две акулы – хищные, сильные тела.

³² «Южный крест» – Самое маленькое, но яркое созвездие, состоящее из четырёх звёзд Южного полушария неба. Весьма важное, поскольку указывает на южный полюс мира.

Двухметровая (не меньше!) красавица неспешно плыла совсем на поверхности воды: голубая полоса на спине, жёлтые, переходящие в пятна, полосы по бокам, белое брюхо, голубые плавники и жёлтый хвост. Вслед за первой голубой рыбой вдоль левого борта появились ещё две. Они подошли к приманке, но не польстились на наше «угощение».

Корифена

8 апреля

Носовая качка. Обед и ужин без аппетита. Заметно похолодало. Последний раз дали тропическое вино. Палубу красят, поэтому наверх выйти нельзя.

9 апреля

Носовая качка уменьшилась. «Южный крест» – над мачтой, а «Большой медведицы» уже нет.

Сегодня один парень рассказал мне, как в прошлый раз в Веллингтоне его спросили, кто в СССР назначает жён.

10 апреля

На палубе уже не позагораешь. Отключили кондиционеры. Мы в Тасмановом море.

11 апреля

5–6 баллов. Идём к центру циклона. Пишу стихи.

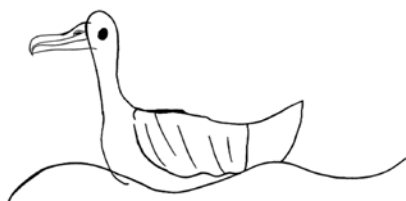
12 апреля

Игорю 40 лет, а я не могу его поздравить – хороший братишка!

Вошли в Тасманов пролив. Почти не качает. Часов в одиннадцать впервые бросили трал, подняли полтора центнера рыбы. Некоторых рыбин распознали только с определителем. Послеобеденный улов был ещё меньше, поэтому холодильник включать не стали. Рыбу отдали альбатросам, довольные таким щедрым кормом птицы заглатывали рыбин целиком. Ор был, как в большой базарный день. Нажравшиеся альбатросы³⁴ садились на воду.

Часть улова потащили на кухню, но ухи почему-то не было. Были пельмени с мясом.

³⁴ Альбатрос странствующий (*Diomedea exulans*) – морская птица, самый крупный, распространённый в районе Тасмании вид, часто наблюдается в открытой части моря.

Странствующий альбатрос

Мы сами набрали ведро кальмаров и сварили их, как положено, в морской воде – получился деликатес. Знатоки говорят, что этот южный кальмар вкуснее камчатского. Я под это дело выпил рюмочку тропического вина за Игоря. Побольше бы таких дней!

13 апреля

Несколько раз бросали трал. Улов был скудный.

14 апреля

Стоим у входа в пролив Кука. Вдали берега Новой Зеландии. На вечернем собрании чистили мозги – завтра утром Веллингтон.

ВЕЛЛИНГТОН

15 апреля

Утром, едва проснувшись и взглянув в иллюминатор, мы увидели очень близко берег Новой Зеландии. На мачтах слева – четыре опознавательных флага «Альбы», справа – жёлтый флаг («на моём судне все здоровы, прошу освободить меня от карантина») и бело-красный флаг («у меня на борту есть лоцман»), означающий, что наше судно ведет местный.

Врываемся в залив на полном ходу, и вот уже вокруг нас Веллингтон. Сопки, покрытые лесом и облепленные беленькими чистенькими домами с террасами и ярко-красными или синими крышами. Всё в зелени. Рядом с этими миниатюрными домиками стоят высотные здания, тоже очень белые и чистые. То здесь, то там видны дома старой постройки. Город настолько зелен, чист и красив, что кажется игрушечным. Справа – красный монастырь с большим белым крестом.

Ждём минут тридцать властей. Мимо идёт белый катер типа нашего «трамвайчика», на нём – дети с бородатым учителем. Они машут нам, мы – им. Служебный катер привозит представителей власти и тут же отходит. Мы причаливаем напротив монастыря. Большое здание торгового порта, узкий причал, ярко-жёлтые тумбы для канатов. Два живо-жёстких парня в узких брюках и с волосами, свисающими до плеч, цепляют швартовы. Несколько пожилых рабочих, точно таких же, как наши ребята, в обычной одежде стоят на вахте.

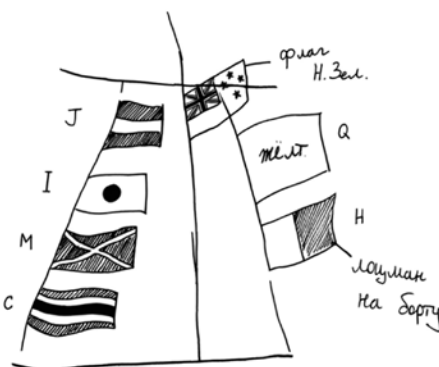
Чайки ходят вразвалку по крышам. Новозеландский флаг – на мачте, наш – на корме.

Получаем новозеландские доллары и паспорта. Нам выделяют парня из команды, но мы пока никуда не идём, так как мне нужно спросить представителей власти о возможности получения информации о местной народной медицине. Нам предлагают отправиться с этим вопросом в миссию к консулу.

В нашу миссию едем на машине: капитан, замполит, старший механик, я и Вася. Улицы пустынные и очень чистые. Реклама, реклама, реклама большими разноцветными буквами.

В магазинах много товаров, всё выставлено на витрину – бери, но народа нет.

Левостороннее движение. Асфальт – ни одной щербинки. Улицы узкие, по обе стороны стоят машины, целые ряды машин. Если сфотографировать такой ряд, можно подумать, что едет целая вереница, а на самом деле они стоят, едут буквально единицы. В машину может набиться, сколько хочешь пассажиров.

Флаги на «Альбе»
при входе в Веллингтон

За спиной Веллингтон!

Все мужчины в костюмах, пожилые люди ничем не отличаются в одежде от наших – респектабельны. Молодёжь: юноши с черными волосами до плеч и «баками», в узких белых брюках дудочкой и синих куртках; девушки – высокие, белокурые, в мини-платьях, загорелые коричневые ноги (или чулки такого цвета?), разгляжу завтра.

Миссия («русская колония») огорожена. Внутри – служебные здания и жилые постройки, волейбольная площадка. В служебном здании весь пол, как линолеумом, покрыт густым шерстяным ковром. Говорят, они здесь очень дешёвые – 20–25 долларов на всю комнату. Собралась вся миссия. Поговорили о том, и о сём. Потом предоставили слово нам. Я рассказал о нашем интересе к народной медицине. Посол сидел с расстёгнутой ширинкой и под конец моего рассказа уснул. Первый секретарь посольства отвечал довольно горячо, но, похоже, они ничего про предмет нашего интереса не знают. Обещали узнать.

Потом начальство куда-то ушло, а мы со стармехом вышли во дворик, где живо поболтали с женщинами, гулявшими здесь с детьми.

Возвращались уже вечером. Освещение дневное – голубое, а на дорогах – оранжевые фонари. Заехали в пивной бар, угощал, по видимому, тот человек, кто вёз нас из посольства.

Процедура пивопития: выдают литровую кружку, стреляют в неё из насоса, вдобавок берёшь длинные стаканы и идёшь за стойку. Наливаешь из кружки в стакан и пьёшь. Никакой соли и никакой закуски не дают. За стойкой с нами сидело несколько местных забулдыг.

ЛОВЛЯ МОЛЛЮСКОВ

16 апреля

Сегодня с утра мы собирались с Васей в город. Говорили, что будет экскурсия в университет, но, когда мы пошли записываться, нам объявили, что за нами уже приехала машина из миссии. Это я вчера попросил организовать нам ловлю моллюсков на литорали³⁵ во время отлива. Консульские довольно вяло пообещали, но слово сдержали и уже прислали за нами машину.

К сожалению, состав экспедиции подобрался неудачно. Кроме нас с Васей ловлей моллюсков «заинтересовались» четыре человека из начальства, которым нужно было просто где-то выпить.

³⁵ Литораль (лат. *litoralis* – береговой) – приливно-отливная зона берега, затопляемая морской водой во время прилива и осушаемая во время отлива.

Так или иначе, мы получили возможность выехать в загородную зону. Посреди дороги пришлось остановиться – дальше ехать было нельзя из-за ремонта. Пошли пешком «три мили до красных камней».

Пейзаж очень напоминает Приморский, сопки подходят к самому морю, они круче и скалистее наших, как в Находке. Между сопками и морем – узкая полоска гальки. На выступах сопок камни, о которые с брызгами разбиваются волны.

Мы блуждали среди камней, но никаких моллюсков здесь не было, тогда мы плюнули на это «дело» и пошли собирать большие белые раковины. Набрав ракушек, мы уселись на траву и закусили прихваченной с собой едой. Набравшись сил и передохнув, полезли в сопку. В распадке, прям, как дома, бежал быстрый прозрачный ручей. Мы карабкались по склону, растительность здесь дикая и более жёсткая, чем в Приморье: жёсткие листья, жёсткая трава, но без колючек.

Уже забравшись на сопку, встретили чёрного быка и забеспокоились, как же теперь его найдёт хозяин в такой глуши. Позднее нам объяснили, что хозяин пошлёт свою собаку, и она найдёт. Хорошая собака-пастух стоит 300 долларов.

Сверху было видно море до самого дна – всё как в Приморье: зелёная и синяя вода, гребни волн, буро-коричневые поля водорослей. Кругом горы, горы, горы: первый ряд – зелёный, второй – синий. Виден берег Южного острова. К нему идёт белый паром. Слева из-за сопок кое-где выглядывают белые строения Веллингтона.

В том месте, где нас остановили, укрепляли дорогу. Небольшой грузовичок без заднего борта возил гравий. Хозяином грузовичка был парнишка лет двадцати в красной рубаше. Широколицый маори загружал ему гравий с колёсного трактора. Нас восхитило, как быстро, слажено и без остановки они работают.

Когда мы вернулись на «Альбу», выяснилось, что раковины, которых мы набрали, собирать было нельзя. Позже ребята обработали их напильником, и они заблестели, переливаясь, как хвост павлина. Мало я их собрал!

Вечером пришли польский эмигрант Янош, англичанин-зоолог и англичанка Аня (Энн) – учительница начальных классов. Отец Яноша был польский офицер. Оказывается, когда немцы вошли в Польшу в 1939 году с севера, наши вошли с юга. Потом наши отступили и дали приказ эвакуировать в Казахстан семьи польских военных в теплушках. После войны мать Яноша уехала в Новую Зеландию, а отец с сыном вернулись в Польшу. Шесть лет назад Янош приехал

в гости к матери и остался навсегда. Теперь жалеет, говорит: «Здесь есть деньги и достаток, но нет человеческих отношений. Англичане этого понять не могут: как это есть всё, а счастья нет?».

С Аней мы говорили по-английски. Она любит устрицы и грибы, мечтает побывать в Советском Союзе.

НА ЮГ

17 апреля

Утром мы опять собрались в университет. Но объявили, что без особого распоряжения увольнительную никому не дадут. Часа через полтора поступило специальное распоряжение срочно отправляться в район приводнения «Аполлона-13»³⁶. Нас быстро заправили и в 17:00 мы отчалили, провожали нас сотрудники посольства и два грузина из ансамбля танца Грузии, который вчера прибыл в Новую Зеландию. На рейде стояло много иностранных судов и ленинградский сухогруз «Новокузнецк». Наш капитан исполнил умопомрачительный разворот между пирсом и британским судном, чем привёл всех наблюдавших в восторг.

Подумать только мы идём искать «Аполлона»!

18 апреля

Качка средней силы. Мы лежим. Когда бросают трал, меньше качает. Почаще бы его бросали! Вася носит мне еду. Вчера был борщ из свежей капусты и огромных кусков курицы (одна курица на двоих), вечером давали свежие помидоры и молоко. Вероятно, я объелся, очень тяжело в животе.

Пишу стихи про Тасманово море.

19 апреля

Шторм 7 баллов. SOS! Лежим пластом. Яблоко продержалось в желудке 1 час 27 мин.

20 апреля

Сегодня пошёл второй месяц нашего плавания. Жить можно, если бы не качка и полгода впереди.

³⁶ «Аполлон-13» («Apollo 13») – американский пилотируемый космический корабль был запущен с космического центра Кеннеди 11 апреля 1970 г. с целью произвести третью высадку для геологических исследований на Луну. В полёте произошла серьёзная авария, но космонавтам удалось облететь Луну и вернуться на Землю 17 апреля 1970 г. Приводнение командного модуля состоялось в районе островов Самоа в Тихом океане.

Видимо, часов в пять утра бросили трал, стало меньше качать. По крайней мере, в 6:15 я проснулся от голода. В сумке было сало, в ящике стояло открытое лечо – всё съел с аппетитом. В 8:00 Вася принёс два яйца, съел и их. Совсем осмелев, открыл банку варенья. Вышел на воздух отдышаться. Спустились в трюм к пробиркам и бутылкам, пора поработать. Обед принёс Вася. Я так и не решился зайти в столовую. Днём я всех агитировал варить кальмаров, но ребята ленятся. Сварили только для нас двоих, получилось хорошо. Кажется, кальмары помогают от качки.

Видел интересные картинки: красный налим сожрал своего сородича, вскрыли акулу из трала, а в ней оказались живые акулята, побросали их за борт.

Отправили первомайские телеграммы, бабушек поздравил с Пасхой.

Ушли от шторма в залив Кентербери. Целый день бросаем тралы – достаём по 10–30 рыбок. Зато впервые видели чёрных акул, глаза у них светятся зелёным.

Вася слёг, я принёс ему ужин.

Ближе к полуночи пригласили Николая и Михаила Сергеевича. Звали и других, но все уже завалились спать. Попили чайку с вареньем.

21 апреля

С утра качало. Мы лежали. Вечером стало чуть полегче. Обнаружил у себя две тетрадки с записями по надпочечникам, я думал, что они остались дома, теперь я смогу значительно расширить главу о надпочечниках. Весь вечер занимался записями, несмотря на качку.

За три траления попало лишь две рыбёшки.

22 апреля

100-летний юбилей В.И. Ленина. Слушали Москву.

Идём на юг. SOS! Качка. Выходим на палубу только на время траления. Сегодня заготовили первые образцы. Большую часть дня лежим.

Вечером с Васей готовили креветок. Толя пил спирт, мы открыли канистру. Потом они варили рыбу в ведёрке (камере) для электрофореза, ели уже в первом часу ночи.

23 апреля

SOS! Лежим.

Сегодня получил лингвистический урок от бывалых. Оказывается, трал не «вынимают» (вынимают х... из п...), а «подбирают».

Так вот, когда в этот день подбирали трал, волны захлёстывали выше слипа³⁷ и заливали палубу.

6–7 баллов. Штормовая погода. Мы идём на юг. Сегодня уже широта –49 градусов, долгота –171.

Ребята снова варят уху. Я им напомнил, чтобы они не забыли меня пригласить, еда в столовой уже приелась. На полдник были опять помидоры с огурцами. Огурцы ещё ничего, а помидоры хуже корейских.

Наташа с Ванюшей летят в самолёте в Горький, их тоже качает.

24 апреля

Уже неделю после того, как мы вышли из Веллингтона, нас непрерывно болтает. Сегодня – 7–8 баллов. К обеду всё стихло настолько, что мы смогли помыться к Пасхе, я постирал бельё. Потом даже кое-что сделал для оформления приготовленных препаратов. Ежи и звёзды сушатся на батарее. Вечером писал.

От Антарктиды мы всего в двух днях перехода.

Хочу домой. И где там сейчас Наташа с Ванюшей?

25 апреля

Наконец-то небольшая передышка, 2–3 балла, боковая качка, её мы с Васей уже переносим. Он целый день сегодня играл в шахматы, а я закончил свою часть приготовления препаратов, позанимался. Сварил уху на всех и снова позанимался, покрасил два яйца в малиновый цвет карандашом для стекла и в зеленый – тушью.

Сегодня был самый большой улов – семь центнеров.

ПУТАССУ

Основной задачей нашего рейса в Новую Зеландию был анализ изменений в обитателях вод Тихого океана, вызванных испытаниями Французской атомной бомбы. Но у ТУРНИФовской «Альбы», на кото-

Южная путассу

рой мы отправились в свою экспедицию, была своя цель – исследование места лова редкой рыбы путассу³⁸, которую у нас раньше не промыслили. Её случайно в 1967 году нашло наше судно, шедшее из Антарктиды.

³⁷ Слип – наклонная площадка на судне в кормовой части для подъёма трала с уловом.

³⁸ Путассу южная (лат. *Micromesistius australis*) – промысловая рыба из семейства тресковых, обитает в умеренных и субтропических водах Южного полушария.

Поэтому мы и не стали задерживаться в Веллингтоне, а пошли на юг.

26 апреля

Пасха. Нам выдали по два крашеных яйца. Наташа с Ванюшей отмечают, конечно, а я даже спиртику не выпил, потому что покачивает. Выпил только виноградного сока.

Весь день тралили. Один раз вытянули около пяти центнеров, и почти весь улов состоял из путассу, это как раз та самая редкая рыба, которую наше судно искало. Если они найдут такие места, где её можно было бы добывать в промысловых масштабах, то получают 20 % надбавки, т. е. это открытие. Поэтому наши рыбаки теперь в ажитации определить границы района, так как мы собираемся вызвать сюда на конец мая промысловые суда.

Сегодня на палубу залетела усталая птица, ребята её поймали и отнесли в каюту.

Двое ребят-тральщиков рассказывали про свою жизнь: «придем на берег, напьемся, у постели свалимся, а жёны радуются...». Одному из них тридцать, жене – двадцать. Женаты полгода, он боится, что жена начнёт изменять.

– Сейчас хочется домой, а вернёшься, сядешь за стол, все рыбацкие невзгоды забудешь, и опять тянет в море.

Маша-пекарь обычно сидит посреди столовой за столом для поваров. Смотрит, как ребята едят. Её «заводят», а она радуется. Основная тема разговора – «давайте перемешаемся». Маша: «Вам бы только своё получить, а платить за это никто не хочет». Говорила, что собирает ракушки, зубы кашалота и прочее и делает из них разные штуки.

Днём впервые после Веллингтона увидели солнышко.

27 апреля

Оказывается, мы уже сделали своё открытие, нашли «банку» (неглубокое место), где водится путассу, тралим уже четвёртый день. Рыбы, правда, сейчас мало, но это потому, что она только что отметала икру. Через месяц её тут будет навалом, это сулит им уже не 20, а 40 % премиальных, а нам с Васей – шиш с маслом.

В поисках границы района промысла мы прём на юг. Уже 52-й градус южной широты. Здесь уже могут быть айсберги, сегодня, на всякий случай зарядил фотоаппарат. А может, и пингвина увидим?

Я придумал себе вечернее занятие, высунувшись в иллюминатор, смотреть на борт судна, белый и выпуклый, он кажется очень

большим, волны темные, как смола, с белыми гребнями в темноте, а мы идём и идём...

А днём всё как обычно, вода и вода – серая. Я надеваю штормовку, меховую шапку и сапоги. Большую часть времени сидим в каюте. Выйдешь погулять, а идти некуда, на промысловой палубе – трал, наверху никого и холодно. Постоишь минут 10, а кажется, что полчаса. Ещё выхожу на подбор трала и, если нечего собирать, помогаю ребятам разбирать и скидывать рыбу.

На полдник давали жареную путассу – мура. Жду телеграмму из дома, а вдруг они не знают, как её отправить!

28 апреля

Качка баллов 6, но почти весь день бросают трал и поэтому жить можно. Рыбаки, как чокнулись, всё ищут свою путассу, хотя свои 40 % уже получают. Оказывается, что, если они выловят 60 тонн, то будет считаться, что район освоен, и они получают 60 %. Сегодня поймали акулу 1 м 70 см, изо рта у неё торчала недоеденная рыба, которую она, возможно, схватила уже в трале.

Жду телеграмму от Наташи, где они с Ванюшей? Видел сына во сне, будто мы вернулись, а он с Наташей пришёл встречать и узнал меня: «Папа!».

Разговор Васи с камерной³⁹ Валеи утром во время уборки:

– Нет, ты скажи, тебе нравится, когда ты знаешь, что кто-то из мужчин тебя любит?

– Как так?

– А вот так, просто знаешь, что ты ему нравишься, хотя, может, тебе на него наплевать.

– Зачем мне это? Ха! Главное, чтобы уважали, а не лезли лапами.

– Ты меня не понимаешь. Я не про наше судно говорю, а вообще, про берег тоже. Вот ты замечаешь, что мужчина обращает на тебя внимание. Тебе это приятно или нет?

– Мне как-то всё равно.

– И ты ничего не хочешь узнать про этого мужчину?

– Ну, прежде всего, я хочу узнать холостой он или женат.

– Вот-вот, – радуется Вася, – дело уже сдвинулось с места. Предположим, ты узнаешь, что он женат. Ну и как ты поступишь?

– А так и поступлю, от ворот – поворот, товарищ дорогой! Какой мне толк от женатого? В скандалах замешанной быть не хочу, – заявляет Валя.

³⁹ Камерная – член экипажа, отвечающий за порядок и чистоту жилых помещений на судне.

29 апреля

Ловим путассу на 52-м градусе. Сегодня рыбы относительно мало. Серый день. Дождь. Правда, сейчас, когда закрывал иллюминатор, увидел, что на небе звёзды. Может, завтра будет солнце.

От Наташи с Ванюшей телеграммы нет. Светает в 8:00, а темнеет уже в 17:00 – зима, ёлки-палки!

Идём тихим ходом дальше на юг. Хоть бы айсберг увидеть!

Разговаривали с ребятами о домашних делах. Валера рассказывал, как получил квартиру. Повели его к какой-то женщине, которая запросила 2500 рублей. У него глаза на лоб полезли. Пойду, заявлю на неё, пусть буду всю жизнь в своей старой квартире торчать, но хоть проучу этих сволочей. Но его отговорили, парень поостыл, взял у родителей 1800, остальные занял, на всё согласен, готов мотаться ещё в этих рейсах, только бы была своя хибара. Когда пришёл к этой жилищнице в следующий раз с деньгами, узнал, что её арестовали.

Вася ходил добывать для ребёнка ясли. Сначала пошла жена. Её спросили, где она работает. Она ответила, что нигде, т. к. сидит с ребёнком, на что ей посоветовали: «Устройтесь на работу и приходите». А как устроиться на работу, если не с кем оставить ребёнка? Непонятно. Пошёл Вася, очередь человек пятнадцать, в кабинете никого. Минут через сорок пришла дама. Никого не приняла и снова ушла на полчаса. Возвращается. Вася перегородил ей дорогу в кабинет.

– В чём дело? – возмутилась дама.

– Где вы ходите?

– А вам какое дело?

– А такое: у вас написано, что приём с 9:00, а сейчас пол-одиннадцатого. Я просто гражданин, стою в очереди в самом хвосте – вот и всё моё дело.

Позже, когда подошла его очередь, дама сказала:

– Хорошо, мы вас запишем, номер – тысяча с чем-то. Есть надежда, что до школы он попадёт в ясли. Хотя, конечно, едва ли.

Тут Вася завёлся:

– Зачем вы здесь сидите? Нет! Ну, зачем вы здесь сидите? Записывать? Но это могла бы делать и вахтёрша, она и так сидит и записывает всех входящих.

Дальше следовали длинные Васины причитания. На них всё и кончилось.

30 апреля

Сегодня не качает, всё время бросают трал. Видимо, из-за тёплой погоды хорошо идёт рыба – по 3–5 тонн за трал, почти вся – путассу.

После каждого трала интересуются: «Сколько?» – азарт 60 % никого не отпускает. Все ходят довольные. А нам с Васей эти 60 % до лампочки, однако, мы тоже довольны, потому что не качает.

Погода тихая, но пасмурно и холодно. Сегодня весь день работали над экстрактами. На ужин были чебуреки, а завтра обещали пирожные.

Перед кино раздавали телеграммы из дома. Всем есть, а мне нет. Где мои?

Завтра Первоймай: солнце, праздник, демонстрация, выпивка на демонстрации, вечером – торжество с Мамаевыми, Васильевыми и Лебедевым. Но это всё в следующем году, а сегодня мы уже сорок дней в море и это всего 20 % нашего путешествия.

1 мая

Красный день календаря. Праздник трудящихся. Вот на берегу мы жалуемся, что демонстрации нам надоели, а сегодня хотелось хотя бы репортаж о демонстрации по радио послушать, но ничего не получилось.

На полдник дали пирожное (как масло на коржике), яблоко и грушу.

Вечером я выпросил у повара сухую рыбку, как раз начались креветки, а второй помощник капитана Юра подарил каждому по банке пива «Leopard»⁴⁰, закупленного ещё в Веллингтоне. Было ещё яйцо с ужина и Васино недоеденное яблоко. Вот мы и отметили праздник.

2 мая

Весь день качка была умеренной, но к вечеру раскачалось, пока терпим. Ветер свистит, вода захлёстывает в иллюминатор. Варили уху. Делал препараты для Юрия Леонидовича. На ужин были пельмени.

3 мая

Лов продолжается. Качает. Когда я тряс трал, вступило в спину, не могу разогнуться. Кое-как дополз до каюты, теперь лежу. Снова раздавали телеграммы, снова мне – ничего.

4 мая

Я лежу, боюсь шевелиться, но мне уже лучше. Самостоятельно сходил в туалет. Видел остров Кэмпбелл⁴¹. В семь утра порвали трал, и весь день его чинили. Всё время движемся. Тасманово море.

⁴⁰ Пиво «Leopard Lager» выпускается компанией «Lion New Zealand», в Окленде.

⁴¹ Остров Кэмпбелл – самый большой в одноимённом вулканическом архипелаге, расположен в 600 км южнее Южного острова Новой Зеландии.

5 мая

Сегодня общее сумасшествие, трал каждый раз приносит по 5–7 тонн, выходит, что за день поймали не меньше 20 тонн. Штиль. Наконец-то я увидел гладкую воду, но солнца почти не было. Вода серая, как тротуар, на ней сидят чёрные и белые птицы, как голуби на асфальтовой площади. Стоим. Необычная тишина.

Сегодня купил 300 г шоколада, прикончил банку варенья и надел красную рубаху.

6 мая

Минут на десять выглянуло солнце – и вода с серой сделалась синей. На сегодняшний день заморозили 50 тонн, из них 18 тонн – вчера.

7 мая

Первый этап нашего задания завершился успешно. Для всех – это хорошо премией, а нам с Васей хорошо, что ближе к дому. Теперь мы уже будем двигаться только на север, т. е. в сторону дома.

Отправили Дардымову⁴² телеграмму: «Поздравляем Днём Победы. Свесились кормы пьём твоё здоровье». А из дома – по-прежнему, ничего.

– Маша, почему мне достался самый маленький чебурек?

8 мая

Никакого движения домой мы вчера не начали. Рыбаки уговорили капитана остаться ещё на один день. Он был удачным, поймали ещё двадцать тонн. На палубу никого, кроме занятой смены рыбаков, вахты, научных и нас с Васей, не пускают. Все остальные ждут поднятия трала у дверей: «Сколько? Сколько? У-у-у!» – довольные.

Сегодня наблюдал за альбатросами. Когда они садятся на воду, сначала выпускают свои светлые лапки, как самолёт шасси. Сначала назад, потом у самой воды – вперёд. Складывают крылья на тело

Альбатрос на взлёте

⁴² Дардымов Игорь Васильевич – коллега, фармаколог, доктор медицинских наук, участник Великой Отечественной войны, в прошлом – морской врач-физиолог.

всегда в одной последовательности – сначала левое, на него правое. Взлетая, они некоторое время «бегут» по воде. Иногда во время полёта они опускаются низко над волнами и «семенят» по ним лапками.

Вася получил телеграмму из дома о том, что там получили наши письма из Веллингтона.

Шоколад я прикончил. Надо бы банку с молоком открыть, да нечем, а все спят.

По нашим расчётам в этих районах можно было обнаружить на морском песке следы пораженных взрывом водорослей. Каждый раз, когда «Альба» подходила близко к берегу, я садился в шлюпку и отправлялся за пробами, помещал кусочки морских водорослей в банку, которую тут же плотно закручивал крышкой.

Однажды во время проведения такой процедуры над морем сгустился такой туман, что я перестал видеть и судно, и берег. Я позвонил на судно, доложил ситуацию и поинтересовался, что мне делать и куда плыть. Капитан ответил, что нужно бросить якорь и ждать, пока туман не пройдёт. Я просидел на месте больше двух часов. Туман рассеялся, я вернулся на судно. Когда я поднялся на палубу, меня ждала вся команда, а я даже не успел испугаться. В этом приключении я застудил голову и мучился мигренью, пока мы не вернулись домой.

Я продолжал собирать водоросли, пока не удалось определить границы, в рамках которых встречались повреждённые экземпляры.

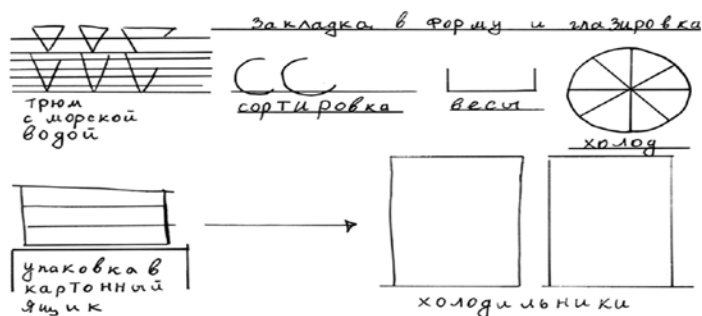
9 мая

День победы. Осталось пять месяцев плавания. Ради праздника в трал попало вдвое больше путассу, чем обычно. В связи с этим сегодня ходили с Васей в рыбный цех, чтобы помочь подвахте.

Вот так выглядит цикл обработки рыбы. Сначала рыба поступает в трюм, где стоят чаши с морской водой. Оттуда по транспортёру улов направляется к сортировщикам, которые выкидывают примеси. По пути рыбу промывают струи воды из кранов, встроенных по ходу конвейера. Сортировщики же регистрируют поток рыбы на два глазировочных агрегата, перед каждым из которых стоят весы, настроенные на 10 килограммов. На весы рыба поступает по жёлобу. Глазировщик с помощью заслонки отсыпает десятикилограммовые порции на весы.

Затем он опрокидывает лоток весов в глазировочную коробку⁴³, расправляет там рыбу, заливает водой и закрывает коробку крышкой.

⁴³ Глазировочная коробка – оборудование, в котором создаётся защитная ледяная корочка на рыбе.

Цикл обработки рыбы

Коробка, установленная на вращающем барабане, сменяется новой, и процесс повторяется. В итоге, обработанную рыбу упаковывают в картонный ящик. Готовые ящики связывают по три штуки и отправляют в холодильник.

Нам с Василием Герасимовичем обычно достаётся именно эта работа.

МОРСКИЕ БУДНИ

10 мая

Страшно качает. Два раза вырвало. Трещит голова, возможно от того, что вчера без шапки спускался в морозилку.

11 мая

Наконец-то получил телеграмму от Наташи. Весь день отходил от вчерашнего шторма. Поел помидоров из банки и попил оттуда же соку. Вася сходил на трал и вернулся с ведром огромных ракообразных (раз в два крупнее обычных), мы их сварили, съели, и дело пошло на поправку. К вечеру поели пюре с селёдкой, потом Вася выиграл торт на викторине о Новой Зеландии. Стоим у острова Окленд⁴⁴. Тут полно живности, поэтому сегодня удалось сделать целых два препарата.

12 мая

С утра мучаюсь головной болью, таблетки не помогают. Мы с Васей начали петь песни, пели громко. Боль прошла, появился голод. Я съел все помидоры. Вася принёс сушёного кальмара. Но всё это только усилило аппетит. Пошли на чай, но там один сыр, фруктов

⁴⁴ Остров Окленд – необитаемый остров южнее Новой Зеландии в одноимённом вулканическом архипелаге.

не было. Еле дождался ужина. На ужин – перловка. Поел молока из банки. Так и ложусь голодный. Идём, как угорелые, на полной скорости на север.

13 мая

У капитана, говорят, умер отец. С этим ничего не поделаешь, ужасное чувство бессилия.

Я случайно зашёл в рубку, чтобы отправить поздравление ко дню рождения Наташи, а там как раз собралась компания, оживлённо обсуждавшая самолечение от триппера, оказывается, каждый из них уже имел такой опыт.

Ваня, я первый раз напился (почерк в этот день практически не читабельный)!

14 мая

Сегодня штиль. Солнце светит целый день. Относительно тепло, особенно когда судно идёт с тралом, т. е. медленно и, соответственно, меньше ветра.

Мы вернулись к самой южной точке Новой Зеландии – 47-я параллель. Назад к Антарктиде мы уже не вернёмся. Сегодня ловим ставриду и каменного окуня. Гигантских кальмаров сменили маленькие, завтра надо сварить ведёрко.

Хорошая погода спасла меня от похмелья, хотя утром не удалось избежать «профилактической» встречи с раковиной. Ходил чумной до полудня, сидел на палубе, помогал рыбакам разбирать рыбу.

Рабочий момент

Главное событие дня – бурлящие, серые косяки рыбы в зелено-синей воде, над которыми кружат белые птицы. Насчитали семнадцать косяков одновременно. Все причитали об отсутствии кошелькового невода, которым можно окружить косяк, а потом затянуть этот «кошелёк» снизу. Глубоководным тралом эту рыбу не поймать. Потом стали наезжать на косяки, чтобы посмотреть, что это за рыба. Мы с Васей и Николаем Ивановичем уселись на самом носу, свесив головы вниз. Когда наезжали на косяк, множество

рыб уходило в глубину, их было хорошо видно в прозрачной воде – блестящие, отливающие сквозь слой воды голубоватым оттенком. Белые птицы разлетались в стороны при приближении судна, серые взлетали из-под самого носа почти вертикально, были другие, которые не улетали, а ныряли прямо под корпус, и было видно, как они уходят вертикально вниз, торопливо работая лапками.

По Новозеландскому времени уже наступил Наташин день рождения.

15 мая

Наташин день рождения! Ох-хо-хо!

В честь этого, не иначе, сегодня: 1) спокойное море, 2) солнце во второй половине дня, 3) пирог с повидлом на полдник.

Сегодня пробовал работать с материалом, но стол дрожит из-за работы машины.

Всё остальное время занимался наукой.

Нам повезло – переход в тихую погоду. Всё утро шли вдоль Новой Зеландии, затем прошли через пролив Кука, оставив справа Веллингтон, на северо-западную сторону островов.

16 мая

Сегодня даже немного позагорали, наблюдали в тумане гору Эгмонд⁴⁵. Сегодня я отдыхал, а то что-то туго стал соображать. Задерживают банный день. Сломалась труба. Постели принесли новые, а не стелили.

17 мая

После обеда загорали, а потом помылись в бане. Вечером вытащили восьмиметровую акулу. Когда достали её из трала, пасть чудовища раскололась на части. Попробовали зацепить рыбину за хвост, но он оторвался. Умаявшись возиться с такой машиной, подвели канат под её огромную тушу и спихнули за борт.

18 мая

Подбираем один трал за другим, но рыбы мало.

После обеда загорали, но холодновато, ждём циклона. Второй день пробуем поднимать гантели.

19 мая

Пасмурно, но циклона нет. Небольшая зыбь, бортовая умеренная качка, но мы её почти не чувствуем, потому что почти всё время бросают трал.

⁴⁵ Гора Эгмонд (более известна как вулкан Таранаки) расположена на западном побережье Северного острова Новой Зеландии, высота 2518 м.

Между обедом и чаем нашёл двух хороших глистов для Юрия Леонидовича.

20 мая

Был бы неплохой день, если бы с утра не болела голова. Пришлось ставить себе иголки. Холодногато.

21 мая

Начался третий месяц нашего добровольного заточения. 5 баллов, серо и хмуро. Качка и головная боль – SOS!

22 мая

В каюте

Качка. Не завтракали, не обедали, не полдничали. Я совсем упал было духом, но тут пришёл Коля Слипченко и пригласил на свой день рождения – четверть века парню. Угощал отличным винегретом с крабами. Вино мы с Васей не пили, да и все пили немного, т. к. не только мы боимся качки. Смотрели странное польское детективное кино «Загадочный пассажир», посредине фильма волна захлестнула иллюминатор и залила пол столовой.

23 мая

Сегодня с утра видели дельфинов, их плавники резали воду вокруг судна, плыли внутри больших волн, понимаясь и опускаясь вместе с ними.

Качка умеренная настолько, что я могу кушать и заниматься, но не недостаточно слаба, чтобы её не чувствовать.

24 мая

Кормят какой-то мурой. Весь день ходили голодные.

25 мая

Новая Зеландия всё время в тумане на расстоянии 20–25 километров от нас. Над ней кучевые облака.

Ребята грезят возвращением на юг и мечтают поймать ещё 100 тонн путассу – рыбацкая лихорадка.

У Вали день рождения. По просьбе комсомола написал ей стих:

Беречь, как рыбу, женский пол
На судне мы должны,
Поскольку в море комсомол
Полгода без жены.

Дельфин-афалина

Комсомольцы хотели зачитать его по радио, но цензура не пропустила. Может, прочитают на банкете. Нас с Васей туда не пригласили – староваты! Мы не обиделись, т. к. не пьем и на весёлые сборища ходим в основном, чтобы пожрать, а сегодня еда и так была хорошая: обед – печень с картофельным пюре, полдник – яблоко, вечером – уха и вареники с картошкой и капустой.

Сегодня два события. Во-первых, около месяца у матросов в каюте жила красная птичка, наподобие нашего снегиря, а сегодня старпом проверял порядок в каютах и птичку выгнал, она прыгала по палубе на ветру. До берега ей не долететь, да и чайки её разорвут. Во-вторых, к нам на полном ходу подошло маленькое японское судно с командой из пятнадцати человек. Мы помахали друг другу руками, а потом они резко развернулись и параллельно с нами бросили свой трал. Качало их так, что страшно было смотреть.

Я весь день читал РЖ⁴⁶ «Физиология».

26 мая

Холодно: +12°C и ветер. Читал РЖ «Фармакология». С Васей весь вечер проболтали насчёт институтских дел.

27 мая

Хорошая погода, и после обеда совсем перестало качать. Мы находимся в центре антициклона. Я сегодня отдыхал, загорал, подчищал все хвосты.

28 мая

Холодно. Тихо. Баня. Стирка. Учю английский, пишу книгу «Ищу панацею».

⁴⁶ РЖ – реферативный журнал, периодическое издание, содержащее краткое содержание научных изданий по определённой отрасли науки.

29 мая

Делал препараты для Юрия Леонидовича и Бори. Английский. Пишу книгу.

30 мая

С утра вода была зеркально-гладкой. Весь день писал книгу.

31 мая

В 6 утра начался футбол⁴⁷. Все слушали репортаж по радио.

1 июня

Первый день зимы. Погода пока спокойная, но солнца нет.

На палубу сегодня не пускали из-за покраски, готовимся к Веллингтону. Весь день провели в каюте. Пишу книгу и занимаюсь английским.

2 июня

Крупная зыбь, умеренная качка. Серо. Дождь. Пишу книгу.

На нас надвигаются сразу два циклона. Полундра!

Записываю последние известия, т. к. мне скоро нужно будет делать политинформацию.

3 июня

Серое хмурое небо. Весь день льёт.

4 июня

Иногда выглядывает солнце. Покачивает. Ничего не происходит.

Валера читал лекцию о будущем рыбного промысла, хочет прокормить человечество рыбой.

На ужин была солянка, я её не ем, поэтому сами готовили кальмаров.

5 июня

У Ванюшки день рождения, а у нас серый дождливый день, даже на свежий воздух не выходим. Прочитал книгу Елизара Мальцева «Войди в каждый дом». Очень хорошая книга, хотя и слабовата с художественной стороны. Удивляюсь, что в 1963 году пропустили книгу о колхозе хрущёвских времён, когда догоняли Америку по мясу и молоку.

6 июня

Фотографировались. Читаю сборник новелл «Рассказы французских писателей» с предисловием Ильи Эренбурга. Занимаюсь

⁴⁷ 31 мая 1970 года состоялся матч Мексика – СССР на международном чемпионате по футболу на стадионе «Ацтека» в Мехико, счёт 0:0.

английским. Хочу домой, как качка, так только и думаю об этом, несмотря на то, что скоро Веллингтон.

Сегодня давали по десять пельменей. Боря отдал мне пять своих, но я всё равно не наелся.

7 июня

Солнце. Загорали. Из-за качки шляться по судну неудобно. Поймали несколько сардин. Я приготовил икру, залил солёной водой на полчаса – и готова. Толя пошёл за растительным маслом к Маше и вернулся с ней.

Закончилось всё тем, что Маша рассказала нам про свою жизнь. Она жила в Находке, вышла замуж за капитана. Прожила с ним восемь лет, из них реально вместе – полгода. Он всё время писал ей хорошие письма, но, когда судно возвращалось в порт, домой всё равно не показывался – целый день жил с друзьями на судне. Она приезжала с дочерью на такси за ним. Он её ругал за то, что она его позорит перед людьми. Однажды они вместе ехали в такси, муж начал пьяные разговоры: «Вот этот шофёр, если я ему покажу рубль, будет делать всё, что ему скажу, куда прикажу, туда он меня и отвезёт. Всю ночь катать будет». Шофёр остановил машину и стал вытаскивать разошедшегося капитана из машины. Бедная Маша насилу их успокоила. Шофёр согласился их дальше везти только из-за ребёнка. Потом они поднимались на четвёртый этаж. Он взял на руки спящую дочку и уронил её. У дверей полчаса искал ключи. Маша нашла их у него в кармане. Ударила его в сердцах наотмашь и после того его к себе месяц не подпускала.

Муж был очень хвастлив. Однажды кто-то рассказал ему о новом методе траления, а он в компании уже на следующий день выдал этот метод как свой. Когда к нему приходили друзья, Маша готовила им на кухне, пока они напивались без всякой закуски, после чего есть уже не хотели. Она обижалась, кричала, грозила всех выгнать. Он обидно говорил: «Иди на кухню, мешай щи, не лезь не в своё дело». А потом опять уходил в рейс и писал красивые письма. Она с ним развелась: «На кой хрен мне такая жизнь? Теперь я хоть одна живу и мужиков повидала».

Когда пошла в море, дружок бывшего мужа, тоже капитан, проходу ей не давал. Она его ругала, а он ей: «Как ты смеешь? Я же капитан!». Она ему в ответ: «Вот и торчи на своём мостике, нечего тебе на камбузе делать». На берегу личная жизнь тоже не складывалась – «там или семейные, или пролетарии-алкаши опустившиеся».

Муж платит ей алименты по сто семьдесят рублей в месяц. Она стоит в очереди на кооперативную квартиру. Ездил в Сибирь к родителям, хотела у них остаться, но не понравилась тамошняя бедность: «Я хожу в будничном платье, а они считают, что как на праздник вырядилась».

8 июня

Стояли, красились под самым берегом, всего в двенадцати километрах от Веллингтона.

Нежно-розовый закат над зелёными сопками отбрасывал голубые тени. Я почему-то подумал, что там тепло, и коровы вернулись в луга. Там, наверное, пахнет коровами и молоком.

Занимаюсь фотографией. Пошлю парочку домой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВЕЛЛИНГТОН

9 июня

Сегодня в 12:00 вошли в Веллингтон. На входе нас сильно качнуло. Я с перепуга проснулся и долго ещё имел бледный вид, не скоро успокоился.

Удивительно, что нас троих научных (меня, Васю и Галю) отпустили в этот раз на берег без членов команды. Видимо, Галя имеет свои способы влиять на капитана. Гулять с ней хорошо. Она не тянет ни в магазин, ни в пивнушку. Можно просто спокойно побродить.

Сегодня тема – магазин. Мы зашли в первый попавшийся универмаг, и Галя принялась выбирать шерстяной костюм и шерстяное же платье. Но подобрать его оказалось трудно, потому что тут все носят очень короткие юбки и платья.

Мы на смешанном жёстко-английском языке объяснили, что нужно платье подлиннее. Продавщицы забегали, нашли длинное, но страшное платье. И вдруг Галя увидела его – красный красивый костюм (жакет, юбка и блузка). Пока Галя красовалась в примерочной, мы выяснили, что обновка будет стоить не 15–16 долларов, как нам казалось, а 49 долларов 95 центов. Я тут же отправился в примерочную и сообщил Гале цену, но её это не остановило. У неё было 35 долларов, так что нам пришлось сброситься.

Во время примерки мы разговорились с продавщицей. Она, оказывается, была из Югославии и очень обрадовалась, что мы делаем покупку, видимо, ей перепадёт куш. Тут, похоже, редко покупают. В магазинах есть всё, а покупателей нет.

Мы заплатили пятьдесят долларов. Продавщица завернула каждую часть костюма отдельно, потом всё вместе скрепила резинками. Когда

мы поднимались на второй этаж по лестнице, все смотрели на нас с удивлением, оказалось, что мы шли не по той стороне (у них тут левостороннее движение), да и вообще на второй этаж магазина тут все ездят по эскалатору, а по лестнице только спускаются вниз.

Мы вернулись на судно, все принялись охать и ахать, что мы заплатили слишком дорого. Но мы не стали никого слушать и снова пошли в город.

Не успели мы пройти и двух кварталов, как нас остановила пожилая женщина в тёмных очках, сказала, что она русская, но в России никогда не была, восемь лет назад приехала из Китая. Все её дети учились в Китае в советской школе. В этом году она собирается ехать к родственникам на Украину и хочет полечиться в Одессе в клинике Филатова, для чего берёт с собой триста долларов.

Галя стала её расспрашивать, недорого ли она заплатила за костюм и женщина сказала, что дорого. Оказывается, что здесь каждые четверг и пятницу случаются распродажи с молотка из обанкротившихся магазинов. О предстоящих аукционах заранее объявляют в газетах и не очень обеспеченные люди всё покупают именно там.

Мы шли по улице и болтали с этой старушкой. Зашли в книжный магазин, где продавалась литература азиатских стран. Я поискал книги по народной медицине, но обнаружил только пятитомник об индийской йоге. Следующий магазин был сувенирным. Я купил книгу за 8.50 долларов с орнаментом маори, с видами Веллингтона с окрестностями и картинками из быта маори. Прошли ещё несколько магазинов, огромное разнообразие товаров, цены примерно как у нас, средний заработок здесь 100–200 долларов. Магазины маленькие, тематические: галантерея, сумки, галстуки и т. д. В некоторых промышленных магазинах на одной половине продают конфеты и печенье, на другой всё остальное. Очень красивый магазин «Мясо», на витринах на подносах лежит кружками нарезанное мясо без костей самых разных животных. Вкусно оформлены овощные магазины,

Перед выходом в город

весь товар в ящиках или корзинах, продавец берёт то, что вам нужно, складывает в пакет, взвешивает на висячих весах, берёт пакет за ушки обеими руками, ловко закручивает его сверху и с боков. Мы купили два фунта бананов по пятнадцать центов за фунт, зашли в боковую улочку и поели.

С полвторого до полпятого мы изрядно умаялись, болели ноги и спина. К тому же очень замёрзли. У меня хотя бы поверх костюма был плащ, а у Васи плаща нет. Решили возвращаться на судно.

В этот день я разглядел поближе людей. Народ самых разных национальностей, одет также очень разношёрстно. Несколько молодых людей, одетых в длинные пальто, резвились и шумели на всю улицу.

Вернувшись на судно, я получил письмо от Наташи. Она писала его 5 апреля.

Галю все доводят с её костюмом, особенно Боря – наш сосед. Видно, что нарочно.

Многие просто из-за лени не пошли на берег, даже ученые. Вот так.

10 июня

Наши ТИНРОВцы всё время ругаются между собой из-за того, что не могут никак договориться, куда идти. Вот и сегодня с вечера соби-
рались утром посетить университет, а утром уже мнения разделились, выбирали между университетом и американским кораблём. В конце концов, оказалось, что на корабль возьмут только троих, и они там задержатся до обеда. Решили, что в университет пойдём после обеда.

До обеда мы шлялись по городу. Зашли в аптеку, чтобы купить перламутровую губную помаду – это опять с нами была Галя. Пока они разбирались в помаде, я подошёл к другой аптекарше и спросил, не продают ли они лекарства традиционной медицины маори. Она ответила, что нет. Я поинтересовался, изучают ли вообще в Новой Зеландии лекарственные растения, которые используют маори. Она позвала какого-то юношу. Он, узнав о моём интересе, попросил молодую продавщицу проводить нас. Мы отправились втроём, остальные были слишком заняты помадой, обошли здание, вошли в подъезд и поднялись на лифте на седьмой этаж. Вышел молодой мужчина, который проводил нас к толстому маори. Оказалось, что он фармацевт и как раз занимается интересным мне вопросом, и что некоторые лекарства маори хотят довести до аптечной формы. Но моего языка явно не хватало, поэтому я поинтересовался, могу ли я к нему вернуться с нашим переводчиком. Он согласился, на этом и порешили.

Я купил книжку про вождей маори за три с половиной доллара и ручку с киви. После обеда ТИНРОВцы снова разругались, но в итоге мы всё-таки отправились в университет.

По дороге прокатились на очень допотопном фуникулёре: два вагона, дверь не закрывается, часть людей сидит лицом друг к другу, другая – сидит на боковых сидениях, вообще свесив ноги. Гора очень высокая, целых три остановки.

В университете наш руко-водитель долго объяснял к кому же мы пришли. Главная примета встречавшего нас человека – маленький и лысенький. Переводил Ваня, он знает язык на три с плюсом, если считать, что мы все – на три с минусом. Наконец-то нашёлся юноша, который нас спас, он отправился с Ваней и нашим старшим наверх, а мы принялись разглядывать местные объявления. К нам подошла какая-то девушка и предложила показать зоологическую лабораторию. Ребята хотели было сказать ей, что мы ждём старшего и компанию, и что нам нельзя отлучаться, но никто не знал слова «ждать». Тогда я сообразил, как выкрутиться: «наши друзья пошли наверх, а мы должны сидеть здесь». Девушка ушла.

Пришёл к нам «маленький и лысенький» человек, которого мы, похоже, искали и уже встречали. Самое приятное было то, что профессор говорил по-русски. Он занимается инсектицидами против мошек, портящих местные почвы.

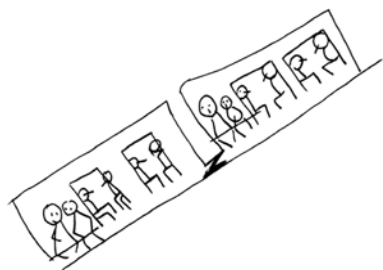
Мы отправились в зоологическую лабораторию, потом на кафедру ботаники. Ребята-ботаники подарили для нашего университета гербарий, где были все аралиевые, кроме женьшеня. Я немедленно встрял с элеутерококком и подарил свою книгу. Мне пообещали рассказать о медицине маори и прокатить за город собирать траву в следующий заход.

Экскурсия продолжилась в биохимической лаборатории, но тут ТИНРОВцы куда-то ушли, и мы остались втроём.

Вечером, когда мы вернулись на судно, пришла девушка-студентка с русского факультета Илона Смит попрактиковаться в разговорной речи. Говорит сносно, всё время делает одну и ту же ошибку: «мы прошли много милев» или «люди из разных странов».

Портрет вождя маори

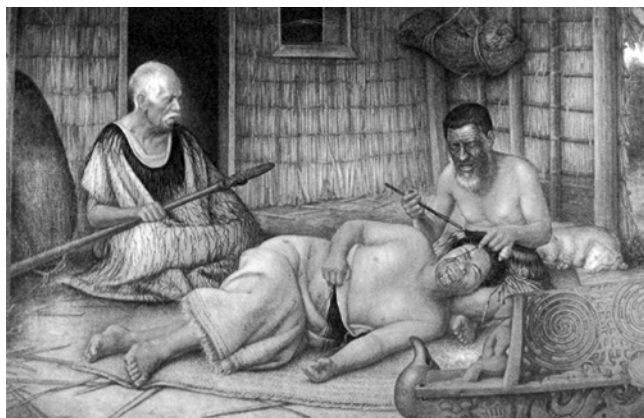
Фуникулёр в Веллингтоне

11 июня

С утра пришёл переводчик из нашей посольской миссии, и мы поехали к маори. Оказалось, что это был департамент по изучению истории, обычаев и культуры народа маори (Department of maori affairs). Переводчик рассказал нам всё, что знал об аборигенах и обещал в следующий раз свести меня с целителем.

Когда мы вернулись на судно обедать, там была Илона с другими студентами русского факультета. Мы с ними сходили в Национальный музей, представляющий быт народа маори (столовая, дом собраний, два каноэ), видели вещи капитана Кука⁴⁸, очень небольшой отдел естественной науки, где выставлен янтарь, подобный нашему балтийскому. Небольшая художественная галерея заполнена преимущественно копиями. Меня поразило отсутствие жанровых картин, в основном представлены пейзажи и модернизм.

Вернувшись, выпивали в столовой и обменивались впечатлениями. В 19:00 покинули Веллингтон.

Маори-целитель. Картина в Национальном музее маори

⁴⁸ Джеймс Кук (James Cook, 1728–1779) – английский мореплаватель, картограф. Совершил три кругосветных путешествия (1768–1771, 1772–1775, 1776–1779 гг.), исследуя Тихий, Индийский и Атлантический океаны. В 1769 году он нанес на карту побережье обоих (Северного и Южного) островов Новой Зеландии, доказал их раздельность, пройдя через пролив между ними (носит имя Кука), им описана культура маори.

ЛИТТЕЛТОН И КРАЙСТЧЕРЧ

12 июня

Примерно в два часа дня вошли в порт Литтелтон. В 19:15 «Альбу» уже показывали по телевизору. В 16:00 мы вышли в увольнение и за выделенные нам два часа осмотрели почти весь городок, в котором, похоже, живёт не больше трёх тысяч человек. Дома от берега карабкаются на сопки, очень напоминает Находку. На улицах безлюдно, примерно десяток современных магазинов. Мы нашли один из них, и я в сувенирном отделе купил Ванюшке открытку на два года. Продавцы заметно дружелюбнее, чем в Веллингтоне. Холодно, а я в одной японской рубашке, замёрз.

Вечером смотрели местный телеканал. Сначала был фильм про двух девиц, которые не хотели работать и предпочитали гулять. Потом начался фильм про девушку, которая старалась расстроить роман учительницы колледжа и врача, её козни раскрылись, но выяснилось, что врач совращал раньше других преподавательниц колледжа, и учительница повесилась. Плохой конец.

13 июня

С утра поехали на автобусе в Крайстчерч. Проезжали тоннель 2–3 км. В центре города английский действующий собор. Гуляли по городу, магазины закрыты, народ проще, чем в Веллингтоне, заметно больше маори и других национальностей. Меньше девушек в мини-юбках, больше в брюках. Вечером сфотографировался с битлом и битлихой.

В музее лучше, чем в Веллингтоне, представлен естественнонаучный отдел. Осмотрели парк, который больше похож на ботанический сад. Очень красивый старый университет.

Потом пошли в кино на ковбойский фильм. Перед фильмом сначала показывали гонки, потом мультик про мышь и кота, анонс фильма «Беда с девушками», ковбойский фильм с любовным сюжетом нам до конца досмотреть не удалось, потому что пора было возвращаться в автобус.

Вернулись на судно и тут же отчалили. До свиданья, берег! До первого августа. Когда пишу, уже чуть-чуть покачивает.

СНОВА К РЕВУЩИМ СОРОКОВЫМ⁴⁹

14 июня

В 7:00 всех пригласили на голосование⁵⁰. Надел чёрные брюки и чесучовую рубашу, немного умылся, но так, чтобы до конца не проснуться. В полусне сходил, проголосовал. Вася пьяный, он вчера обмывал получение диплома кандидата биологических наук. Я напомнил ему о долге гражданина, и он побежал его исполнять. С Ваней дело обстояло хуже. Его поднять не удалось. В итоге урну принесли к нему и застали его мочащимся в умывальник.

Начинаются съёмки улова, говорят, это значит, что будут трёхчасовые тралы. Три часа без качки – это хорошо.

15 июня

Наши футболисты проиграли Уругваю со счётом 0:1 в Мексике и вылетели из турнира. Делал политинформацию.

Галя из столовой «болеет». Мы с Васей строим догадки, но держим их в тайне, а вдруг и на самом деле у неё радикулит.

Послал домой телеграмму.

16 июня

Сегодня проснулись в 8:00, и день кажется длинным, зато много чего успели сделать.

17 июня

Я закончил, наконец, все протоколы.

Вася получил телеграмму от Васьковского о том, что его диплом ещё не получен. Он расстроился.

18 июня

7–8 баллов. Переносим неплохо. Баня.

19 июня

Качает. Читаю сборник исландского писателя Халлдоура Лакснесса «Свет мира».

20 июня

Качка. Небо ясное. Обход старпома: «Научный беспорядок. Чья это берлога?».

⁴⁹ Ревущие сороковые (Roaring Forties) – район в южном полушарии между 40–50° южной широты с устойчивыми сильными западными ветрами со скоростью 7–13 м/с и частыми штормами.

⁵⁰ 14 июня 1970 года проходили выборы в Верховный совет СССР.

21 июня

Сегодня уже три месяца нашего добровольного заключения в двух- местной камере. Ради такого праздника нас очень сильно болтало и отвратительно кормили.

22 июня

Качка умеренная. Наконец-то! Днём даже позагорали. Послал тёте Оле телеграмму с поздравлением ко Дню рождения, а Наташе – с новым адресом.

Судно чуть не налетело на огромную корягу. Сильный ветер.

24 июня

Получил телеграмму о том, что пятого июня не стало тёти Оли. Сегодня был бы её день рождения, организовали с Васей поминки, выпили после ужина водки.

25 июня

Относительно хорошая погода. Весь день провёл с бумагами. У Валеры день рожденья, но у меня после вчерашней телеграммы нет настроения, и в рот ничего не лезет. Всё думаю, смогли ли похоронить, как следует?

26 июня

Пишу диссертацию.

27 июня

Покинули было Тасманово море, но из-за шторма пришлось вернуться обратно.

Загорали, лепили пельмени, за что получили по две порции.

Мы между двух циклонов, опасаемся, что завтра к вечеру они могут обрушиться на нас.

Сегодня рыба настолько хорошо ловилась, что опять назначили подвахты.

28 июня

После сильной качки всё резко стихло. Я открыл иллюминатор – голубое небо.

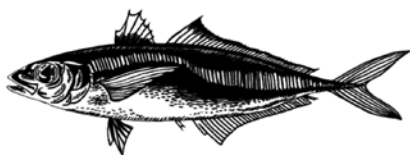
Идём на юг, то и дело бросая трал.

30 июня

Важное событие – половина нашего плавания. Нас настиг циклон, умеренная качка при ясном небе.

Наблюдали стаю дельфинов. Они смешно хрюкали, выпрыгивая из воды.

Читал книгу о великих мореплавателях Николая Чуковского (сына автора «Мойдодыра») «Водители фрегатов» – про капитана Кука, очень кстати.

Новозеландская ставрида

1 июля

Достали за один трал 10 тонн почти чистой ставриды⁵¹. Капитан выдал бригаде премию – бутылку спирта.

2 июля

Качки нет. Уловы бедные. Пишу книгу «Ищу панацею», учу английский, читаю «Водителей фрегатов».

Перетаскивали продукты, чтобы освободить трюм для холодильника под рыбу.

Кормили отлично, Коля подарил сушёную рыбину.

Вася читал лекцию о долголетию. Когда он рассказал, что Джон Рокфеллер перед смертью жил в стерильных условиях и дотянул до 98 лет, Машу заинтересовало, были ли с ним женщины. Она так и не угомонилась и продолжала эту тему за ужином: «Вы хитрые – вам всё понятно, а я простая и мне ничего не понятно, вот я и спрашиваю».

Выпил водки, помянул тётю Олю.

3 июля

С утра дождь, но море спокойное. На палубе чистят сети. Идем на банку Менроо.

4 июля

Банка Менроо встретила нас штормовой погодой. Так нас давно не мотало. Серость, слякоть, брызги, дождь, палубу заливает вода, перехлёстывающаяся через слип⁵². Глубина 500 м. Даже трал не помог от качки. Рыба самая разная.

5 июля

Серость. Качка поменьше. Весь день свистит ветер: 3-3-3-3-3-3-3-3. Это и есть самые настоящие ревущие сороковые. Хочется спать. Вася весь день дрыхнет. У меня не получается.

⁵¹ Ставрида новозеландская (*Trachurus novaezelandiae*) – морская промысловая стайная пелагическая (обитающая в толще или на поверхности воды) рыба. Вертикальный диапазон обитания 200 м.

⁵² Слип – наклонный участок палубы траулера, по которому поднимают улов на борт.

Ловим много рыбы. Съёмки пока не делают. Решили шесть дней посвятить лову.

Ели морских раков по шесть хвостов на нос, а перед этим все на них охотились, соревнуясь друг с другом у сетей.

6 июля

Солнечный день с холодным ветром. Весь день провел на улице. Ловим макрурус⁵³. Потом работали в цеху на упаковке ящиков. Схема такая: по конвейеру движется брикет замороженной рыбы, мы готовим ящик, кладем по три брикета в ящик, прокладывая между ними

Макрурус малоглазый

прокладки, закрываем ящик, стягиваем его верёвками и толкаем его на конвейер. Каждый брикет по 10 кг, то есть в каждом ящике по 30 кг. На каждом ящике сбоку написано «Альба, макрурус».

7 июля

Сегодня наловили столько макруруса, что он не помещался в люки. Часть улова отправили на муку.

8 июля

Сегодня рыбаки поставили рекорд – двадцать одна тонна в одном трале.

Маша открывала душу Васе после занятий по политэкономии, которые он ведёт. Она рассказывала, что хочет, чтобы её кто-то просто любил «на виду у всех и без оглядки». Ох, уж эта Маша! Вчера она при всех обвинила Лешу, что он ночью лез в её каюту. Её злит, что никто не обращает на неё внимания, все боятся её болтливости.

9 июля

Ясно и солнечно, качки почти нет. Мы находимся в центре антициклона. Слишком холодно, чтобы подолгу торчать на воздухе. Мы ушли с банки. Рыбы стало меньше.

До конца плавания осталось 3 месяца (92 дня).

В трюме уже 340 тонн рыбы.

10 июля

Ветрено. Качка несильная. Утром свистело в иллюминаторе. Весь день занимались препаратами.

⁵³ Макрурус малоглазый (*Macrourus berglax*) – промысловая, глубоководная рыба из отряда трескообразных, распространена у азиатского побережья Тихого океана.

Лов идёт на больших глубинах. Много морских звезд.

Учился вязать сеть.

Днём подняли целый трал акул.

Вечерний трал принёс две тонны черных, коротких, пузатых, колючих рыб. Мне вспомнился гоголевский «Вий» с его чудищами. Рыбы барахтаются в куче, и их колючки трещат друг от друга, огромные зелёные глаза.

Случилась первая драка на матросском дне рождения. Дрался Самчин, только что встретил его в коридоре. Он даже кровь не вытер – гордится.

Лёша занятно назвал наших матросов «визированной интеллигенцией, которая сначала выпивает, а потом идёт газетку читать».

11 июля

Спокойное море, и ветра нет. Пасмурно. Синие горы совсем близко, а под ними зелёные поля. На воде много морских голубей, они собрались в большую стаю и курлыкают прямо, как сухопутные собратья.

Мирно и безмятежно. Мне показалось, что в воздухе запахло весной. Впрочем, здесь, действительно, скоро будет весна.

Мы на 45-й параллели.

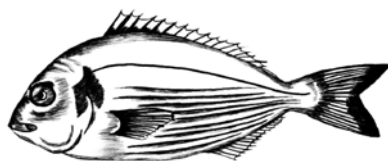
Завтра День рыбака. Вечером силами местных остряков пародировали информационные выпуски на радио для рыбаков и моряков «Меридианы Тихого»: сначала «Последние известия», потом интервью, потом передачи жён и детей с берега. Состоялся концерт «Бродячие актёры»: две девицы пели дуэтом, Лёша играл на гитаре и пел романс «Дорогой длинною», а третий штурман прочитал две басни.

Вечером в переулках судовых коридоров появились пьяненькие фигуры, распolzавшихся по каютам, чтобы «читать газетки». Мы называем местные коридоры улицами и переулками: Матросская улица, Научный тупик. Наша с Васей каюта зовётся «Академгородок».

12 июля

День рыбака. С утра приходил Николай Иванович, и мы долго его расспрашивали о задачах «Альбы». История изучения рыбных запасов Новой Зеландии началось с экспедиции «Академика Берга», которая в 1966 году обследовала прибрежную зону в три километра. В 1967 году Новая Зеландия ввела 12-мильную зону и, таким образом, результаты первой экспедиции оказались бесполезными. Японцы по договору для Новой Зеландии ловят в прибрежной зоне снэка и карася, а мы исследуем запасы за 12-мильной зоной. Сначала

«Лира» нашла в Тасмановом море ставриду и макрурус. В прошлом году «Альба» открыла банку Менроо (макрурус и сериолелла⁵⁴). Теперь «Альба» пришла, чтобы сделать съёмку в Тасмановом заливе, и на банке Менроо, по пути мы открыли путассу.

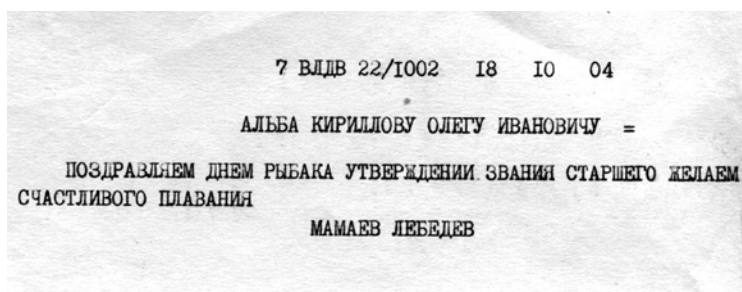

Сериолелла

Днём был доклад ко Дню рыбака о развитии промысла. Оказалось, что наш Николай Иванович открыл для промысла угольную рыбу и первым внедрил глубоководный (больше 300 м) лов.

Потом радиостанция «Кругом вода» передавала праздничный концерт.

Юрий Леонидович и Боря прислали радиограмму, в которой поздравляли меня с Днём рыбака и сообщили, что я получил диплом старшего научного сотрудника. Желали счастливого плавания.

13 июля

Сегодня ребята видели китов. Мы с Васей всё прохлопали ушами. В трал попало лишь несколько рыбёшек.

14 июля

Болтанка. Днём проглядывало солнце. 40 дней тёте Оле. Выпил водочки.

15 июля

Сегодня выходил на мостик посмотреть, как нас качает. Начался дождь, я побежал в рубку. На углу был такой ветер, что пришлось держаться за стенку, чтобы не выбросило за борт. В рубке было тепло,

⁵⁴ Сериолелла австралийская (*Seriola brama*) – типичный представитель морских рыб холодных и умеренно тёплых вод Южного полушария Тихого океана, ценная промысловая рыба.

я там сильно наследил, так что пришлось вытирать за мной пол шваброй. Я стоял у переднего окна, его постоянно заливали струи воды, было похоже на лобовое стекло такси во владивостокский ливень. Впереди всё серое: серая туча, серый дождь, серые волны – бух-бух, вверх-вниз, влево-вправо. А птицы летают, как ни в чём не бывало.

С 15:00 до 18:00 тралили – жизнь была спасена, я читал. Потом опять качало. Мутит, но это не идёт ни в какое сравнение с тем, как меня укачивало раньше.

Хочу домой.

16 июля

До четырёх дня двигались по направлению к берегу. По телевизору смотрели концерт британского эстрадного певца Тома Джонса (Tom Jones) – публика кричала и подпевала. Когда он кланялся, тётки тянули к нему руки, он бросил им на растерзание свою бабочку, одна из женщин дала ему платок вытереть пот со лба.

17 июля

Баллов нет, только зыбь, но я почему-то укачиваюсь, вот-вот заболит голова.

18 июля

Спокойный ясный день. Зыбь. Говорят, что здесь в любую погоду зыбь, приходящая из Антарктиды, где всегда шторма. Закончились шариковые ручки, перехожу к обычным, автоматическим.

19 июля

Ясно. Зыбь. Головная боль. Мылись, стирались.

20 июля

Шторм, даже не тралим, лежим в дрейфе, болтает, стараемся держаться по отношению к волнам так, чтобы не перевернуло.

Поднимались на мостик, добрались до перил и вцепились в них, нас то поднимало, то мы летели вниз. Волны перехлёстывали через бак, а несколько раз летели и через мостик, мы промокли до нитки.

Выходить на палубу запретили.

Когда палубу сильно заливало, мы смотрели через иллюминаторы, как вода стекала с бортов мощным потоком. Я открыл иллюминатор и высунул голову – горы волн и между ними длинные, километра по два овраги. Ветер сдувает гребни с этих гигантов.

Мы держались до полудня, а потом нас стало укачивать, до ужина мы просто не дошли. Сами сварили полкастрюли креветок, плитку поставили на пол и поочерёдно, не вставая с коек, придерживали кастрюлю, зато, когда наелись, обоим полегчало.

Сейчас, прежде чем уснуть, выглянул в иллюминатор – ясная лунная ночь, широченная лунная дорога, а вокруг всё бурлит.

21 июля

В 4:00–4:30 вышло солнце при ясном небе. Никогда не думал, что так бывает. Вчерашний шторм заметно стих, но противно качает. Лежу целый день, ничего не хочу делать. Солнце. Холодище. Жду телеграммы.

22 июля

Проснулись от ужасной качки. Небо ясное. Не пошёл ни на завтрак, ни на обед. В обед курочку принёс Вася. С полдника стало тише. Галя проявила инициативу и сварила картошку в мундире, ели мы её с солёными бляшками сериолеллы.

Где моя телеграмма?

23 июля

С утра тихо, часам к двум поднялся ветер, начался шторм.

Я наблюдал, как ветер сдувает птиц. Они жались к судну, пытались спрятаться от ветра, но их тут же захлёстывала волна. Не понимая, что происходит, пернатые нервничали, дрались между собой. На наше счастье в три часа объявили трал. Счастье длилось до семи вечера и ещё раз после ужина.

Читал команде лекцию про женьшень. Задавали много вопросов и после лекции расходились все возбуждённые.

24 июля

С утра качало, к вечеру было получше. Может, уже, наконец, штормовые погоды закончатся?

Вернулся к диссертации. Опять нет телеграммы.

А сегодня тётя Оля собирала бы всех на именины.

25 июля

В трале только губка и звёзды. Занимались фотографиями.

26 июля

С утра писал протоколы. С обеда занимался фотографией до самого ужина. На воздух поднимался только два раза.

Опять нет телеграммы.

27 июля

Спокойное море. Пасмурный день.

Видели буревестника-альбиноса.

Весь день сидел за диссертацией.

Отправил домой ещё одну телеграмму.

28 июля

Шторм. Делал снимки с крыши рубки. Отморозил руки. Вася страховал меня, чтобы я не свалился, но всё было зря, оказалось, что фотоаппарат заело.

Сегодня рассказывали про Марию Михайловну. Она окончила местный техникум и пединститут, и вот уже 20 лет, как плавает камерной. Винит бабу, что та плохо воспитывала свою дочь. Когда Маша вышла из столовой, её прорвало: «Вот теперь она кого-то корит, её дочь выгнала из дома. Дочери двадцать два года, а она матери почти не видела. Я вот хоть своей дочери квартиру куплю на приданое».

Штормит, качает. Из дома опять нет телеграммы.

29 июля

Почему-то весь день хочется спать и какая-то мура в столовой. Хожу голодный.

30 июля

Банный день, у меня после этого всегда болит голова, наверное, поддувает из двери. В тралах – макрурус.

Из дома ничего.

Кормить стали хуже. Одни яйца. На полдник выдали кальмара в банках (?!).

2/3 нашего путешествия. Получил телеграмму.

Часа полтора сидел на мостике и беседовал с Николаем Ивановичем, нашим начальником, про всякую муру.

Вечером захотелось жрать. Съел кусок хлеба с икрой.

1 августа

Утром поймали полутораметровую сельдевую акулу. Весь день бил баклуши, читал Арсеньева. Ничего серьезнее делать не могу из-за качки.

У Алёши день рожденья – 21 год. Я выпил несколько глотков шампанского и попробовал коктейль – спирт плюс кофе.

2 августа

Сильная качка. Мы с Васей перезарядили фотоаппарат и снова полезли фотографировать штормовые волны. Но судно шло бортом к волнам, и нос «Альбы» перекидывало поперёк волн. Часа в три вошли в какой-то залив. Здесь тишина. Я после качки никак не мог прийти в себя.

На вечернем собрании обсуждали планы. Они хотят, как можно дальше зайти за сороковые, чтобы получить двойной коэффициент. А план уже выполнен, и можно было бы уже идти домой.

3 августа

Стоим, красимся. К обеду разыгрался шторм, и матросы, которые работают на плотях, чуть не утонули. Отошли в более спокойное место.

Собрание относительно захода в иностранный порт.

МАК КВИН

4 августа

Заходим в Веллингтон. Весь день расписан по минутам. Дневник заполню завтра.

5 августа

Некогда писать дневник. Были в лесу, потом в гостях.

6 августа

Около часа назад вышли из Веллингтона и шуруем в Крайстчерч. Прощай, Веллингтон! Или до свиданья? На этот вопрос трудно ответить.

Теперь могу рассказать всё по порядку.

Пришли в Веллингтон в 11 утра 4-го августа. План был такой: 4 августа – поиски эколога Мак Квина, который обещал нам показать растения Новой Зеландии, в том числе аралиевые; 5 августа – поездка с Мак Квином за город для сбора местных аралиевых; 6 августа – поход к доктору Блейку Робе за сведениями о медицине маори. Затруднения: где взять переводчика? Надежда на Илону.

И, о чудо! Когда мы подошли к берегу, там уже около машины, которую мы называли «броневик», стояли наш друг Мак Квин, его сотрудник и переводчик Павел Яковлевич, когда-то учившийся в Москве.

Гости поднялись на судно. Мы им показали каюты, лаборатории и рубку. Как раз был обед. Галя побежала накрывать для важных гостей в столовой команды. Но они прошли прямёхенько в кают-компанию, уселись за общий стол и начали рубать за обе щеки весьма плохенький обед.

После обеда мы поехали в библиотеку Национального музея узнать, какая у них есть информация о маори. Когда туда пришли, то не застали никого из сотрудников. Мы ходили по музею, пока не забрели в зал, где стоят дома и каноэ маори.

В Доме для собраний сотрудники музея и студенты (будущие учителя младших классов) занимались с детьми. Сотрудники изображали

хозяев, а дети гостей. По очереди они пели красивые песни и танцевали. Руководитель этого представления, вероятно, по нашим лицам и одежде распознала в нас русских и попросила что-нибудь спеть. Мы боролись со смущением, а переводчик Павел, проучившийся год в Университете Дружбы народов в Москве и понимавший наши сомнения, подбадривал нас, как мог: «Это же будет факт интернационализма. Давайте, давайте! Дружба народов! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! И т. д.».

В результате, мы исполнили «Пусть всегда будет солнце». В библиотеке нам нашли много источников о медицине маори. Я попросил подарить мне одну из книг, и они любезно презентовали мне ту, которая у них оказалась в двух экземплярах. Я стоял посредине комнаты, листал книги, вокруг человек пять переговаривались по-английски, а в углу томились от ожидания и потом принялись слоняться по коридорам другие члены нашей группы.

Закончив встречу в библиотеке, мы отправились в ботанический сад. Доктор рассказывал нам про растения, а мы с умным видом кивали головами. Переводчик сказал: «Это растение пахнет говном. В ваших книгах пишут г..., и если у нас выпустят книгу на русском, то так и напишут «говно». Нам показали несколько аралиевых, но женшенья среди них не оказалось.

Потом все вернулись на корабль. И мы показали гостям фильм «Бриллиантовая рука». В общем, они всё поняли, да и Павел давал пояснения по ходу действия. Случалось и так, что мы все смеялись, а они нет, и наоборот – они заливаются, а нам не смешно.

Когда гости разошлись, пришла Илона, выглядит плохо, похоже, чем-то расстроена. Я, Вася и Галя проболтали с ней часов до восьми. Она нас спрашивала, как сказать: «Мой специальный друг?». Когда ушла и Илона, мы поднялись в кают-компанию, где сидела подвыпившая Энн, маори с гитарой, какой-то тип с белыми волосами до плеч в расстёгнутой рубаше и бесцветная девица, скромно хлопавшая глазами.

Маори пел мелодичные песни тихо и очень приятно. Лёша записывал. Энн стала танцевать танец маори, и Лёша тоже присоединился к ней.

А потом пришёл Филипп и с криками всех выпроводил вон.

5 августа

С утра, едва успели собраться, приехала машина, и мы покатили в лес. Шёл дождь. Ехали долго и далеко. Лес здесь очень похож на наш в Приморье. Но у них есть ещё и древовидные папоротники, целая папоротниковая роща. Маленький, похожий на наш

папоротник, вырастает и становится деревом. Ещё мы видели интересное дерево-паразит, «ходячее дерево» – рату⁵⁵. Оно начинает расти на каком-нибудь суке дерева риму⁵⁶, а корни её лианы тянутся к земле и там закрепляются. Потом дерево-хозяин умирает, а рата остаётся стоять уже на собственных воздушных корнях.

Потом мы нашли в лесу камень, на котором было написано “Great things are done when men and mountains meet. William Blake” («Великие дела свершаются, когда встречаются люди и горы»). Уильям Блейк).

Всё здесь напоминает Приморье: такие же сопки, покрытые лесом, только вместо развесистых растений аралиевых, самые развесистые папоротники; такие же речки, только под ногами не тухлые листья, а мох. Много мха на деревьях. Шёл дождь. Когда подошло время обедать, я предложил спрятаться от дождя под мостик.

Всем это очень понравилось, переводчик сказал, что местные сами никогда бы не додумались. Мы объяснили ему, что это русская смекалка.

Галя разложила на земле мой плащ и начала раскладывать еду, я поставил водку в речку охладиться. Пока мы занимались всеми этими приготовлениями, выяснилось, что наши новозеландские коллеги уже давно едят каждый из своего мешочка, отвернувшись друг от друга. Галя растерялась. Нам пришлось потратить много времени, чтобы собрать их всех вместе. В конце концов, я заявил: «Давайте сделаем так: вы будете есть нашу пищу, а мы – вашу». А потом Вася разлил водку и дело пошло.

Обратно мы снова ехали между сопки, и казалось, что мы в Приморье, а вон там за поворотом – дом.

Вернувшись на судно, мы ещё попили чайку, а потом профессор с сотрудниками удалились, а молодёжь осталась с нами. Они спросили, почему нас вечером не отпускают в город. Мы ответили, что для этого нужно, чтобы они нас пригласили в гости. Сказано – сделано. Мы пошли в гости к Павлу. Он снимает квартиру – две комнаты на троих. Платят на всех вместе двадцать четыре доллара в неделю, не считая электричества, телефона, воды и прочего. Мебели нет, на стене плакат – портрет двух консервативных членов правительства в унитазе, очевидно, хозяева либералы.

⁵⁵ Рата (*Metrosideros umbellata*) – растение-эндемик Новой Зеландии, имеет эпифитную природу. Гибрид риму-рата выглядит как одно массивное дерево, которое на самом деле является ратой.

⁵⁶ Риму (*Dacrydium cupressinum*, маорийское название *rimu*) – долгоживущее хвойное дерево, эндемик островов Новой Зеландии.

Пили много пива. Мы показали им, как пить пиво с солью, но попробовать это решился только один, говорит, что «вэри гуд».

Разговор шёл про театр, про Чехова и Шекспира, ввали кто, что мог. Там была одна девушка в брюках, все заметили, что она весь вечер не сводила с меня глаз. А ещё оказалось, что один из парней – сын знаменитого стригаля овец, которого Никита Хрущёв награждал медалью.

6 августа

С утра за нами опять заехали, и мы отправились к доктору-маори. Павел сказал, что мой новый знакомец по телефону разговаривал с шутками-прибаутками.

Сначала мы приехали в какое-то министерство. Мак Квин вдруг спохватился и убежал платить за стоянку, он всё время забывает это делать. Мы обменялись статьями с профессором Блейком Робе, правда, обмен состоялся через его секретаря, т. к. сам профессор уехал на собрание.

Мы с Мак Квином поехали на море собирать растения. Потом он повёз меня в магазин, где на витрине лежали ракушки, и я подумал, что он собирается угостить нас ими (нам обещали национальную кухню). Он купил рыбы, картошки и рислинга и мы отправились на морскую станцию. Там был обед и все, как всегда, на природе ели каждый из своего пакетика. Только один парень угостил меня яблоком. Я разделил яблоко на части и угостил всех русских, Мак Квина и переводчика.

Потом мы вернулись в город и стали рвать ветки с деревьев прямо в парке и на улице. Я спросил Мак Квина, не влетит ли нам за это от полиции. Он ответил, что на его «броневике» написано «ботаника», и поэтому никто нас не тронет. Вернувшись на судно, мы пили чай и беседовали. Потом скомандовали отход. Все махали нам с берега. Вдруг раздался крик – это Мак Квин с сотрудниками плясали хаку⁵⁷. Я прозевал с фотоаппаратом и попросил их повторить. Они повторили.

Вперёд!

СНОВА ЛИТТЕЛТОН

7 августа

В 11 утра пришли в Литтелтон, пообедали и поехали в Крайстчерч. Сегодня здесь много народу. Мы шлялись по магазинам, и я купил шерсть для вязания. Попробовали брендовое новозеландское

⁵⁷ Хака – ритуальный танец новозеландских маори, во время которого топают ногами. Бьют себя по бёдрам и груди и выкрикивают аккомпанемент.

мороженое «Tip-top», купили кока-колы. Зашли в комиссионку, здесь полно старых вещей, на некоторые просто страшно смотреть.

Вечером по телевизору смотрели гонки автомобилей и очередное сентиментальное кино.

8 августа

С утра на берег не отпустили, потому что мы должны были перейти на другой пирс. Во время перестановки толкнули «англичанина», у него теперь дырка, а у нас мятый столб⁵⁸. Кэп поехал с извинениями. Кончилось тем, что мы пригласили к себе их капитана и старпома. Напоили их старпома, в итоге, выводили его под руки и усадили в машину, где он сразу же и уснул.

В городе сегодня всё закрыто, а я не успел вчера купить белую шерсть и календари. Пошарахались по опустевшему Литтелтону, потом поднялись на сопку, выбрали с земли по паре шишек, купили мыло «Люкс» и вернулись обратно. В полпятого отошли.

Гуд бай, Новая Зеландия!

БОЛТАНКА РАДИ ДЕНЕГ

9 августа

Нам осталось ровно два месяца. Снова море. Хорошая погода, идём лагом⁵⁹, бросаем трал. Качает, 3–4 балла. Сегодня подняли сначала десять, а потом двадцать тонн рыбы, но заморозили всего две тонны, остальное пустили на муку, т. к. она очень мелкая. Рыбаки никуда не торопятся, потому что чем больше мы здесь пробудем, тем больше они получают денег. А мы хотим домой.

Весь день я делал гербарий.

10 августа

Спокойный солнечный день. Тралим. Занимаюсь бумажками. Всё время хочу спать, наверное, отосплюсь после Новой Зеландии.

11 августа

Тралим много, рыбы мало. Весь день сплю. Сегодня нам посолили рыбы, по этому поводу вечером пришлось устроить банкет.

Прошел слух, что домой вернёмся 14-го октября. Мы уже все планы выполнили и просто болтаемся за 40-й параллелью, чтобы команда получила двойной коэффициент, поэтому на берег, очевидно, радируют, что у них ещё мало рыбы.

⁵⁸ Столб (пиллерс) – вертикальная колонна, поддерживающая палубу.

⁵⁹ «Идти лагом» означает движение или расположение судна боком (бортом) к чему-то (волне, ветру и т. д.).

12 августа

С утра было хорошо, а днём раскачалось. Снова стало холодно. Наш «настоящий друг», который насолил нам рыбы, утром снова явился за выпивкой.

Пришлось поработать четыре часа в цеху, сначала помогали загружать макрурус в морозилку, а потом паковали ящики. Перед заморозкой у макруруса круглой пилой отпиливают голову, затем вручную вскрывают живот и удаляют кишки. Женя делает это очень быстро – в два движения. Он как раз стоял передо мной, и у меня корзина всегда наполнялась раньше, чем у Васи.

13 августа

Прячемся от шторма под берегом и чиним машину недалеко от Литтелтона. Продолжаются слухи о разных сроках возвращения домой. Мы решили ничему не верить. Обещали, что ремонт продлится три дня, а к вечеру мы уже куда-то поплёрлись, даже телевизор не посмотрели.

14 августа

Сегодня с первого же раза порвали трал. По-моему, рыбаки даже обрадовались, чинят не спеша – тянут время.

Хочется домой. А ведь нам ещё дней десять предстоит идти на юг через туман и морось.

15 августа

Ровная вода, небольшая рябь. Солнце. Загорали. Чиним машину. Готовим какой-то сверхъестественный шестидесятиметровый трал (сейчас у нас 35 м). Чтобы тащить такую махину, понадобятся две машины, а они не готовы. А на юге, куда нам идти за путассу, шторм. Болтаемся за сороковой параллелью – зарабатываем деньги. Весь день орало радио, мешало заниматься.

16 августа

Серо. Спокойно. Вчера долго не мог уснуть, потому голова тяжёлая. Весь день занимаюсь.

17 августа

Серый день. Качки нет. Занимался. Чистил ракушки.

18 августа

Солнечно. Штиль. Временами зыбь. Испытывали шестидесятиметровый трал. Поймали восьмиметровую китовую акулу. Жалко, что вечер, темно и снова не получится сфотографировать. Это уже третья акула, и её снова поймал Саня, Саня-акулист.

Михаил Иванович не ест яблоки, а копит их домой. Сегодня собралась хозяйственная комиссия, на которой он выступил и сказал, что яблоки нужно не есть, а раздать дома. С этим, естественно, никто не согласился, но решили, что пусть кто как хочет, тот так и делает. Поэтому мы с Васей забрали свой ящик и лопаем кислые и зелёные яблоки.

19 августа

Банный день. Утром объявили, что надо поймать восемь тонн рыбы путассу и сто сериолелл, их поймали и заморозили. Идём на юг. Слава сказал, что там как раз сейчас два циклона и ещё три на подходе. Начальство долго сомневалось, и, наконец, решилось, будь, что будет!

20 августа

Идём навстречу шторму. Уже серо, пасмурно и волны, но не качает, потому что идём по ходу волн. Спешу дописать главу книги до начала качки.

21 августа

Трещит голова. Качка. Мы шуруем без остановки на юг. Пришла телеграмма, начальство интересуется, не останемся ли мы подольше в Южно-Австралийском заливе. Час от часу не легче! Что ответят наши? В Южно-Австралийском заливе очень интересные зверушки и там тепло.

Пять месяцев плавания позади. Хочу домой!

22 августа

Качка. Серость. Рыбы нет. Вася сказал: «Путассу не ловится, не растёт кокос». Допёрли до Кэмпбелла.

23 августа

Качка. Солнце. Холодно. Голова сегодня не болит. Весь день читал.

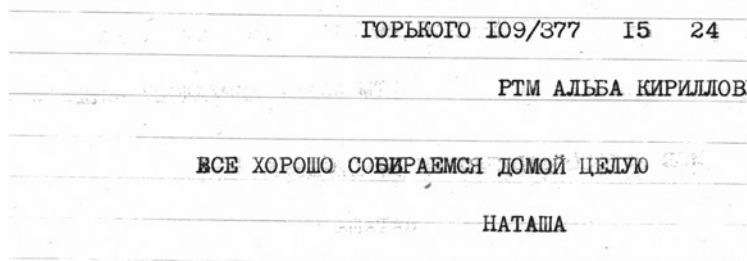
Было собрание о гигиене и санитарии. Наш старпом прямо скрытый оратор, говорит очень образно.

24 августа

Качка. Ходили на политинформацию. Пока бросали трал, мы с Васей чуть-чуть позанимались. Остальное время или лежу, или сочиняю стихи. Вечером стало известно, что надвигается шторм. Капитан боится, что он сорвёт нам лодки.

25 августа

Наконец-то получил от Наташи с Ванюшей телеграмму.

Шторм баллов девять, а по ощущениям так и все двенадцать. С утра бросаем трал – пусто! Нет путассу, ушла метать икру. Волны всё время заливают палубу, вода, журча, стекает по иллюминаторам.

Грызу сухари. Кормят жирно, а желудок мечтает о картошке в мундире. Весь день лежу, ничего не делаю. Читаю минут по десять и сразу устаю.

26 августа

Сегодня не болтает, потому что мы спрятались за о. Окленд. Ловим кальмаров. Сегодня должны были бросить три трала и начать движение на север, но третий трал утопили и решили остаться до завтра.

27 августа

Опять болтанка. Мы ходим вокруг о. Окленд, достаём пустые тралы.

28 августа

Качка. Идём к острову Стюарта. Трал пустой.

29 августа

Отличный день. Идём проливом Фово. Ни одной волны, ни одного облачка. Вылезли поваляться на солнышке. Берег настолько близко, что видно отдельные деревья и дома. Видели ныряющих морских котиков, правда, далековато.

К вечеру миновали пролив и вышли в Тасманово море. Здесь умеренно качает, в девять вечера пошли на день рождения к нашему начальнику Николаю Ивановичу Закрыжевскому. Я сочинил по этому поводу стих:

За сим столом собрал актив
Наш главный рыбный детектив.
На День рожденья детективу
ТИНРО прислало директиву:
Не пей спиртного ничего,
Чтоб не упасть в залив Фово.

Рассказывали забавные истории. Так, Гера в прошлый раз пытался объяснить таксисту, куда его везти, таксист сказал «I know» (знаю) и отвёз его на японское судно.

30 августа

Шуруем по Тасманову морю с южной оконечности Новой Зеландии в Большой Австралийский залив. Вчерашняя лафа кончилась, нынче качает не то, чтобы сильно, но заниматься не получается. Лежим. Временами читаем. Временами охаем и тоскуем.

31 августа

Последний день лета был неплох. Не качало. На палубе ветер, спрятались за угол, сидели, грелись и рассказывали истории. Пересекаем Тасманово море. Оформляем протоколы. Можно было-бы и позаниматься, но орало радио. Предыдущие два дня многие много пили и сегодня страдают похмельем, в столовой никто не ест.

МЕЛЬБУРН

1 сентября

Беспокойный день. На судне появился больной с аппендицитом. Идём в Мельбурн, где надеемся сдать пациента в больницу, но до Мельбурна ещё тридцать часов ходу, а у бедолаги никаких улучшений.

2 сентября

Идём Бассовым проливом. Это уже Австралия. Больной днём чувствовал себя ничего, а к вечеру состояние его ухудшилось.

3 сентября

Сегодня в 7:30 утра подошли к Мельбурну. Ветер даже в заливе и волны. Прибыл лоцман и до 11:00 подходили к городу.

Вот и доктор. Мы его ждали в лазарете. Я заготовил речь о состоянии больного Коли Вербицкого на английском, но врач говорил по-русски. Он посмотрел Колю и сказал, что заберёт его. Пациента положили на носилки и спустили на катер, прыгающий на волнах. Всё это снимали для телевидения. Коля был хохмач и, когда его спускали на катер, он изобразил для камер кислую физиономию. Переводчиком на телевизионном катере была хорошенькая девушка в коротком платье. Она уточнила:

— Как зовут больного? Какой у него диагноз? А вы будете сходять на берег? А что вы хотели бы посмотреть на берегу? Кенгуру?

А к девочкам хотите? Нет? А почему? У вас жена есть? Если вы ей измените, она встретит вас чем? Кочерёгой?

Никто не знал, как перевести слово «кочерга» и все засмеялись.

Кто-то из наших ребят сказал:

— У вас здесь у всех юбки слишком короткие. Ха-ха-ха...

Следующим катером в Австралию прошвырнуться по Мельбурну отправились кэп, помполит, Шпак и я. Катер прыгал по волнам, и нас со всех сторон заливало водой. Мы столпились в кучку вокруг рулевого. Впереди ничего видно не было из-за потоков воды на лобовом стекле. Нас сопровождал представитель порта, он позвонил по телефону и заказал нам такси.

Пока ждали такси, наблюдали, как двое рабочих в синих комбинезонах, пёстрых рубашках и красных вязаных шапках с помпонами, положили доску на скамейку и стамеской вырубали в ней отверстия. Они подошли к нам: «Бельджим? Ноу? Френч? Ноу? Рашен? А что же вы, мать-перемать, сразу не сказали?». Этот парень эмигрировал сюда после лагеря, когда Иоська⁶⁰ всех пленных в Сибирь отправил...

Но тут подошло такси.

Сначала поехали в контору порта, где кэп оформлял документы. Потом уже в другом такси поехали в госпиталь. Там нас проводили к Коле. Он лежал в отдельной палате: телефон, сигнал вызова медсестры, утка. К руке была привязана бирка, на ней фамилия, имя больного и фамилия хирурга, диагноз и время запланированной операции. Его будут оперировать завтра в десять часов утра.

Коля жаловался, что хочет помочиться, но в утку не может, встал бы и пошёл, но куда идти не знает и спросить не умеет. Я научил его двум фразам: «я хочу есть» и «я хочу в туалет». Пожелали ему выздоровления и ушли.

Медсёстры в коротеньких халатиках, вровень с мини-юбками, и в высоких чепчиках.

Потом поехали в город. Мельбурн мне не понравился. После игрушечного Веллингтона и прилизанного Крайстчерча, здесь грязновато, тесновато и некрасиво. Нет волшебной улицы с разноцветными магазинами. В Новой Зеландии по улицам ходишь, как внутри помещения или как по ухоженному саду, а здесь на улицах везде движение. Много трамваев с зелёными открытыми дверьми, вместо привычной дуги-палки, как у троллейбуса, в ряд две палки одна за другой, передняя палка пониже задней.

⁶⁰ Имеется в виду Иосиф Виссарионович Сталин.

Иван Иванович потащил нас на базар, но он оказался на ремонте. Пробежали полтора часа и не увидели ни одного приличного магазина. На четверых у нас было десять долларов.

Мы хотели обменять новозеландские доллары на австралийские, но в банке отказали. Новозеландские деньги никому не нужны. Австралийские же доллары во всём мире меняют свободно, наряду с американскими.

И да, девушки здесь тоже носят мини, но длинноногим англичанкам в Веллингтоне это идёт гораздо больше, а здесь много коротышек с толстыми ногами. А ещё у многих девушек порваны чулки и это никого не смущает.

Потом мы вернулись в контору, где нам дали уже третье такси и объяснили водителю, куда нас везти. Тем не менее он привёз нас к югославскому пароходу. Кое-как смогли ему объяснить, что нам нужно совсем на другой причал. Приехали. Нас уже ждал катер.

Часа через два снялись с якоря и покинули Мельбурн. Из-за ветра у меня заболела голова.

По телевизору дважды показывали нашего больного Николая: один раз – он в носилках, другой – в палате. В газете тоже Колино фото – его на носилках спускают с трапа, а у него страдальческая физиономия, и он закатил глаза. В статье рассказывается о причине нашего захода в Мельбурн, а ещё написано, что «русские моряки не хотят к австралийским девочкам, потому что у них юбки слишком коротки».

БОЛЬШОЙ АВСТРАЛИЙСКИЙ ЗАЛИВ. САРДИНА

4 сентября

Вернулись в залив Басса. Тепла нет, хотя и солнечно. Наловили много губок. Рыбы нет. По телевизору смотрел сначала концерт, потом ковбойский фильм. Красим судно. Столовая на ремонте.

5 сентября

Качка. Солнечно. Фотографировал волны. С утра болит голова. Весь день лежим, ничего делать не получается. Но есть и плюсы: на ужин были пельмени, многие из нас не могли есть, поэтому я съел полторы порции.

6 сентября

Качка. На воздух не ходил, холодно.

Идём Большим Австралийским заливом к месту назначения. Получили радиограмму, что Коле сделали операцию.

7 сентября

Качки нет, переменная облачность, но заметно теплее. Завтра утром уже будем на месте назначения.

8 сентября

Австралийская сардина

Мы на месте назначения. Наша задача поймать здесь 300 кг сардин⁶¹ для лаборатории технологии. Первым же тралом достали 500 кг. Ура! А вторым – ещё 10 тонн, и ещё два раза по тонне. Солили сардину.

С обеда у меня очень сильно разболелась голова. Я даже в баню не пошёл. Качает всё больше и больше. Хочется жрать, а приходишь в столовую – и ничего в рот не лезет. С каждым днём заметнее теплеет.

9 сентября

Погоды нет. Ловим сардину и выбрасываем. Порвали трал. Вечером повернули в Аделаиду за больным. Теоретически сегодня остаётся месяц до дома.

10 сентября

Получил телеграмму. Наташа с Ванюшей вернулись во Владивосток. А у нас весь день качка. К вечеру подошли к Аделаиде. Качка стихла.

11 сентября

С утра должны были отправиться в Аделаиду, но никто никуда не поехал. Простояли до часу, а в час привезли Колю. Он рассказал, как эмигранты с Западной Украины агитировали его остаться. Агент порта спросил у кэпа: «Почему у вас никто не работает на судне? Разве сегодня революционный праздник?».

⁶¹ Сардина австралийская (*Sardinops sagax*) – небольшая морская стайная рыба из семейства сельдевых, предмет вылова коммерческого рыболовства.

12 сентября

Погода приятно пасмурная. Крупная зыбь. Днём поспал и немного укачался, но смог позаниматься. В пять вечера вернулись к месту назначения. Поймали немного сардин. Пробовали солёную.

13 сентября

Получили телеграмму о продлении рейса до четвёртого ноября. Мы с Васей в шоке. Правда, наши как будто хотят всё равно вернуться 20–21 октября под предлогом, что у нас кончается горючее и продукты.

14 сентября

Качка почти не даёт ничем заниматься. Хочу читать, целый день лежу. Погулял часа два. Укачивает.

15 сентября

С утра сидел над книжкой. Ловим сардину посреди Большого Австралийского залива у самого берега, он здесь пологий.

Отправил телеграмму уже во Владивосток.

16 сентября

Печатаю книжку. Хороший спокойный день. После обеда немного позагорал, прохладно, но уже сносно. Заболела голова, зато кожа на животе слегка покраснела.

17 сентября

Временами видны плоские берега Австралии. Минут двадцать позагорал. Прохладно. Печатал книгу.

Домой, домой, домой!

18 сентября

Качка средней силы, но заниматься уже не даёт. Играем в домино. Нашёл ещё одного глиста для Юрия Леонидовича и Бори. Вообще-то этих зверушек у меня собралось маловато.

19 сентября

Шторм донимал нас до четырёх часов. Лежали. В четыре развернулись и пошли по ходу волн. Качать почти перестало. Пришла радиogramма с новым распоряжением о ловле сардины. Похоже, всё делается специально, чтобы задержать нас до четвёртого ноября. Наше начальство против сардины. Обещают, что завтра пойдут в Сингапур, но намекают, что после Сингапура останемся до ноября. Скоро мы с Васей станем психами.

20 сентября

Бросили напоследок два трала, прогудели два раза и пошли домой. Ура!

НА СЕВЕР

21 сентября

Сегодня полгода как мы в плавании. Спокойно. Дождь.

В Чили и Мексике к власти пришли коммунисты.

Сегодня уложили папки и унесли в наш склад. Пьяный Боря: «Галактики расходятся, но всё-таки какая-то звезда мне светит. Меня отец учил честности и справедливости. Для меня всего дороже честность и справедливость, хотя сам я в своих поступках от этого далёк». Убежал куда-то без тапочек.

22 сентября

Обошли Австралию с южной стороны и пошли по её западной стороне на север. Теперь будем считать градусы. Ветер, солнце, качки нет, отличный день! Часы перевели на час назад. Мы ближе к Москве, чем к Владивостоку. Справа весь день была Австралия, а потом нас обогнал большой пароход с двумя трубами.

23 сентября

Ещё в зимней шапке,
с бородой и усами

Утром бросили якорь у какого-то острова и начали покраску. Мы с Васей укладывали свои вещи в трюме, заколачивали ящики. После обеда по-настоящему загорали. Я снял мохнатую шапку, надел берет, и немного надуло голову.

Потом Вася фотографировал мою бороду. Я до вечера проявлял плёнки.

24 сентября

Красимся. Холодный дождь. Мы с Васей занялись фотографией, взяли плёнку с праздника Нептуна.

Часа в два дня увидели пограничный катер. Кэп решил, что нас отнесло в нейтральные воды, и мы сбежали, потому что, если они

заметят какое это судно, нам влетит. Вечером пришёл Толя. Болтали про женщин в Сингапуре.

25 сентября

Тепло. С утра, малость, качало, потом успокоилось. Несмотря на ветер, все загорали на палубе.

26 сентября

Красимся, загораем. 25-й градус южной широты. Наконец-то тепло так, что не хочется идти в каюту. Стриг бороду.

27 сентября

Жарко. 23-й градус южной широты. Тропики. Пересекаем Индийский океан. Из-за волнения не можем остановиться и докраситься. Загорали весь день. Включили кондиционеры. После вечернего фильма играли в волейбол.

28 сентября

Тропики. Загораем до обеда. После обеда спал и читал. В четыре часа снова вышел на палубу поиграть на солнышке в домино. Потом было отчётно-перевыборное собрание. Все опять говорили о работе хозяйственной комиссии и о питании. Покричали, покричали – и стали голосовать в мой берет, потому что я один был в «шапке». Работу судового комитета и хозяйственной комиссии признали неудовлетворительной.

29 сентября

Баннный и санитарный день. Уборка в каютах. Подготовка к заходу в порт. 16-й градус. Тропики. Летающие рыбки. Душно. Кондишки сломались. Однако я умудрился простудить голову.

30 сентября

Сегодня у мамы был бы день рождения. Но нет ни мамы, ни тёти Оли. Царствие им небесное.

10-й градус южной широты. Духота. Кондиционеры починили.

Сегодня сообщили, что мы идём без остановки домой. Только бы не передумали! Пьём с Васей тропическое Каберне.

1 октября

Утром вошли в Зондский пролив между островами Суматра и Ява. Сопки, поросшие сплошным буйным лесом. Душно. Тёплый влажный ветер. Впервые решился загорать весь день. После пролива начались острова. Обычно каждый из них состоит из трёх-шести сопков. Иногда у самой воды небольшое селение. В одном месте, видимо, заправочная

станция – три больших бака для горючего, склад, несколько построек, два судна на рейде. Утром видели вулкан Кракатау⁶², над которым висели облака. На минуту вершина открылась. Дыма из неё никто не разглядел, зато облака были ниже вершины и окружали её кружевным кольцом.

Потом был маленький, но высокий островок с радиостанцией. К вечеру перед нами выстроилась гряда островов, штук десять, через каждые пять-десять километров. Земля почти вровень с водой. Всё заросло кокосом в один-два ряда. Вокруг мутно-зелёная вода. Говорят, что это коралловые рифы.

Вечером туман. Плохая видимость. Много парусников. Паруса белые с большой чёрной полосой.

2 октября.

Красимся. Стоим. Я сгорел спереди.

3 октября

Мои именины. 2-й градус южной широты. Полный штиль. Пасмурно. Весь день трещит голова. Вася покатался на шлюпке.

Вечером видел, как кальмар таскал пойманную рыбку.

4 октября

Перешли экватор. На этот раз об этом событии просто сообщило радио. Собрание на злобу дня, вскрылось хищение на 1599 русских рублей. Партбюро решило лишить виз всех виновных. Вчера на партбюро артельщик и второй штурман (ревизор) всё валили на научника Геру (председателя хозяйственной комиссии), потому что он материально не ответственен. Но сегодня, почувствовав, что можно лишиться визы, второй штурман всю вину взял на себя. Научник Гена спасает себя. Капитан два дня не соглашался подписать приказ о снятии с обязанностей артельщика и второго штурмана. Для него самого это большой скандал и, возможно, конец карьеры. Да и, похоже, что у самого него нос в пуху. Куда делись 46 бутылок «Кристалла»⁶³ и коньяка? Первый помощник: «Я им сколько раз говорил. А? Разве вам не говорил? Я давно это видел, но вы ведь мне не поверили». Второй штурман признал, что вместо продуктов получил ящик бренди

⁶² Кракатау – действующий вулкан в Зондском проливе между островами Ява и Суматра (Индонезия).

⁶³ «Кристалл» – элитный российский алкоголь, марка водки одноимённого завода (Москва).

по договорённости. Гера не отдал сдачу команде за пиво и на эти деньги приобрёл ещё один ящик. Собрание решило лишить их виз и передать дело в прокуратуру.

СИНГАПУР

5 октября

С утра пришли в Сингапур. Множество судов на рейде. Современный город. Не успели бросить якорь, как на борт залезли несколько малайцев и начали огораживаться на палубе верёвками, на которые натянули тент, потом привезли товары в грязных коробках, побросали их, как попало, начали торговать. Всё время смеялись. Почти все говорят по-русски. Меня спросили, есть ли чего менять: «Эй, спекулянт, давай фотоаппарат ченч (менять)». Мы с Васей только присматривались.

В час нас человек сорок уже залезло в лодку и отправилось в город. Чистые тротуары, пальмы посреди улицы, поток машин, европейские дома. Малайцы, китайцы – белые рубашки, чёрные брюки, индусы в белых национальных костюмах и чалмах.

Пошли искать магазин «Москва». По дороге пристал парень: «Мадам надо?», – говорит, что они здесь по семь-десять долларов. Мы уже на подходе видели плавающий публичный дом – трёхпалубный пароход. В каком-то магазине Иван Иванович покупал магнитофонную плёнку, час ушёл на торг. В магазине «Москва» три малайки, две молоденькие и одна старая, бойко говорят по-русски. Пальто с мехом нет. Купил какую-то муру за 15 долларов, Ванюшке куртку за семь долларов вместе с носками. Мужских курток нет. Потом нас затащили в индийский магазин, они много орут, но товара у них нет. Скинут большую цену – мы «Ого!», они – «Ого-го!», мы – «Ого-го-го!».

Купил четырёхцветные карандаши.

6 октября

В девять утра отправились на берег, здесь очень активное водное движение, особенно у пристани. По пути к ней толкнули две лодки, а потом не могли пристать.

Пошли на малай-базар. Купил куртку, игрушки. Переводил там немножко на английский. Продавщицы в парфюмерии попросили написать им по-русски, как будет «ночной крем», «сухая кожа», «жирная кожа» и т. д.

Потом в «Москве» купил кофты. К трём часам мы уже изрядно устали. Всё это время шёл дождь.

Здесь стоит танкер из Владивостока, как раз подошла их шлюпка и мы попросили нас увезти.

7 октября

Тратили деньги в Сингапуре. Все тратят по-разному:

- 1) покупают только хорошие вещи – человека четыре;
- 2) спекулянты покупают по пять пальто, по шесть кофточек и т. д. Они говорят: « Я смотрю на эти цены и тут же перевожу их на тариф барахолки»;
- 3) покупают строго по списку, выданному жёнами;
- 4) покупают всё, что дёшево, лишь бы побольше: уценённые узконосые ботинки, аляповатые сервизы, даже туфли, крашенные серебром и на шпильке. Это, как ни странно, большинство ученых и многие из команды;
- 5) покупают дербздаяские вещи – многие из команды.

8 октября

С утра шёл проливной дождь. Все собирались и ждали, когда можно будет сесть в катер. Так и не дождавшись прекращения дождя, поехали. У Люды промок плащ, а под ним было белое платье, и на нем отпечатались синие пятна. Ей пришлось весь день ходить в плаще, а днём было жарко. Денег осталось мало. Я взял фотоаппарат, поснимал парк. Посмотрели с мостика на реку. Река эта – сплошная сточная канава, по которой плывут помои, выброшенные из столовок, облепивших берега. По граниту на берегу бегала серая крыса со светлыми лапками. Напротив китайской забегаловки плавала дохлая кошка. Потом попали в какую-то официальную часть города и разглядывали диковинные деревья. Через переулочок мы решили выбраться на торговую улицу. Прямо посреди улицы сидел парикмахер и брил прохожего. Вася решил его сфотографировать, но парикмахер стал ругаться и бросился за ним в погоню. Еле ноги унесли. С нами ходила Мария Михайловна, самая наша крупногабитная женщина. Она искала для себя пояс с застёжками. Поскольку никто из нас не знал, как это сказать по-английски, она пыталась объяснить, что ей надо жестами – задирала юбку и т. д. Это производило на малайцев большое впечатление, они выпучивали глаза и совсем к нам не приставали.

Итак, закончены покупки. Мы плывём домой.

Моё заключение: Сингапур – барахолка, на которую свозят залежалый товар, рассчитывая, что для туземцев и это сойдёт, главное, чтобы блестело. Увы, в основной массе, мы, русские, показываем себя не с самой хорошей стороны. Я думаю, что матросы с судов других цивилизованных стран (американских, английских, норвежских) не столько бегают за шмотками, сколько пьют виски и пробуют экзотические фрукты.

Домой, домой, домой!

ДОМОЙ!

9 октября

Уже сутки идём в направлении дома. Целый день дождь. После обеда прояснилось. Мы вышли на воздух, и тут же у обоих по всему телу пошли пузыри, обгорели, пришлось смываться с палубы, облезают грудь и плечи.

Была учебная тревога.

Всё время параллельно с нами или навстречу идут суда. Вечером мы с Васей сидели на баке. Душновато. Пена светится. Мы ещё ни разу с ним так не сидели, всё мешали то качка, то холод.

10 октября

Баннный день. Массовая стирка, во-первых, выстирали всё, что одевали в Сингапуре и сингапурские пакеты, во-вторых, постирал всё остальное, уже, чтобы до дома не стираться. Постирал пальто, посохло оно час, а потом пошёл дождь, пальто пришлось снять.

Бегал под тропическим дождём, теперь немного сопливаю.

Вечером пришёл Иван Иванович, сказал, что нас догоняет тайфун «Джоан», а потом часа два рассказывал про подноготную жизнь на судне. Кэп подговорил против него дружков. Миша-шестёрка носил все командные сплетни кэпу и от кэпа – команде. Второй штурман воровал вместе с артельщиком и пил с кэпом, и вместе они смеялись над Иваном Ивановичем. Иван Иванович затаил на них злобу и «стряпал дело». Старший штурман хочет стать капитаном «Альбы». Кэп ему говорит, что освободит место, спишет на берег и станет инструктором, всё это в обмен на поддержку. Команда тоже хочет выступить против капитана, но боится его мести в виде лишения виз и молчит. Старший механик не вмешивается.

Эдик, которому на берегу всё время изменяет жена, решил жениться на нашей камерной Гале и отправил телеграмму домой, что

не вернётся. Жена принесла телеграмму в ТУРНИФ и оттуда прислали директиву, чтобы не отпускали бедолагу на берег, потому что он хочет убежать.

11 октября

Весь день дождь. Я болею после вчерашнего купания под дождём, соплю, жар. Выпил две таблетки парацетамола. Идём навстречу циклону.

12 октября

Тайфун остановился около Филиппин. В тайфуне даже редко кто из моряков бывал и, я так понял, что наше начальство не очень знает, что с ним делать. Мы даже замедлили ход, надеясь, что тайфун пройдёт перед нами, а он стоит. Сейчас мы, кажется, его проскочили, но он ещё может нас нагнать до Владивостока.

Сегодня тёплый день. Вечером часа полтора качало. Что будет завтра, неизвестно.

13 октября

Шторм. Лежим.

14 октября

Шторм. Волной помяло шлюпку и согнуло несколько стоек. Идём со скоростью восемь километров в час.

Поступила новость, что в районе Гавайев случилась авария на «Экваторе», трал намотался на винт, и они потеряли ход. Мы получили указание идти к ним на выручку.

Сегодня был пожар в рыбном цеху, подняли всех по тревоге, но оказалось, что от качки загорелась одна из хранящихся там дымовых шашек, пожарная тревога превратилась в учебную.

Вечером вошли в какой-то пролив между Тайванем и Филиппинами. Отсюда мы должны были повернуть прямо на север, а теперь идём на восток. У всех упало настроение, но надо выручать «Экватор».

15 октября

Кажется, на «Экваторе» удалось размотать трал, но машина ещё барахлит. Так или иначе, появилась надежда, что мы повернём домой. Пока идём своим курсом, но в любую минуту можем свернуть. С левой стороны, в километре от нас, пологие зелёные острова Филиппин с песчаными пляжами, похожие на отлогий волжский берег. Справа в тумане таятся высокие горы. Из воды торчат скалы и камни, совсем близко.

Пасмурно. Серо. Мокро. Душно.

Здесь зарождаются тайфуны и циклоны, которые доходят до Владивостока и до Японии.

Сегодня встретили большое советское судно.

Пока шли проливом, было относительно тихо, теперь снова раскачалось.

16 октября

Пасмурно, сыро, душно. Идём домой. Сегодня двадцать второй градус, и нам в последний раз выдали тропическое вино. Весь день качало, но к вечеру поутихло.

Ходил на открытое комсомольское собрание, обсуждали ревизора Волохова, который ответственен за растрату. Исключили его из комсомола. Выступали все активно, но, мне кажется, что не от души, а потому что каждый хочет, чтобы его взяли в следующий рейс, выслуживаются перед Иваном Ивановичем, который сейчас на коне и может сменить кэпа.

Выставили часы на Владивостокское время. Слушали передачу Владивостокского радио.

Послал домой телеграмму.

17 октября

Стало заметно холоднее, и уже нет духоты, но погода всё равно плохая. На нас должна обрушиться новая полоса циклона. А «Джоан» набрала скорость, но так и не определилась, уйти ли ей на Китай или погоняться за нами.

26-й градус северной широты.

18 сентября

Мы сегодня могли бы уже вернуться домой, если бы шли из Сингапура с нормальной скоростью. Но океан не хочет нас отпускать. Опять шторм. Смотрел сводку, завтра обещают погоду получше. Во Владивостоке ветер и плюс четыре градуса. У нас на тридцатом градусе северной широты пока ещё тепло, но уже нет прежней влажности.

Идём Восточно-Китайским морем.

Весь день лежу, читаю. Выходить на палубу нет никакой охоты, да и просили по радио зря не болтаться. Читал «Записки о «Третьем рейхе» корреспондента ТАСС⁶⁴ И.Ф. Филиппова, он был в Германии перед самой войной с тридцать девятого по сорок первый год.

⁶⁴ ТАСС – аббревиатура информационного агентства «Телеграфное агентство

19 октября

Умеренная, но всё-таки качка. Пасмурно. Банный день. Вечером перед Цусимой над нами просвистел американский самолёт, и мимо прошли три эсминца. Вошли в Корейский пролив. Вокруг огни. Жаль, что идём ночью.

За кормой – два океана и пять морей.

20 октября

Ясный солнечный день. С утра остановились и красились. Мы с Васей пошли загорать, но каждый раз, когда солнце скрывалось за тучами, делалось холодно. Когда начали движение, совсем похолодало. Все сморкаются и кашляют.

21 октября

Балла три, но ветер и волны прямо в корму, погоняют нас.

Уже идём на одной машине и всё равно не меньше десяти узлов. Подсчитали, что так мы можем быть во Владивостоке в 21:00, но ничего не поделаешь – заявка подана на утро. Научники выпили и обижаются, что мы не даём им спирт. Мы злимся на них, а они кланчат, как попрошайки.

22 октября

Вчера не мог уснуть до четырёх утра. Надеялся поспать утром, но Вася подскочил в семь и начал бриться. Пришлось проснуться.

Вышел на палубу. Идём в промозглом тумане. Холодище. После завтрака в тумане стали прорисовываться острова. Пошёл на мостик. Там уже вовсю шла перебранка с берегом. Нас некуда ставить, все причалы заняты. Вот знаменитый остров Скрыплёва⁶⁵, около которого все выбрасывают старые вещи, и кончается «морская» любовь. Подходим к узкому входу в порт, у которого стоит сторожевик. Входим в порт, видим «Радугу» на рейде. Нам нужно встать рядом. Бросаем якорь. Снимаем флаг с рамы⁶⁶. Поднимаем флаг на корме. Когда пойдём к причалу, флаги снова поменяют, а потом – ещё раз, когда встанем у причала.

Стоим уже два часа. Через десять минут будет наш последний обед. Надеюсь, что ужина не будет.

Советского Союза» (1925–1992).

⁶⁵ Остров Скрыплёва в заливе Петра Великого Японского моря находится у входа в пролив Босфор Восточный Уссурийского залива во Владивостоке; назван именем К.Г. Скрыплёва – командира корвета «Новик», проводившего гидрографические исследования в з. Петра Великого в 1862 г.

⁶⁶ С флагом на раме в порт входят суда, которые уходили очень надолго. Это почётно.

Пообедали. Пришли таможенники, осматривали очень медленно. Я пару раз от волнения ходил в туалет и каждый раз со скандалом.

Пограничники на наш скарб внимания не обратили, намекали, что нужно им подарить ручку. Потом пришли таможенники и чуть не забрали мою шерсть, но всё обошлось. Причал нам так и не дали, поэтому на берег поедem на катере, а торжественного подхода «Альбы» к берегу не будет.

Укладываем вещи.

Конец плаванию и дневнику.

Владивосток,
22 октября 1970 г.

ВЕРИЛ В РАЗУМ ПРИРОДЫ

Не лучшие времена переживала в 1972 году лаборатория фармакологии и экспериментальной терапии, в которой я тогда работал: в институт, в штате которого мы находились, лаборатория «не вписывалась». Речь шла о нашем переводе в состав Института биологических проблем Севера в качестве Владивостокского филиала или в Институт биологии моря. Алексей Викторович Жирмунский в тот период курировал в Дальневосточном научном центре биологические науки, так что наша судьба, в конечном счёте, зависела от него. В апреле 1972 года он вылетел в Магадан на конференцию. Предполагалось, что там решится наша судьба. Заведующий Лабораторией профессор Израиль Ицкович Брехман срочно командировал меня туда же, чтобы при необходимости быть у Алексея Викторовича под рукой. Я присоединился к учёным Биолого-почвенного института, направлявшимся на магаданскую конференцию.

ДВА СТАКАНА ПИВА

Самолёт доставил нас из буйного приморского апреля в заснеженный магаданский аэропорт. Два газика лихо мчали нашу делегацию сквозь пургу в город. Номер гостиницы был десятиместным, кровати железные с никелированными спинками, шкафы густо пахли табаком.

С утра распогодилось, и последующие дни были ясными, морозными. Я усердно ходил на заседания, слушал доклады, по вечерам с другими участниками конференции бродил по продуктовым магазинам, дивился обилию в них тортов и пирожных, съездил в знаменитую Золотую долину, в одних плавках покатался там под ярким солнцем на лыжах.

Алексей Викторович не обращал на меня никакого внимания. Наконец, удалось подкараулить его в столовой. В зале былолюдно, мест не хватало, а Алексей Викторович сидел один – никто не решался составить компанию большому начальнику. Робея, я всё же поставил поднос на его столик. Пока снимал тарелки, Алексей Викторович наполнил пивом стаканы.

– Пришла пора выпить за дальневосточных фармакологов, – сказал он. – Решено: вы переходите в Институт биологии моря. Будете существовать отдельной строкой как отдел из четырёх лабораторий.

Мы тут же перешли к обсуждению деталей нашего дальнейшего жития. Меня смущало, что все наши сотрудники изучают лекарства из наземных растений, и переход на морские объекты может представлять трудность.

– Пусть каждый продолжает заниматься тем, чем занимался, – сказал Алексей Викторович. – Но со временем вы должны сделать лекарство из моря не менее известное, чем ваш элеутерококк. Пока меня интересует другое: в институте у нас одна молодёжь, а у вас народ постарше. Мне нужны солидные парторг и председатель месткома.

Давно участники конференции вернулись в зал заседаний, а Алексей Викторович рассказывал и рассказывал мне о будущем своего института. В нарисованной им словесной картине виделось и круглое многоэтажное здание с башней, опускающейся к морю, и биологические станции, разбросанные по всему дальневосточному побережью, свой морской биологический журнал. Многое тогда жило в замыслах Алексея Викторовича Жирмунского.

Я вернулся в прокуренный номер гостиницы, на радостях купил большой торт и стал ждать коллег. Лежа на поскрипывающей никелированной кровати, перебирал в уме отдельные моменты беседы с Алексеем Викторовичем и спрашивал себя: «Зачем мы ему нужны?»

«ДВОР КНЯЖЬ»

Об этом я вспомнил двадцать лет спустя, когда фармакологи уже прочно прописались в Институте биологии моря, поставляя его администрации парторгов и председателей месткома. Как-то выступая с отчётным докладом о работе института за год, Алексей Викторович неожиданно пустился в пространное рассуждение об удивительной гармонии мироздания. Эта гармония наводила его на крамольную мысль о том, что природа обладает разумом.

«Вот почему он спас нашу лабораторию!» – осенило меня.

Это только кажется, что одни из нас верят во вселенский разум (абсолют), другие в Бога, третьи в материю. В действительности названные категории одинаково представлены в мозгу человека и являются тремя символами высшей реальности. В повседневной жизни мы поочерёдно обращаемся к отдельным сторонам единого треугольника в зависимости от обстоятельств, возраста или каких-то других факторов. И всё же среди научных заикливание на вселенском разуме

наиболее распространено. Это объясняется тем, что размышление о «вечном» и гармонии предполагает способность абстрагироваться.

Конечно, Алексей Викторович был типичным экстравертом – созидателем, стремившимся преобразовать всё вокруг себя. И хотя интравертное начало занимало в его натуре подчиненное место, но при неуёмной энергии этого человека оно оказывалось также достаточно высоким.

Представления о вселенском разуме – результат интуитивного мышления на уровне подсознания. Будучи по природе иррациональным, интуитивное мышление опирается на архетипы – первичные мыслеформы, унаследованные от далёких предков. Созидание как функция вселенского разума запечатлено в этом опыте в виде деятельности мифологического героя. На заре цивилизации роль мифологического героя играло божество, «обеспечивавшее» правильное чередование сезонных явлений путём борьбы с силами хаоса. Например, индо-арийский бог Индра ежегодно в день зимнего противостояния побеждал запружавшего своим телом небесные реки дракона-змия, заново укреплял небо, землю и пространство между ними. Позднее на передний план выдвинулся так называемый культурный герой, обучавший людей производственным навыкам. Таков китайский первопредок Фуси, показавший жителям Поднебесной, как вязать узлы на верёвках, а также плести сети и силки для ловли рыбы и охоты.

Героическая личность, через подвиг которой в коллективном сознании отражён созидательный принцип, есть в мифологии всех народов. Например, с драконом-змием сражается православный святой Георгий Победоносец.

Другие «крутые парни» из глубин подсознания также подпитывали энергией кипучую научную и организационную деятельность Алексея Викторовича Жирмунского. Но весьма важна и обратная сторона героической личности – содержащееся в каждом мужчине, даже герое, женское начало, так называемая анима – душа.

В психофизиологическом плане героический миф, как и героическая фантазия, отражает самоутверждение коллектива или отдельной личности. Одним из элементов самоутверждения служит освобождение анимы субъекта от внешних влияний: анима племени освобождается от безусловного подчинения слепым силам природы, взрослого юноши – от чрезмерной заботы родителей, перспективного работника – от опеки руководителя. После достижения данной цели происходит поворот на 180 градусов, и проявлением анимы делается

помощь слабым, беззащитным. Недаром в большинстве мифологических сюжетов герой, сражающийся с драконом, освобождает похищенную злой силой красавицу. По воспоминаниям Алексея Викторовича, основное ощущение, которое он испытал после смерти своего научного руководителя цитофизиолога Дмитрия Николаевича Насонова, состояло в том, что теперь ему, Жирмунскому, придётся отвечать не только за себя, но и за других. Это типичная реакция лидера: освобождение от опеки превращает его в опекуна. Так когда-то и в древнерусский князь Владимир, став христианином, повелел не только строить церкви и насильно крестить подданных, но и творить милостыню, дозволив нищим и убогим приходить на «двор княжь», где их ожидало «питие и ядение».

Вот и разгадка занимавшего меня вопроса: дальневосточные фармакологи были приглашены на «двор княжь», где нашли в достатке питие и ядение. Этот путь прошли многие. Подкрепившись на «княжем дворе», одни уходили в самостоятельное плавание, а другие навсегда «прилипали» к институту, как ракушки к большому судну.

ПУЛЬСИРУЮЩИЙ МИР

Многим было известно увлечение Алексея Викторовича Жирмунского акупунктурой. Ходили слухи, что он ставил иголки не только знакомым, но и высокому начальству в Москве, что этим отчасти обеспечивались успехи его административной деятельности. Алексей Викторович с иглой для акупунктуры – излюбленная тема дружеских шаржей в институтских стенгазетах, выпускавшихся к каждому Новому году, к другим общенародным праздникам или очередному юбилею института. Это был такой же атрибут праздничной программы, как копирование Алексея Викторовича участниками художественной самодеятельности: чулок на голове – директорская лысина. Или ручеёк сотрудников во главе с глубокоуважаемым руководителем, ручеёк скакал между ресторанными столиками, сметая стулья и фужеры.

В действительности Алексей Викторович, не будучи врачом, никогда не ставил иголки, хотя с энтузиазмом делал страждущим массаж «китайских точек», также определял активность последних с помощью имевшегося у него прибора. Кроме того, он смело выступал перед врачами с лекциями по иглоукалыванию. Он не учил их, как им работать. Предметом лекций были метафизические основы

акупунктуры: Тайцзы («великий предел»), Усин («учение о пяти первоэлементах»), И («перемены»). Алексей Викторович воспринимал перечисленные концепции как варианты постижения вселенского разума.

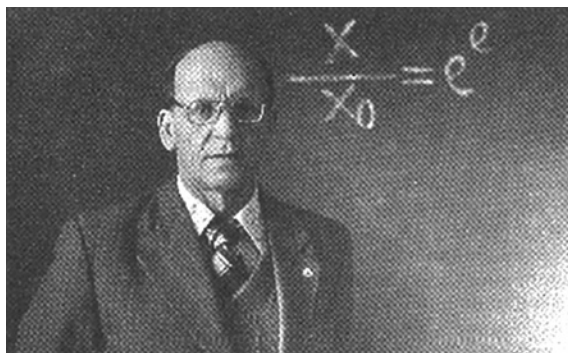
Китайские мудрецы считали, что материальный мир, существующий в границах Тайцзы (великого предела), представляет собой не застывшую, а пульсирующую субстанцию. Характер этой пульсации обусловлен постоянной флуктуацией соотношения женского (Инь) и мужского (Янь) начал. Обозначив мужское начало сплошной, а женское – прерывистыми линиями, китайцы изображали совокупность метаморфоз (И) в виде полных рядов комбинаций этих линий по три (триграмма) и шесть (гексаграмма). Они считали, что расположение отдельных членов ряда отражает порядок осуществления метаморфоз в мироздании, предопределенный вселенским разумом. Ни одно крупное дело не начиналось без предварительного просчитывания его успешности по И.

Исходную схему расположения триграмм и гексаграмм предложил первопредок Фуси (он упоминался выше). Позднее схема была видоизменена Вэньваном – другим культурным героем Поднебесной. По легенде, это случилось, когда прославленный полководец томился в темнице, куда угодил из-за междоусобиц. Однажды, перебирая дощечки с триграммами – обычное занятие просвещённых людей того времени, Вэньван обнаружил интересную комбинацию: триграмма, соотносимая с его именем, заняла главенствующее положение! Открывшийся новый порядок триграмм он воспринял как «мандат Неба», то есть сакральное указание на то, что его предназначение в этом мире – сместить действующего правителя и занять его место. Заявив соратникам, что Небо на их стороне, Вэньван смело приступил к действиям...

Помню, после одной из командировок в Москву Алексей Викторович рассказывал, как он «дирижировал» голосами при продвижении нужной кандидатуры в члены Академии наук. Тут-то и пришлось к месту история о Вэньване, использовавшем благоприятную комбинацию расположения триграмм в качестве идейного обоснования для захвата власти. Я ожидал от Алексея Викторовича экстравертной оценки Вэньвана как удачливого воина и ловкого политика. Однако он отреагировал по-иному. Внимательно рассматривая схему триграмм по Вэньвану, он произнёс:

– А ведь это человек, разгадавший свой код связи с Вселенной.

МАГИЯ E^e

А.В. Жирмунский. 1982 г.
Фото из архива ННЦМБ ДВО РАН

Как известно, Алексей Викторович вместе с математиком Владимиром Ивановичем Кузьминым разработал концепцию критических уровней в процессе развития биологических систем – « E в степени e ». Критические уровни суть точки, в которых устойчивое усложнение системы сменяется перестройкой, причём соотношение между точками составляет $E^e = 15.15$. Содержание концепции изложено в двух монографиях. Кроме того, Алексей Викторович неоднократно выступал с лекциями на эту тему.

На книгу были получены как восторженные, так и критические отзывы. Большинство, однако, заняло выжидательную позицию: недоверие к тому, что такое может быть, нейтрализовывалось подспудной мыслью: а вдруг? Это «а вдруг?» – внутренний голос подсознания, где зафиксировано неодолимое желание человека ощущать гармонию мироздания. Восхищаться ею и выражать в простых и ясных символах, таких, например, как E^e .

По учению швейцарского психолога и философа Карла Густава Юнга, символотворческая функция принадлежит подсознанию. Может ли в таком случае подсознание анализировать факты и выводить умозаключения в такой же степени, как сознание? Современная психофизиология утвердительно отвечает на данный вопрос. Разница в том, что рассудочное мышление опирается на анализ причинно-следственных связей между объектами, тогда как архетипическое мышление является коррелятивным, оно группирует факты по признаку сходства, симметричности, синхронности и т. п.

Представления о вселенском разуме, волновавшие Алексея Викторовича, имели в своей основе архетипическую идею об упорядоченности Вселенной. То, что концепция критических уровней разработана в ключе коррелятивного мышления, подтверждается рядом аргументов. Во-первых, она является результатом интуитивного озарения, возникшего при составлении кривых, относящихся к разным объектам, но имеющих одинаковую конфигурацию. E^e – статистическая формула отражения этого образа. Во-вторых, факты, установленные для группы биологических явлений, дополняются данными из астрономии, геологии, гидродинамики и других областей знания. Подоплека подобного приёма – доказать универсальность установленной формулы, а следовательно, изоморфность всех явлений во Вселенной. В-третьих, сама формула вследствие предполагаемой универсальности приобретает своеобразный энергетический заряд, она завораживает.

В статьях и монографиях подчинённость критических уровней закономерности E^e дипломатично подаётся как один из вариантов усложнения биологических систем. Однако в лекциях Алексей Викторович отодвигал дипломатию на второй план, так что формула E^e представляла во всём своем магическом великолепии. И вот слова самого Алексея Викторовича: «...нам с В.И. Кузьминым посчастливилось выявить общую закономерность развития и организации природных систем: наличие циклов, включающих эволюционную и революционную (перестроечную) фазы. При этом анализ динамики цикла позволяет определить момент наступления критической точки, когда эволюционная фаза сменяется перестройкой. Эта закономерность обнаруживается и в Солнечной системе, и при развитии земной коры, и в организации и развитии живых и неживых систем... Нас весьма активно критиковал ныне покойный член-корреспондент АН СССР М.В. Волкенштейн, что потребовало ответа на все его замечания во второй книге. К сожалению, некоторые учёные, не прочитав нашей книги, отнеслись к ней отрицательно, приняв на веру критику Волкенштейна. А закономерность эта, как я полагаю, была бы полезна и физикам, и техникам, и экономистам».

Вместо заключения

Долгое время моей общественной нагрузкой в институте была подготовка выставок. Художники, оформлявшие выставку, работали так: осматривали зал (высоту потолков, расположение окон, окраску стен), потом устанавливали центральное звено экспозиции – пятно и, ориентируясь на него, конструировали остальные элементы, строго соблюдая симметричность их расположения. Стенды также рисовались всегда по заданному шаблону.

Алексей Викторович всегда восставал против симметричности. Для меня это было загадкой. Ведь симметричность – проявление гармонии, то есть свойство вселенского разума, и человек, разработавший концепцию E^e , должен это чувствовать. Но вот интересный факт: в порядке расположения гексаграмм по Вэньвану две последние фигуры поменяны местами – сначала идёт гексаграмма «уже конец», а затем «ещё не конец». Этим подчёркивается динамичность метаморфоз, неизбежность перехода одного цикла в другой. Не исключено, что Алексей Викторович Жирмунский воспринимал симметричность предметов как застывший мир, а ему хотелось ощущать его живую пульсацию.

...Можем ли мы знать всё друг о друге?

Кириллов О.И. Верил в разум природы // Академик от моря: А.В. Жирмунский в воспоминаниях соратников и друзей / Сост. А.А. Калинин; под ред. В.Л. Касьянова. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 50–56.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ О.И. КИРИЛЛОВЕ

КИРИЛЛОВ ОЛЕГ ИВАНОВИЧ
(01.02.1937–14.08.2020)

Ученый-фармаколог, всю трудовую деятельность отдал Приморскому краю российского Дальнего Востока сначала в качестве врача-терапевта в больнице порта Находка и затем в течение пятидесяти пяти лет занимался научной деятельностью в Дальневосточном отделении Российской академии наук, ранее: ДВФ СО АН СССР – Дальневосточный филиал Сибирского отделения Академии наук Союза советских социалистических республик (1958–1970), ДВНЦ АН СССР (1970–1986), ДВО РАН СССР (1987–1991), с декабря 1991 г. – ДВО РАН.

ПРЕДАННОСТЬ ЦЕЛИ

Стресс – это аромат и вкус жизни.

Поскольку стресс связан с любой деятельностью,
избежать его может лишь тот, кто ничего не делает.

Но кому приятна жизнь без дерзаний, без успехов, без ошибок?

Ганс Селье

Биография О.И. Кириллова сложна, под воздействием многих жизненных ситуаций формировался его характер, складывались убеждения и мировоззрение. Основные этапы его жизни и научной деятельности свидетельствуют о неординарной личности Олега Ивановича.

Становление

Олег Иванович Кириллов родился 1 февраля 1937 года в поселке Бор Горьковской (ныне Нижегородской) области в семье врача-хирурга Ивана Герасимовича Кириллова. С января 1938 года военврач II ранга И.Г. Кириллов служил в 84-й стрелковой дивизии в Вильнюсе. Мама – Любовь Васильевна служила хирургической медсестрой в Вильнюсском военном госпитале. Семья имела троих детей: сыновей Игоря, Олега и дочь Людмилу. В 1942 году майор медицинской службы И.Г. Кириллов погиб на фронте. Любовь Васильевна в первые же часы занятия Вильнюса немцами попала в плен, была на принудительных работах в Польше, в концлагере, потом её отправили во Францию, там она была переправлена к партизанам, участвовала в качестве хирургической сестры в тайных госпиталях для участников Сопротивления – членов движения «Свободная Франция» генерала де Голля.

Дети с дедушкой Герасимом Ивановичем успели эвакуироваться в Горьковскую область. Родственники определили старшего мальчика Игоря в специализированное военно-учебное заведение для молодёжи школьного возраста. Постановлением Совета министров СССР № 982 г. от 14 сентября 1943 года были образованы специальные детские дома для детей-сирот, родители которых погибли при защите Родины (суворовские училища). Олег, мальчик четырёх лет, и сестра двух лет были определены в Елабужский детский дом Татарской АССР (1943–1946).

Елабужскому детскому дому 167 лет. Детский приют в Елабуге был построен на средства купца первой гильдии Федора Григорьевича Чернова и открыт в 1859 году для девочек-сирот. Среди

благотворителей приюта был протоиерей Кронштадтского собора о. Иоанн Сергиев (Иоанн Кронштадтский). Во время Гражданской войны здесь была устроена школа-коммуна для беспризорников. В 1937 году сюда поселили большую партию детей репрессированных родителей. На 14 сентября 1944 года в школьном детском доме находилось 200 человек. Детский коллектив не был ни организован, ни дисциплинирован, дети часто убегали, а одна группа из 12 детей занималась грабежом.

Субтильному мальчику Олегу нужно было выжить в этих условиях, среди контингента иерархически организованных воров, бродяг и рецидивистов. Выход один – больше знать, удивить и увлечь интересными историями, быть арбитром в споре – и это в 6–9 лет.

Елабуга в ту пору была весьма интересным местом. На слуху были имена кавалерист-девицы Надежды Дуровой, художника Ивана Шишкина, «висельницы-писательки» Цветаевой, прожившей в этом городе в 1941 году всего 10 дней, и спасшего Москву и Ленинград маршала Говорова, закончившего в своё время Елабужское реальное училище. Здесь в эти годы располагался лагерь НКВД № 97 военнопленных немцев, в январе 1946 года появились японские военнопленные.

В школе (1944–1954) – Олег учился легко, много читал и мечтал. Читал много научной и технической литературы, но увлечен был литературой о путешествиях. В четвертом-пятом классах – о Колумбе, Васко да Гама, Магеллане, в пятнадцать лет – о Пржевальском, Семёнове Тянь-Шанском, Арсеньеве. Сокрушался, что новые земли уже открыты. Но мудрая классный руководитель Анна Ивановна Наумова заметила, что, действительно, новые земли открывать опоздал, а вот обнаруживать и осваивать новые природные богатства – перспективная задача для молодых и амбициозных людей. Он стал читать литературу о растительном мире, проштудировал книгу о тибетской медицине. Тренировал в себе выносливость, находчивость в незнакомых условиях природы, пройдя по Горьковской области пешком более трехсот километров. Окончил школу с серебряной медалью, поступил в Горьковский медицинский институт (далее – ГМИ им. С.М. Кирова) с намерением изучать лекарственные растения Дальнего Востока.

ГМИ им. С.М. Кирова, где учился Олег Иванович в 1954–1960 гг., считался одним из престижных медицинских вузов СССР и славен был звучными именами. Только два примера.

Колокольцев Михаил Вениаминович (1904–1994) – доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Он стоял

у истоков отечественной пластической и реконструктивной хирургии, создал в 1946 году первый отечественный клеевой дерматом (медицинский инструмент для снятия тонкого кожного лоскута с донорского участка для последующей пересадки) и разработал состав специального клея для работы с ним.

Синицын Николай Петрович (1900–1972) ученый-экспериментатор, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Впервые в мире осуществил пересадку сердца в эксперименте. Еще в 1937 году он разработал методики как «подсадки» второго сердца, так и пересадки сердца у лягушки с одновременным удалением ее собственного. В 1956 году, работая в качестве гостевого профессора в Институте физиологии Берлинского университета им. А. Гумбольдта, поразил немецких коллег блестяще выполненной операцией пересадки сердца черепахе с последующей имплантацией в панцирь животного в зоне пересаженного сердца канюли из органического стекла, позволяющей наблюдать все изменения в работе сердца *in vivo*.

Познакомившись с направлениями студенческих работ на разных кафедрах, Олег Иванович предпочел научную работу на кафедре терапии, заинтересовавшись диагностикой внутренних болезней. Работал увлеченно, опубликовал несколько научных работ. Инициативный, с широким кругозором и аналитическим складом ума студент активно участвовал в общественной жизни института. Энергичному Олегу хватало времени на многое – студент-отличник, член Комитета ВЛКСМ института и области, корреспондент областной комсомольской газеты «Ленинская смена», участник нескольких кампаний студенческих отрядов Горьковского медицинского института в освоении целинных земель. В 1956 году участвовал в уборке урожая на целине в Казахстане (комбайнёр), за что отмечен значком ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель», в 1957 году за участие в уборке урожая в Алтайском крае (бригадир) получил правительственную медаль «За освоение целинных и залежных земель».

1960 год – распределение. К этому времени Олег Кириллов уже женат на выпускнице Горьковского педагогического института Наталье Борисовне Сперанской. Оба изъявляют желание работать на Дальнем Востоке: он – в качестве «врача-лечебника», она – «учителя истории и географии».

ГМИ им. С.М. Кирова вышел с ходатайством в Отдел кадров Сектора распределения молодых специалистов Министерства

здравоохранения РСФСР о распределении О.И. Кириллова в Приморский краевой отдел здравоохранения, дав ему такую характеристику:

«Кириллов за время пребывания в институте имел только отличную успеваемость, за что получал стипендию имени Сталина И.В. Принимал активное участие в общественной жизни института: на 1-м и 2-м курсах – комсорг группы, на 3-м и 4-м курсах – член комитета ВЛКСМ, ответственный за работу бригады содействия милиции. На 5-м курсе был избран членом Профкома института. На протяжении ряда лет был Председателем Товарищеского Суда в институте. За время обучения в институте принимал активное участие в работе Научного Студенческого общества: им были выполнены и доложены 4 научные работы, часть из которых опубликована в печати. Неоднократно ездил на уборку урожая на целинные земли, за что награжден Медалью «За освоение целинных и залежных земель», Знаком ЦК ВЛКСМ «за освоение новых земель» и целым рядом Почетных грамот Обкома ВЛКСМ. Тов. Кириллов является высоко дисциплинированным студентом, предан делу Коммунистической партии, в решении вопросов принципиален, морально устойчив. По окончании института Кириллов О.И. мог бы быть оставлен в институте для прохождения аспирантуры, но, учитывая его желание работать в Приморском крае /к чему имеются и обстоятельства семейного характера/, учебная часть ГМИ им. С.М. Кирова просит Вас разрешить направить тов. Кириллова в распоряжение Приморского краевого здравотдела».

Путь ученого

Больнице порта Находка, сформированной из ряда портпунктов и поликлиники для обслуживания сотрудников Торгового порта и, позже, Находкинского пароходства, чуть больше десяти лет, в ее штате пять врачей. Красный диплом и желание уехать из центра страны на периферию доброжелательно расположили главврача, в августе 1960 года О.И. Кириллов зачислен в штат в качестве «врача-терапевта» с надеждой на дальнейшую успешную работу. Пришлось сочетать работу в стационаре с поликлиническим приемом, штудировать учебники, не считаясь с личным временем, осваивать сестринские медицинские манипуляции и опыт старших коллег, изучать психологию пациентов. На втором году пришел опыт работы и признание пациентов, но были и огорчения. Особенно расстраивало бессилие перед хроническими заболеваниями, можно было снять острую боль, временно улучшить соматическое состояние, но вылечить! Механизмы

возникновения и развития большинства хронических болезней ясны, но как замедлить их прогрессирование! Приходит мысль о необходимости оптимального использования внутренних резервов организма человека с помощью лечебных средств из лекарственных растений. На территории больницы с коллегой-хирургом Олег Иванович строит маленький виварий, приобретает несколько кроликов, делает настойки из известных местных растений, но экспериментальная работа не пошла, прежде всего, из-за сложности приобретения большого количества животных.

Как-то на втором году работы в больнице в краевой газете «Красное знамя» Олег Иванович прочел интервью с доктором медицинских наук Израилем Ицковичем Брехманом об его интересе к лекарственным растениям Дальнего Востока и решился на поездку во Владивосток для знакомства с профессором.

Встреча состоялась, знания о лекарственных растениях, идеи их применения и нозологические знания молодого врача впечатлили И.И. Брехмана, у него в ту пору было несколько аспирантов, но молодого специалиста, имеющего свое видение и план научной работы – профессор встречал впервые. Взять О.И. Кириллова в аспирантуру не удалось (опоздал по срокам), поэтому его зачислили в лабораторию растительного сырья только что созданного Биолого-почвенного института ДВФ СО АН СССР старшим лаборантом, через полгода переведен на должность младшего научного сотрудника.

Своей научной судьбой Олег Иванович Кириллов обязан Израилю Ицковичу Брехману, Николаю Васильевичу Лазареву и Гансу Селье. Вот такие сведения об этих всемирно известных ученых он знал в 1962 году, став на научную стезю.

Израиль Ицкович Брехман (1921–1994) – доктор медицинских наук, профессор, фармаколог, выпускник Военно-морской медицинской академии им. С.М. Кирова (Ленинград, 1940–1945), участник Великой Отечественной войны. Будучи курсантом старшекурсником создал свой первый лекарственный препарат – стимулятор прозамин, повышающий выносливость, работоспособность, сам испытал его на команде крейсера «Красный

Крым». Прозамин применялся во время военных действий на Черноморском флоте. По окончании учебы в академии лейтенант медицинской службы И.И. Брехман получил назначение на Тихоокеанский флот и возглавил Лабораторию токсикологии и радиологии «Главного Военно-морского госпиталя Тихоокеанского Флота». Продолжив испытания прозамина на кораблях и подводных лодках, дополнил собранный ранее материал о прозамине и в 1948 году защитил диссертацию «Действие некоторых стимуляторов на человека и их практическое применение в ВМФ». Во время военной службы на ТОФе, наряду с изучением литературы о легендарном женьшене (*Panax ginseng* С.А. Мей.), И.И. Брехман исследовал его физиологическую активность в эксперименте. Заинтересовавшись этими работами, для углубленного изучения женьшеня Председатель Президиума ДВФ СО АН СССР Всеволод Сергеевич Слодкевич создал лабораторию фармакологии, которой на общественных началах руководил И.И. Брехман. В 1957 году подполковник медицинской службы демобилизовался и возглавил лабораторию фармакологии в Отделе физиологии и биохимии растений при Президиуме ДВФ СО АН СССР, с февраля 1962 года под названием «лаборатория лекарственного сырья» она вошла в состав Биолого-почвенного института.

И.И. Брехман первым в мире дал научное обоснование применению женьшеня в медицине. Американский ученый Пол Бергнер писал: «Группа ученых, во главе с доктором И.И. Брехманом, проводила широкомасштабные эксперименты на животных и наблюдения на людях, сделав прорыв в науке о женьшене, и впервые описал его действие в терминах западной науки» (Paul Bergner. *The Healing Power of Ginseng and the Tonic Herbs: The Enlightened Person's Guide*. Reno: Prima Lifestyles, 1996). В 1951 году женьшень был официально признан лекарственным средством и был включен в Государственную фармакопею СССР. В 1956 году И.И. Брехман защитил докторскую диссертацию «Материалы по фармакологии корня женьшеня (экспериментальное исследование)», а через год уже издал монографию «Женьшень», переведенную вскоре на китайский и японский языки. В 1961 году, по ходатайству Президиума ДВФ СО СССР, в Приморском крае был организован совхоз «Женьшень».

Достоверно выявив высокий фармакологический эффект и поливалентное терапевтическое действие женьшеня, И.И. Брехман считал целесообразным провести скрининг биологической активности других представителей семейства Аралиевых, перспективным оказался

элеутерококк колючий (*Eleutherococcus senticosus* Maxim.). В результате разносторонних исследований элеутерококка усилиями коллектива И.И. Брехмана, врачей-энтузиастов Тихоокеанского флота, сотрудников ряда медицинских учреждений Дальнего Востока в 1962 году экстракт элеутерококка был утвержден Фармакологическим комитетом Министерства здравоохранения СССР к использованию в практической медицине.

Николай Васильевич Лазарев (1895–1974) – доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель наук РСФСР, всемирно известный токсиколог и фармаколог, создатель учения о СНПС (состоянии неспецифической повышенной сопротивляемости) организма и концепции адаптогенов.

Во время Первой мировой войны – медбрат в полевом отряде Красного Креста, в армии М.С. Буденного – лекарский помощник, в 1925 году окончил лечебный факультет Киевского медицинского института. Вскоре переехал в Ленинград и долгие годы изучал действие чужеродных веществ на организм. Николай Васильевич является основоположником промышленной токсикологии, его монографии «Общие основы промышленной токсикологии», «Основные принципы лечения острых отравлений», «Общее учение о наркотиках и наркозе» и другие актуальны до сих пор. Во время Великой Отечественной войны профессор Н.В. Лазарев – начальник кафедры фармакологии Военно-морской медицинской академии. В 1943 году в Кирове, куда была эвакуирована академия, выполняя военный заказ, Николай Васильевич на курсах – лучших бегунов академии испытывал новый препарат, состоящий из фенамина и прозерина, – прозамин. В первой десятке курсантов-бегунов был Израиль Ицкович Брехман.

При отъезде на Тихоокеанский флот И.И. Брехман получил от шефа напутствие: «Уж, коль судьба забросила Вас на Дальний Восток, то сам Бог повелевает Вам разобраться в загадке женьшеня». Для координации многочисленных исследований женьшеня в 1949 году по инициативе Николая Васильевича при Президиуме ДВФ АН СССР был создан Женьшеневый комитет. В июне 1951 года Президиум АН СССР рассмотрел вопрос «О работе Дальневосточного филиала Академии наук СССР по изучению корня женьшеня и мероприятиях

по дальнейшему развертыванию исследований и внедрению в медицинскую практику препаратов корня женьшеня». Докладчиками были председатель Президиума ДВФ СО АН СССР В.С. Слодкевич и профессор Н.В. Лазарев. Большой интерес он проявлял к исследованиям по элеутерококку и в 1959 году представил экстракт элеутерококка на рассмотрение Фармакологической комиссии Ленинградского горздравотдела, который разрешил клиническую проверку препарата. Николай Васильевич привлек к элеутерококку внимание Всесоюзного объединения «Медэкспорт», в результате чего экстракт элеутерококка (не сырье!) экспортировался в 15 стран. Внедрением препаратов женьшеня и элеутерококка в медицинскую практику дальневосточники обязаны Н.В. Лазареву.

Ганс Селье (Hans Hugo Bruno Selye, 1907–1982) – врач, патофизиолог с мировым именем, основоположник учения о стрессе. Поначалу учился в медицинской школе при Карлове в университете Праги, затем в Риме и Париже, вернувшись в Прагу, вплотную занялся научной работой, покинул Прагу, имея степень доктора медицины и степень доктора философии по органической химии. В 1933 году Селье начинает научную деятельность в университете Макгилла в Монреале (Канада) в качестве эндокринолога и биохимика. В 1945–1976 гг. он директор Института экспериментальной медицины и хирургии Монреальского университета. Вышедшая в 1936 году в журнале “Nature” статья “A Syndrome produced by diverse poisonous agents” познакомила биологов и медиков с концепцией стресса и оказала существенное влияние на ряд медико-биологических исследований в разных странах (эта дата считается началом концепции «стресса»). В начале 50-х годов в СССР считали концепцию стресса Селье ненаучной, но позже она нашла признание и у нас в стране, в 1960 году монография Селье под названием «Очерки об адаптационном синдроме» была переведена и издана, в медицинской среде считалось моветоном не быть знакомым с ней.

Устойчивость организма к действию различных раздражителей – основная проблема медицины. Заняться решением некоторых аспектов этой проблемы решил Олег Иванович. Научное изучение средств, повышающих неспецифическую устойчивость организма,

началось после работ Ганса Селье и Н.В. Лазарева. Одним из первых фармакологов, включившихся в решение этой проблемы, был Олег Иванович. В основу исследования были положены «триада Селье» (стадии стресса: тревоги, резистентности, истощения) и «триада стресса» (гипертрофия надпочечников, атрофия тимуса, изъязвления желудка), в качестве тест-препарата взят элеутерококк. Работы Олега Ивановича на экспериментальных моделях стресса дали толчок к пониманию некоторых механизмов адаптогенного действия элеутерококка. Элеутерококк проявлял стресс-лимитирующее действие, продлевал стадию резистентности, ограничивая гипертрофию надпочечников, инволюцию тимуса, эрозивное поражение желудка. На основании полученных данных была написана кандидатская диссертация «Изучение некоторых механизмов адаптогенного действия элеутерококка» и успешно защищена в Томске (1964 г.). Через полгода Олегу Ивановичу пришлось отстаивать положения своей работы на Пленуме ВАК Совета Министров СССР – во Владивосток вернулся кандидатом медицинских наук. Это были годы «безальтернативного господства официальной фармакологии с приоритетным значением синтетических препаратов» (Гичев Ю.П., 2002), например, с затруднениями прохождения диссертаций в ВАК столкнулись И.И. Брехман, М.А. Гриневич, Б.Ю. Сальник, не утверждены были диссертации М.В. Щиченкова, Я.З. Гинзбурга.

По материалам диссертации О.И. Кирилловым была написана и издана монография «Опыт фармакологической регуляции стресса» (Владивосток, 1966). На многих кафедрах патофизиологии медицинских институтов эта маленькая монография в сто страниц была настольным пособием: в пору отсутствия интернета и нехватки реферативных журналов она давала первичные знания о стрессе и адаптогенах.

Работы О.И. Кириллова и И.В. Дардымова стали фундаментом знаний и данных об элеутерококке, что привело к активному его использованию в различных сферах медицины, животноводства, ветеринарии, пищевой промышленности, спорта. Тесные связи с учеными различных научных учреждений страны и врачами промышленной, спортивной, космической медицины способствовали широкому внедрению элеутерококка в практическую медицину.

Но были поводы для огорчения. Элеутерококк успешно использовался в спортивной медицине при подготовке и восстановлении спортсменов различных видов спорта. В 60-х годах в СССР особое внимание было обращено на развитие научной работы в сфере

физической культуры и спорта, привлечены были учреждения Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР. Всесоюзный НИИ физической культуры и спорта (директор А.В. Коробков) сотрудничал с коллективом И.И. Брехмана. Так, элеутерококк использовался в предолимпийской подготовке спортсменов на Всесоюзной Главной Олимпийской базе СССР, расположенной на высокогорном Цахкодзоре (Армения). В 1968 г. в Гренобле (Франция) проходила Белая (Х Зимняя) олимпиада – личный проект Президента Франции Шарля де Голля. По разным причинам она оценена неудачной, но повод ее запомнить был. Новшеством МОК (Международного олимпийского комитета) оказались допинг-контроль и тесты на гендерное соответствие женщин. Допинг обнаружить не удалось: 86 спортсменов, подвергшихся проверке, испытание прошли. Между тем МОК через несколько месяцев после олимпиады прислал в Институт биологически активных веществ вердикт: элеутерококк является допингом (позже это заключение было отвергнуто, и он официально в соответствии с Антидопинговым кодексом разрешен к применению в спортивной медицине). В газете «Правда» (1972) было опубликовано неаргументированное сообщение о бесполезности элеутерококка. Это сообщение несколько охладило интерес к элеутерококку, но не у коллектива И.И. Брехмана.

В шестидесятые годы адаптогенные свойства элеутерококка в основном изучали отечественные ученые. За рубежом интерес к элеутерококку появился только после двух публикаций: первая – Brekhman I.I., Kirillov O.I. Effect eleutherococcus on alarm-phase of stress // *Life Sciences*. 1969. Vol. 8, pt 1. P. 113–121; вторая – Brekhman I.I., Dardymov I.V. New substances of plant origin which increase nonspecific resistance // *Annual Review of Pharmacology*. 1969. Vol. 9. P. 419–430. И сегодня интерес к элеутерококку велик, в современной базе биомедицинских публикаций PubMed за последние десять (2016–2026 гг.) о нём представлено 870 научных статей, «послужной» список элеутерококка – 3500 библиографических источников.

Наряду с работами по фармакологии элеутерококка Олег Иванович продолжал изучать морфологическую структуру надпочечников, которые являются органом-маркером стресса. К 1973 году получен солидный материал, опубликована монография «Клеточные механизмы стресса», Олег Иванович выходит на защиту докторской диссертации. В Томске успешно защищена диссертация, но ... в ВАК поступило письмо с отрицательной характеристикой диссертационной работы

(не черных оппонентов!) – и она не принята к рассмотрению. Между тем Олег Иванович не изменил своему научному интересу и, продолжив начатые исследования, убедился в правоте выводов прошлой работы, написал еще две монографии на заданную тему: «Процессы клеточного обновления и роста в условиях стресса» (1977), «Стрессовая гипертрофия надпочечников» (1994). Актуальность изучения стрессовой гипертрофии надпочечников обусловлена увеличением значения хронического стресса в жизни современного человека. Докторская диссертация была защищена в 1996 году – О.И. Кириллову присуждена степень доктора медицинских наук. Проведенное Олегом Ивановичем систематизированное исследование динамики гипертрофии надпочечников в течение действия на организм хронического стресса и в реадaptационном периоде после него заполнили значительные пробелы в фундаментальной биологии.

Авторитет Олега Ивановича у специалистов, изучающих стресс, СНПС, адаптацию, адаптогены был очень высок. Многолетняя рабочая дружба связывала его с Федором Ивановичем Фурдум, Себастьяном Харлампиевичем Хардарлиу (Институт зоологии и физиологии, Кишинев), Атко Аугустовичем Виру (Тартуский университет), Любовью Хаимовной Гаркави (Ростовский НИИ онкологии), с фармакологами коллектива Альберта Самойловича Саратикова (Томский медицинский институт). Вместе с доктором медицинских наук, полковником медицинской службы, единственным специалистом в космической кардиологии из Института медико-биологических проблем Минздрава СССР Романом Марковичем Баевским и физиологом-математиком Семёном Зиновьевичем Клёцкиным О.И. Кириллов написал монографию «Математический анализ изменений сердечного ритма при стрессе» (1984). Книга до сегодняшнего дня популярна среди специалистов прикладной физиологии, патофизиологии, клиницистов и имеет свыше 2900 цитирований.

Фундаментальные работы Олега Ивановича о механизмах хронического стресса и методах поиска и тестирования стресс-лимитирующих лекарственных средств были новаторскими и послужили толчком к использованию таких лекарственных средств при хроническом стрессе и болезнях, им обусловленных, у нас в стране и за рубежом. Эти работы общепризнаны и актуальны сегодня.

Нужно отметить ещё одну стезю его рабочих интересов. В стенах Института биологии моря ДВО РАН (ИБМ) Олег Иванович проработал более сорока лет. В 1973–1985 гг. он возглавлял Лабораторию

физиологии и адаптации, это был период изучения теоретических основ хронического стресса. В 1985–1992 годах он возглавлял Лабораторию морской фармакологии. Совместно с сотрудниками лаборатории биохимии липидов ИБМ Н.А. Латышевым и С.П. Касьяновым изучал биологическую активность концентратов полиненасыщенных жирных кислот 3W-серии из жира иваси. В сотрудничестве с Тихоокеанским институтом рыбного хозяйства и океанографии (профессор Т.Н. Слуцкая) под его руководством изучены в качестве пищевой добавки препараты из кукумарии *Cucumaria japonica*, с Тихоокеанским океанографическим институтом (заведующий Отделом биохимических технологий Ю.И. Добряков) – в качестве лечебно-профилактической пищевой добавки – экстракт из туники асцидии *Halocynthia aurantium*. Результаты этих работ стали основой диссертационных работ к. м.н А.Ю. Горькавой, к. м. н. Е.Ю. Добрякова, к. б.н Л.Н. Лесниковой, к. б. н. П.А. Тюпелеева. Наряду с этими исследованиями он активно занимался проблемами прикладной физиологии, в частности, изучением возрастной динамики показателей сердечно-сосудистой системы водолазов, работающих на малых и средних глубинах (диссертационная работа к. м. н. Е.Г. Мирошникова).

Олег Иванович был отлично посвящён в биологические и медицинские исследования в ДВО РАН – он долгое время по совместительству возглавлял Сектор биологии и медицины в журнале «Вестник ДВО РАН», был авторитетным экспертом в большом числе научных проектов в области медицины и биологии.

Пятьдесят пять лет трудовой деятельности! В связи со сменой локализации Отдела фармакологии и физиологии адаптаций работал в трёх институтах: Биолого-почвенный институт (1962–1964), Институт биологически активных веществ (позже Тихоокеанский институт биоорганической химии, 1964–1972), Институт биологии моря (1973–2016). Олег Иванович пережил трансформацию государства, Российской академии наук, системы образования и здравоохранения, Института биологии моря. Он прошел путь от старшего лаборанта до заведующего лабораторией, получил звания и должности, учил студентов и аспирантов, способствовал профессиональному росту биологов и медиков Сибири и Дальнего Востока, создав Диссертационный совет по специальности 03.00.13 – физиология (биологические и медицинские науки).

Общественная и педагогическая деятельность приносила ему истинное удовольствие. На общественных началах О.И. Кириллов

был ответственным за выставки ИБМ на самых разных площадках: неоднократно они демонстрировались у нас на ВДНХ, за рубежом – во Франции, Японии, Австралии, ГДР, Турции.

Студенты его обожали за живое, непринужденное чтение лекций и ведение занятий с привлечением примеров из литературы, искусства и даже юриспруденции. Одиннадцать его диссертантов – свидетели терпеливого наставничества и того, как много времени и внимания он уделял их работе, написанию и оформлению ими диссертаций, а затем – и самой процедуре защиты.

Олег Кириллов! Каким он был

Олег любил людей, не чинясь, вел разговоры с пассажирами в электричке, бабушками в деревне, продавцами на рынке, девочками на колхозном поле. Его коммуникабельность, умение создавать непринуждённую атмосферу очень пригодились ему, когда в 1970 году он оказался в новом социуме – ему пришлось оставить привычную зону комфорта и пребывать в течение семи месяцев на борту научно-исследовательского судна ТУРНИФа «Альба», ведущего плановую работу у берегов Новой Зеландии.

Друзья, коллеги, малознакомые люди получали от Олега помощь в самых разных сложных жизненных ситуациях. В нём была житейская хитринка, он мог выдать колкую сентенцию или отпустить смущающую шутку, но был незаменимым находчивым тамадой, с его участием любое застолье проходило веселее и ярче. А сколько «виршей» им написано для родных и друзей по случаю приятных моментов жизни и звучных дат! Его интервью и статьи, посвященные научным событиям или значительным датам сотрудников, были живыми и интересными.

Олег был способен на мелкое хулиганство – мог вскочить на стул и прочесть стишок:

Что за шум, что за гам,
Едет Рейфман по полям,
Он картошку на них собирает,
И все пятнышки на ней изучает.

И Москву забыл, и Крайком,
И шабли с ОС коньяком,
И театр, и милых подруг,
А «Potato virus Y» – ему лучший друг.

А в колхозах его люди ждут,
Вместе с ним по полям бредут,
Наблюдают листочки скрученные,
Палящим солнцем измученные.

(посвящено Владимиру Григорьевичу Рейфману – известному вирусологу из Биолого-почвенного института ДВО РАН).

А это его посвящения женщинам лаборатории к 8 марта 1973 г.

Маргарите Андреевне Гриневич:

Всегда приветлива, строга,
Участлива к больным, кудрява.
Лейкозным доктором слыла,
Пришла теперь другая слава!

И за научные дела
Здесь королевой прослыла.
Женьшеню нужен ГОСТ?
Ответ и мудр, и прост –

Вот вам система ПЕД!
Я свой исполнила обет!

Аиде Владимировне Климашевской:

Ей Кáрер душу повернул
На все шестнадцать румбов сразу.
Судьбу nach Osten развернул,
Свердловск не вспомнила ни разу.

Марии Андреевне Дьяковой:

Она всеобщий фаворит.
Мышей гоняет, чай варит,
Отчёт по свекле составляет.
Ей каждый счастья желает!

Или: заказывая номер для Игоря Васильевича Дардымова в гостинице Томска, он представил его как «известного атомщика», а в Кишинёве – как племянника министра внешней торговли СССР Анастаса Ивановича Микояна. По кишинёвской гостинице пошел слух, что к ним заселяется сын Артема Ивановича Микояна, известного авиаконструктора. Встречу с наивысшим пиететом Игорь Васильевич принял как норму, на его колоритном лице ни мускул, ни ус не дрогнули (он и сам был великим шутником).

Олег и его жена Наталья Борисовна были большими книголюбителями, имели прекрасную библиотеку, удивляла в ней подборка томов серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»). Олег любил, знал поэзию и сам увлеченно писал стихи.

Тучи

Тучи маются над лесом,
Нужен дождь земле и хлебу.
Тучам душно, тучам тесно,
И уже мало им небо.

Тяжелы они, как вата,
Тяжелы они, как латы,
Тяжелы они, как веко
У больного человека.

Но смиряют тучи ропот,
Только где-то и глубоко
То ли вздох, то ли рокот:
О-хо-хо да о-хо-хо!

Шубка

Дама N. купила шубку.
Шубка – это вам не шутка.
По масштабу наших цен,
По карману дамы N.

Кто-то спросит: «Вы откуда?».
Кто-то охнет: «Это вы?».
Как звезда из Голливуда –
В норке с ног до головы.

Расступись честной народ!
Дама N. гулять идет.
Мимо окон и балконов,
Мимо взрослых и ребят.
Как стакан до края полный
Дама N. несет себя.

В городе переполох:
Справа – «Ах!», слева – «Ох!»
В нашем городе портовом,
Где сплошные мужики,
В нашем городе, в котором
Моряки и рыбаки.

Дама N. домой приходит,
От квартиры ключ находит,
Дама N. включает свет –
Шубка есть, а мужа нет.

Дама N. вокруг глядит,
Стала простенькой,
По щекам ее бежит
Струйка хвостиком.

Любите жен

Любите жён! Из девушек других
Вы в жены взяли лучшую из них.
Так берегите их сильнее, чем око,
Ведь с вами им теперь идти далёко.

Любите жён! Когда они в соку.
И ночью почему-то плохо спится,
Преодолев дневную суету,
Она с восторгом под тебя ложится.

Любите жён, когда они родят детей,
На вас похожих дуростью своей.
Пелёнки, ночь без сна и школа – вот
Неполный перечень для матерей забот.

Любите жён, ведь жизнь быстрее света!
И пролетает очень быстро лето.
Вы не заметили? А внуки уже тут
И бабушкой твою жену зовут.

Любите жён, когда они стареют
И ничего поделать с этим не умеют,
Когда, прищурившись в очках навстречу свету,
Они рецепт на жизнь несут в аптеку.

Любите жён, когда они белее снега,
И, палочкой стуча, идут за хлебом,
Когда, упав на стул, вздохнут устало
О том, как было раньше и как нынче стало.

Из дикого народа вышел я

Из дикого народа вышел я,
И дикая струится кровь по жилам.
Под стук копыт и шёпот ковыля
Танцует в сердце пламя древней силы.

Приросшие к седлу, ведомые мечтой,
Они сквозь степь с наивной верою
Несли Тимуровой стрелой,
Шли строить узкоглазую империю.

Но с гиканьем пройдя из края в край
Под месяцем, что был кровав и светел,
Они оставили не выдуманный рай,
А только разрушения и пепел.

Усталый коршун, смерти недоступный,
Средь группы трупов, предок мой Тимур
Был стар, зато играл он крупно,
И кто решился б быть ему судьёй?

Средь жатвы смерти, жизнь стремясь посеять,
Щитом прикрыв уже не грудь, а стыд,
Девчонку белокошую, зверея,
Мой предок потащил в кусты.

Захлёбывались войны в крови,
Железо о железо скрежетало,
В кустах вершилось таинство любви,
И жизни зарождалось начало.

Перелистнёт история века,
События оценивая скупое.
Расставит время на свои места
Людскую мудрость и людскую тупость.

Что нам Тимур, кого он ввергнет в шок?
Ему в учебнике – не больше полстраницы.
А если кто его и убоится –
Школяр, о нем не сделавший урок.

Травую заросли давно пожарища,
Забыты все раздоры и обиды.
Зато по всей земле рождаются
Такие вот, как я, гибриды.

Как волос золотой с глазами узкими,
Так дикие степные ковыли
С ромашками и васильками русскими
В моей перемешались крови.

(предки Олега Ивановича по линии отца родом из Касимовского ханства).

Цель этой статьи – не воспроизвести послужной список О.И. Кириллова и полное его жизнеописание, а показать дело, которому он служил и которое ценно для теоретической и практической медицины.

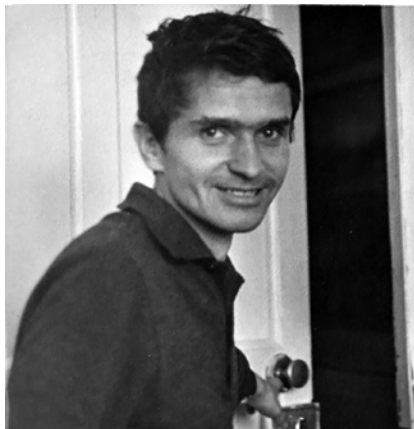
Многие из тех, кто знал Олега Ивановича, вспомнят другие факты и события из его жизни, свои впечатления от общения с ним, я уверена, что эти воспоминания будут веселыми и теплыми.

Элеонора Израилевна Хасина

14 апреля 2026 г.

ПРОФЕССОР ОЛЕГ ИВАНОВИЧ КИРИЛЛОВ. СЛОВА ПАМЯТИ

(1.02.1937–14.08.2020)

Прервался очень не простой, но очень яркий и увлекательный жизненный путь удивительного, бескрайне неординарного человека Олега Ивановича Кириллова. Это был человек, влюбленный в жизнь и науку.

Свою первую встречу с Олегом Ивановичем я помню очень отчетливо, что удивительно, так как это было достаточно давно. Мы случайно встретились, когда он наставлял своего аспиранта Ольгу Мирошникову. Можно было бы, конечно, сказать, что, как только я его увидел, я сразу проникся к нему уважением и сразу был покорен его глубоким интеллектом. Но нет. Олег Иванович в тот момент был очень импульсивен, говорил быстро и сам хихикал над своими же шутками. Хотя разговор был совсем не шуточный, может быть, поэтому я и запомнил эту встречу, обсуждались какие-то сложности с предстоящей защитой Ольги и Олег Иванович пытался таким образом поддержать свою ученицу.

На тот момент я подумал о том, вот как бывает, не везет с руководителями и, конечно, даже и не мог представить, что совсем скоро мое мнение об этом человеке диаметрально изменится, а я уже буду на месте его ученика.

Жизнелюбие и твёрдый характер Олег Иванович приобрёл уже в детстве. Родился в 1937 году и встретил войну в возрасте 4-х лет

в Вильнюсе, через два дня нападения фашисткой Германии на СССР. С его слов, он хорошо помнил марширующих немецких солдат и даже одного, который угостил его конфетой. В первые дни войны у Гитлера было все успешно, солдаты Вермахта не выглядели жестокими, ужасы и бесчеловечность, с которыми ассоциируется та война, проявятся позже.

Отца О.И. Кириллова, военного врача-хирурга, сразу отправили в прифронтовую зону, с войны он не вернулся, погиб в 1942. Мать, медсестра госпиталя, не успела добежать до детей, в город вошли немцы, она сразу же попала в плен. С этого момента четырёхлетний Олег со старшим братом 11-и лет и младшей сестрой 2-х лет, оставшиеся на попечении дедушки, успели покинуть Вильнюс и эвакуироваться в теплушках. По дороге маленький Олег потерялся. Дедушка его смог найти только через два дня. Представляете, два дня 4-летний ребёнок был предоставлен себе! Прибыли в Горький, затем в деревню Котловку на Каме. Вскоре дедушка и бабушка умерли. Время скитания и попрошайничества! К счастью, их нашла тетя – сестра матери, приютила и пристроила Олега с сестрой Люсей в дошкольный детский дом в г. Елабуга (Татарстан).

На мои расспросы, как удалось ребенку пережить эти совсем не простые годы, мой учитель сказал, что, хотя всё было непросто, но он никогда не болел, и его жизнестойкость и сообразительность помогали ему. Когда я с удивлением спросил: «Как, вообще не болел?». Он с улыбкой ответил: «Если бы я заболел, то умер». Вот такое суровое детство!

Мальчик, оторванный от родителей, вначале попал в детдом, затем периодически сбегал из него и какое-то время жил самостоятельно, практически беспризорником, а затем возвращался (так я запомнил с его слов). В такие моменты интересно сравнение с другими яркими личностями. Например, с Василем Ивановичем Чапаевым, который тоже родился в феврале, отличался с детства независимым характером и способностью принимать самостоятельные решения в сложных ситуациях, вот один из случаев. В детстве Василия наказали и оставили взаперти на холодном чердаке. Почувствовав, что здесь он может просто замерзнуть до смерти, он выбил окно и выпрыгнул из него. Несмотря на то, что при падении будущий командарм получил серьезные увечья, он нашел в себе силы дойти домой, по холоду, без теплой одежды, и тем самым спасся. Так формируются характер и жизнестойкость человека.

После войны Олег Иванович Кириллов с сестрой вернулись в Горький (ныне Нижний Новгород). Жили у тети, и тут же в Горьком семья, хоть и неполная, искалеченная войной, восстановилась – из плена вернулась его мать.

В этом же городе он и продолжил жить в послевоенные годы. Окончил школу, а затем, как и отец, получил звание врача в местном медицинском институте (1954–1960 гг.). Горьковский медицинский институт в те годы считался одним из престижных медвузов СССР.

Мы с Кирилловым не разговаривали на тему, как он оказался в Приморском крае, всегда хватало других тем для общения, да у меня вопрос как-то не возникал даже, так как он, на мой взгляд, выглядел самым настоящим дальневосточником. Зато эта часть биографии хорошо известна коллеге Олега Ивановича, прекрасному ученому и удивительного такта человеку Элеоноре Израилевне Хасиной. Вот, что она пишет об этих судьбоносных годах его жизни: «Олег Иванович Кириллов, выбрал специальность терапевта в медицинском вузе. Учился с азартом, находил время на общественную деятельность. Выезжал на освоение целины в Казахстан и уборку урожая в Алтайский край. На 3-м и 4-м курсах – член комитета ВЛКСМ, ответственный за работу бригады содействия милиции. На 5-м курсе был избран членом профкома института, был председателем общественного суда. В студенческие годы успел опубликовать 4 научные работы, получал стипендию имени И.В. Сталина. После окончания медицинского института вместе с молодой женой по распределению отправляется на Дальний Восток. Так как он прекрасно учился, он мог попроситься и в более «теплые места», но его тянуло к новому. Неизведанному! Таким Дальний Восток был в те годы, во многом таким остался и сейчас.

Свой трудовой путь Олег Иванович начал в должности врача-терапевта в больнице Водздрава в городе Находка. В 1961 году получил специализацию по кардиологии. С 1962 года в должности старшего лаборанта, через полгода уже младшего научного сотрудника, начал работу в Лаборатории растительного сырья Биолого-почвенного института ДВФ СО АН СССР. В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию «Изучение некоторых механизмов адаптогенного действия элеутерококка». В этом же году его лаборатория была переведена во вновь созданный Институт биологически активных веществ ДВФ АН СССР.

В 1970 году был членом экспедиции на судне ТУРНИФа «Альба» к берегам Новой Зеландии для выяснения влияния испытаний Французской атомной бомбы на водоросли и грунт.

В период с 1973 по 1985 год Олег Иванович возглавлял лабораторию физиологии и адаптации Института биологии моря ДВНЦ АН СССР. С 1985 по 1992 гг. возглавлял лабораторию морской фармакологии ИБМ ДВНЦ АН СССР. В 1996 году защитил докторскую диссертацию «Стрессовая гипертрофия надпочечников».

В течение двадцати лет читал лекции по экологической физиологии на кафедре экологии Дальневосточного государственного университета.

О.И. Кириллов был председателем в Региональном диссертационном совете КМ 005.008.01 при Институте биологии моря ДВО РАН, принимавшим к защите диссертации по специальности 03.00.13 физиология. Был членом диссертационных советов Д 005.008.001 при ИБМ ДВО РАН и диссертационного совета ДМ 208.007.02 при Владивостокском государственном медицинском университете.

О.И. Кириллов имеет ряд благодарностей, награжден многими грамотами, в том числе Почетной грамотой Президиума РАН».

Под руководством Олега Ивановича одиннадцать соискателей успешно защитили кандидатские диссертации, в том числе и я.

Наше второе настоящее знакомство состоялось в 2008 году. У меня уже был готов текст диссертации, имелось необходимое количество публикаций в журналах, рекомендованных ВАК. Тема диссертационной работы – «Исследование черепно-мозговой травмы методом магнитно-резонансной томографии (МРТ) и ядерно-магнитной спектроскопии и методы её лечения». Эти исследования были проведены мной совместно с коллективом аспирантов-врачей из ТГМУ, так как работа была выполнена самостоятельно, то мне необходим был руководитель. Олег Иванович ознакомился с результатами моей работы, а также с уже готовым текстом на 156 страницах. Он дал свое согласие быть моим руководителем и на то, чтобы я защищался в его диссертационном совете. В результатах своей работы я был уверен, и, если честно, рассчитывал защититься очень быстро. Руководитель диссертации и председатель диссертационного совета в одном лице, да какие могут быть трудности! Как я ошибался!

Олег Иванович не подошел формально к работе, магнитно-резонансная томография до встречи со мной никогда не лежала в области его научных интересов, но она ею стала. В течение полугода он досконально изучал данный метод и результаты моих исследований. Текст диссертации был сокращен на 50 страниц, дополнен и доработан. И тут у моего руководителя случился инсульт, вновь к совместной

работе мы смогли приступить лишь через полгода. Затем, когда текст диссертации был доработан, мной были сданы все необходимые дисциплины и с бюрократической точки зрения я был готов к защите, закрыли диссертационный совет на реорганизацию. В общем, быстрой победоносной войны не получилось. Мой путь к защите диссертации продлился до декабря 2013 года. Защита состоялась в Санкт-Петербурге, в Институте физиологии им. И.П. Павлова РАН. Этот институт, носящий имя первого нобелевского лауреата России «за работу по физиологии пищеварения» Ивана Петровича Павлова, авторитетнейшее учреждение с широким спектром научных направлений, например, нервные, гормональные механизмы деятельности внутренних органов в норме и при экстремальных условиях, или физиологические и онтогенетические механизмы повышения устойчивости мозга к неблагоприятным воздействиям.

Трудности не покидали меня ни на минуту, но благодаря ответственной работе руководителя, защита прошла успешно. Я получил 22 голоса «за» и один «против». После голосования ко мне подошел Валерий Павлович Лебедев (д. м.н, проф., заведующий группой механизмов транскраниальной электростимуляции ИФ им. И.П. Павлова, лауреат Государственной премии СССР, Заслуженный деятель науки РФ) и сказал, что это он проголосовал «против», чтобы я не зазнавался. Мыслей таких у меня, конечно, не было, да и вообще никаких. Защита длилась почти два часа, и было задано бесчисленное количество вопросов.

Олег Иванович, несмотря на то, что состояние его здоровья оставляло желать лучшего, находил в себе силы для работы и в 2017 году дополнил и закончил подготовленную к печати ещё в 1971 году книгу «Ищу панацею». Хочется верить, что эта монография будет интересна молодому поколению учёных, даст им представление о первых шагах в науке, посоветует не изменять поставленной цели и быть устойчивым к любым «стрессовым» ситуациям, иначе – вдохновит в будущем новых исследователей на новые свершения.

Качества характера Олега Ивановича, приобретённые в годы сурового детства, оставались при нём всю жизнь. Он шел к поставленным целям, не позволяя себе быть сломленным трудностями. Пожалуй, достаточно описать один факт из биографии этого известного ученого, чтобы понять, что и в своей научной деятельности он был не только ученым, но и личностью. Так случилось, что доктор биологических наук, профессор О.И. Кириллов для того, чтобы получить ученую

степень доктора наук должен был защищать докторскую диссертацию дважды. После первой удачной защиты в 1972 г. в Томском университете, Олег Иванович стал жертвой внутриинститутских политических интриг. После определенных вынужденных маневров оппонентов, его лишили докторской степени. Не так просто найти в себе силы и продолжить работать дальше после таких ударов судьбы, но только не для этого человека. Спустя годы, О.И. Кириллов защитил докторскую диссертацию повторно. И это была не доработанная старая диссертация, а новый научный труд, который он предоставил на рассмотрение диссертационного совета.

Таким образом, этот удивительный человек испытывал стресс от защиты своих научных знаний и убеждений три раза, один раз при защите кандидатской диссертации и два раза при защите докторских. Возможно, это позволило ему глубже понять основной объект его исследований – «стресс»?!

Константин Дроздов,

научный сотрудник лаборатории физико-химических методов исследований ТИБОХ ДВО РАН.

Кандидатская диссертация «Применение магнитно-резонансной томографии и спектроскопии для характеристики функциональных и метаболических изменений мозга в ранний восстановительный посткоммоционный период» по специальности 03.00.13 – «физиология» защищена в 2013 г.

20 апреля 2026 г.

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

После окончания Владивостокского государственного медицинского института в 2000 году я была принята в штат Института биологии моря ДВО РАН в качестве стажёра-исследователя, затем поступила в аспирантуру по специальности «фармакология», руководителем моей квалификационной научной работы был Олег Иванович Кириллов. На протяжении пятнадцати лет мне довелось общаться и работать с ним, под его руководством выполнить и защитить кандидатскую диссертацию, участвовать в создании О.И. Кирилловым Регионального диссертационного совета по специальности «физиология» в качестве учёного секретаря. Позже я приняла от него эстафету преподавания учебной дисциплины «Физиологическая экология» на кафедре экологии ДВФУ, первый опыт преподавателя я получила тоже благодаря Олегу Ивановичу. Я искренне благодарна судьбе за эти годы.

Олег Иванович был необыкновенным человеком, добрым и отзывчивым, остроумным, очень жизнерадостным. Я научилась у него, действительно, многому: это касается и профессии и отношения к жизни в целом. Он умел создавать непринуждённую атмосферу при общении, был терпеливым и великодушным. С ним можно было говорить практически обо всём, и это было оригинально и интересно. В нём абсолютно отсутствовало тщеславие.

Прошло уже много лет после нашей последней встречи, но при случае я говорю своим младшим коллегам: «Надо делать, как учил мой научный руководитель Олег Иванович Кириллов...», а ещё просто вспоминаю Олега Ивановича с теплотой и огромной благодарностью за наставничество и профессиональное становление.

Горькавая Анна Юрьевна,

к. м. н., доцент Департамента фундаментальной медицины
Школы медицины и наук о жизни ДВФУ,
учёный секретарь Диссертационного совета ДМ 005.008.01
по специальности 03.00.13 – физиология
(биологические и медицинские науки), 2008–2012 гг.

О КОЛЛЕГЕ

Скажу коротко: Олег преодолевал тяжелые жизненные обстоятельства силой воли и интеллекта, не принимая героических поз. С ним взаимодействовать было спокойно и надёжно.

Юргенс Инна Леопольдовна,

кандидат биологических наук.

Под руководством О.И. Кириллова ею выполнена диссертационная работа «Морфология надпочечников при длительном стрессе», 1973 г.

О ФИЗИОЛОГЕ О.И. КИРИЛЛОВЕ

С Олегом Ивановичем Кирилловым был знаком более пятидесяти лет. В 1973 году в наш институт переводом пришёл Отдел фармакологии и физиологии адаптации с большим коллективом, около двадцати сотрудников. Специфика научной деятельности отдела существенно отличалась от рабочей тематики ИБМа, не всеми она была понята и принята. Среди коллектива фармакологов выделялся энергичный, коммуникабельный молодой ученый – физиолог и фармаколог Кириллов. Совместные поездки в электричке на работу, общие заседания на ученых советах, общение на институтских научных семинарах позволили составить представление об этом человеке. Прежде всего, мы познакомились с учёным, исследующим механизмы хронического стресса, его работы получили признание, как биологов, так и медиков. Врач по образованию, он проявлял широкую эрудицию в естественно-научных дисциплинах, был интересным собеседником и полемистом, его сообщения носили характер не сухого изложения, а увлекательного образного рассказа. Помнятся сообщения учёного-физиолога О.И. Кириллова на общеинститутских семинарах «О теории ортобиоза Ильи Мечникова» или «О концепции стресса Ганса Селье». Живо, интересно, интригующе. Многие из прозвучавших в его докладах цитаты этих учёных запомнились как наставления, западающие глубоко в сознание: «Стресс – это аромат и вкус жизни. Поскольку стресс связан с любой деятельностью, избежать его может лишь тот, кто ничего не делает. Стресс – это не то, что с вами случилось, а то, как вы это воспринимаете» (Селье) или «Человек способен на великие

дела: вот почему следует желать, чтобы он видоизменял человеческую природу и превратил её из дисгармонии в гармонию. Одна только воля человека может достичь этого идеала» (Мечников).

А.Ю. Звягинцев,

доктор биологических наук, доцент.

ННЦ морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН

МОИ КОРОТКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Олег Иванович Кириллов – известный дальневосточный учёный-физиолог и фармаколог, один из первых исследователей стресса у нас в стране, его работы по регуляции хронического стресса адаптогенами были пионерскими. Выбранная им тема научной деятельности принесла ему не только удовлетворение, но и необходимость не единожды отстаивать свои научные идеи – в 60-е годы прошлого века официальная медицина концепции «стресса» и «адаптогенов» подвергала ostrakizmu.

Знакомство моё с Олегом Ивановичем состоялось в далёкие 1970-е годы. Кафедра фармакологии Владивостокского мединститута, руководимая профессором Кирой Александровной Мещерской, тесно сотрудничала с Отделом фармакологии и физиологии адаптаций при Институте биологии моря. О.И. Кириллов в те годы был заведующим лабораторией физиологии и ученым секретарём «Женьшеневого комитета при Президиуме ДВФ СО АН СССР» – интегративного центра более 30 научных и производственных коллективов страны, где изучались и внедрялись в практику лекарственные средства повышенной биологической ценности. Он был хорошо осведомлен о достижениях в области изучения влияния стресса и адаптогенов на организм. Его изучение новой фармакологической группы фармакологических препаратов, повышающих защитные ресурсы организма – адаптогенов, – существенный успех частной фармакологии.

Знаю его как энергичного, эрудированного, остроумного, аналитического ума человека. Мы оба были членами Диссертационного совета по специальности «фармакология, клиническая фармакология» в Тихоокеанском медицинском университете, на заседаниях совета он был строгий, но доброжелательный оппонент, его выступления были аргументированы, ясны, лаконичны. Деловые и застольные встречи

с ним были содержательны, интересны и веселы. Мы не были близкими друзьями, но хорошо знакомы. Теперь, с публикацией этой книги у всех, знавших Олега Ивановича Кириллова, появилась возможность познакомиться с ним ближе.

А.В. Кропотов,

доктор медицинских наук, профессор

Тихоокеанского государственного медицинского университета

ВДОХНОВЛЁННЫЙ ЖИЗНЬЮ

Папа много лет время от времени упоминал свои воспоминания «В поисках панацеи», но рукопись не показывал. Только после первого инсульта он отдал нам черновики, писанные от руки на оборотной стороне коричневых от времени машинописных листов. Он всегда экономил бумагу – наверное, сказались детдомовские упражнения в письме между строк старых газет и особое уважение к ресурсам и к чужому труду.

Расшифровывая убористый папин почерк, мы погрузились в мир наших родителей до нашего появления – в непростую, но вдохновенную юной романтикой повседневность двух молодых людей, оставивших привычно размеренный Горький, ради путешествия за семь часовых поясов на восток, в неустроенную непредсказуемость Приморья. Эти страницы дышат первопроходческим азартом честной науки – воздухом Академгородка, ароматами идей, споров и экспериментов.

Это он – худощавый, чуть сутулящийся, седовласый, крючконосый, с живыми хитроватыми глазами папа заразил нас и, наверное, много еще кого вирусом неумного любопытства.

Почти каждые выходные папа водил нас в походы, взяв с собой только соль и спички. Воду и пищу нужно было добыть на месте, укрытие на ночь – построить из веток. Это было настоящее приключение – мы жадно впитывали уроки выживания и гармонии с природой, любовь к уходящим в сторону тайги поездкам и страсть к сбору ягод, грибов, папоротника, лимонника, знаний, впечатлений – чего угодно.

Когда в четыре года я (Иван) оказался один в инфекционном изоляторе, папа научил меня превращать мучительное ожидание возвращения домой в осмысленное движение вперёд. Он нарисовал календарь из двадцати четырёх (столько дней мне предстояло провести

в больнице) домиков: первый был совсем маленький, каждый следующий – чуть больше. Каждый вечер, зачёркивая один домик, я видел, как мой дом становится ближе.

Оставить нас дома было не с кем, а от детского сада родители отказались принципиально, поэтому мы часто проводили время то в виварии, то в папиной лаборатории: что-то заливали мышкам в рот, готовили ткани для микроскопии, подсчитывали под микроскопом количество тучных клеток... Потом оказывалось, что что-то пошло не так, и все начиналось сначала. Такая же дотошность была во всем.

Когда мы приносили папе школьное сочинение, он спрашивал: «Что ещё ты можешь сказать по сути?» Мы дописывали. Он повторял вопрос – дописывали ещё... и ещё раз... А потом требовалось сокращать – ещё, и ещё, и ещё. В результате, текст становился насыщенным, плотным и точным. Это была настоящая школа мышления: сначала собрать все мысли, потом убрать всё лишнее. Дальше за дело бралась мама, заставляя нас самих оттачивать форму, искать и исправлять орфографические ошибки. Так рождались не только хорошие оценки, но и привычка уважать мысль, форму и труд редактирования.

Он не жаловался и не раздражался. Да, он мог вспылить, но тут же придумывал, как извлечь пользу из того, что есть. Когда мы застревали в сожалениях или беспочвенных мечтаниях, он возвращал нас к реальности: «Если бы, да кабы, то во рту росли бы грибы», – предлагая заняться тем, что есть. Эта прагматичная философия не раз помогала нам в жизни.

Он был настолько самодостаточен и полон жизни, что мы никогда за него сильно не переживали даже после инсульта. Он и сам, видимо, не поверил в свое кровоизлияние – тихо сполз на пол и попытался поползти до кровати. В первые дни в больнице с ошалевшими глазами рвался с койки домой, пришлось привязывать.

Едва придя в себя, он потребовал авоську. Спорить было бесполезно. Его штормит и качает, а он все равно прёт – другого слова не подобрать – за хлебом, морковкой, луком...

Худошавый боец вел себя так, как будто ничего не произошло.

Использовать трость отказывался года три, но после серии феерических падений принял, но только в золотом цвете.

Ни возраст, ни пенсия, ни болезнь не могли по-настоящему отвлечь его от дела. Даже после инсульта к нему продолжали приходить диссертанты и коллеги. Он слушал, советовал, помогал. Для него жить – значило действовать, быть полезным.

Каждый день строго по расписанию – выход во двор, летом в кепке, зимой в кролике с ушами. Он входил посидеть на лавке, «ляситься-тряситься» с дворовой пенсионной компанией, но основная задача всегда – физкультура, поддержание в себе жизни. Он нахаживал круги по строго заданному маршруту вокруг дома. Потом, когда ослабел, ходил вокруг клумбы.

Седьмой этаж долго не был для него преградой: медленно, но верно – спуск и подъём по лесенке самоходом. Лифт – для молодёжи! Заработал себе на этом грыжу – только тогда понял, что это перебор, и перестал подниматься пешком. Но от спуска вниз с палочкой отказаться всё равно не смог.

Когда уже не мог сам ходить даже по дому, на прием пищи все равно вставал и садился за стол. Куда в него лезло, никто так и не понял – он всегда с аппетитом, запивал сладким чаем, от винца по праздникам не отказывался, на сухое, правда, говорил, что кислятина.

Дотошный в науке, на досуге папа писал стихи и эпиграммы. Юмор любил и шуточки отпускал до последнего дня – порой тонкие и интеллектуальные, порой на грани – в духе академических капустников. С женщинами был легок, игрив и уважителен. Когда мы ссорились с мамой, он объяснял нам ее реакции естественными потребностями – так, что злость быстро сменялась пониманием и сопереживанием.

Он смущался и избегал душевных разговоров, зато увлеченно, до краев, заполнял свою жизнь энергией действия. Эта неудержимая страстность была во всем, что он делал: в исследованиях и в катании с нами на санках, в подготовке лекций и в общении с друзьями, сотрудниками и студентами.

Добила его только пандемия!

«Покрасоваться» в открытом гробу не позволили санитарно-противоэпидемические меры, «приодеться» в пиджак тоже. Так и лег он в пакете, но в лакированном гробу с ручками под золото, как нормальный босяк из детдома.

В морге разрешили приоткрыть крышку и закинуть туда его книжку о пройденном пути и очки со сломанной дужкой на синей изолянте. Пусть читает, вспоминает, как прожил жизнь!

Мы надеемся, что эта книга познакомит вас не только с нашим папой, но и с духом эпохи становления науки в Приморье. А, может

Сыновья Олега Ивановича Кирилл (слева) и Иван. Стамбул. 26.04.2026 г.

быть, эти страницы расшевелият ваше любопытство и научный азарт и помогут сосредоточиться на том, что вас вдохновляет, отбросив все то, на что вы все равно не можете повлиять.

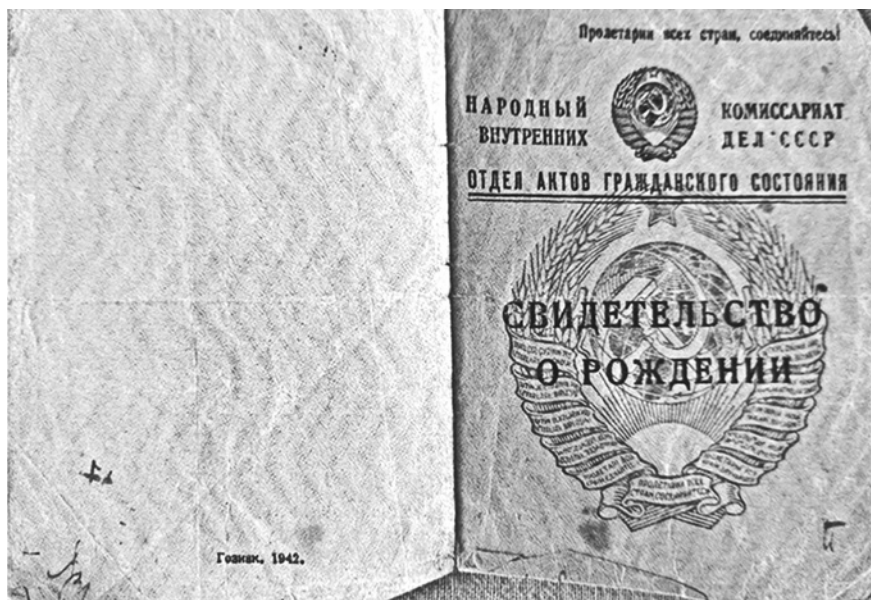
Иван и Кирилл Кирилловы

Иван Олегович Кириллов – кандидат медицинских наук, психотерапевт, психиатр.

Кирилл Олегович Кириллов – ритейл-консультант.

26.04.2026

ИЗ АРХИВА ОЛЕГА ИВАНОВИЧА (фотоистория жизни)

Иван Герасимович, Игорь, Олег, Любовь Васильевна Кирилловы.
Вильнюс. 1938 г.

Елабуга. 1946 г.

Олег, Люся и Игорь Кирилловы. Горький. 1948 г.

Олег, Любовь Васильевна, Игорь, Люся. Горький. 1948 г.

Олег во втором ряду, справа. Горький. ГМИ. 1956 г.

Знак ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель» 1956 г.

Олег – в центре.
Горький. ГМИ. 1957 г.

Алтайский край. На уборке урожая. Красный уголок колхоза. 1957 г.

Медаль получена за уборку урожая на Алтае. 1957 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

Гражданин Кириллов
Олег Иванович
1937 года рождения
имя и отчество)
Бор.
Горьковский области
и гражданка Сперанская
Найомна Борисовна
1938 года рождения
имя и отчество)
Горький
(место рождения)

вступили в брак 25. III. 1960 г.
двадцать пятого марта,
шестидесятого года
(год, месяц и число)

о чем в книге записей актов гражданского состояния
о браке 1960 года Марш месяца
25 числа произведена соответствующая запись
за № 538

После регистрации брака присвоены фамилии:
мужу Кириллов
жене Кириллова
Место регистрации Горький
Советский
Районный ЗАГС

Дата 25 марта 1960

№ ОП № 002781

Заведующий Бюро записей
актов гражданского состояния М.С.С.

Свидетельство о браке. Горький. 1960 г.

Тов. <u>Кириллов Олег Иванович</u> за время пребывания в Горьковском государственном медицинском институте сдал следующие дисциплины: 1. Основы марксизма-ленинизма <u>отлично</u> 2. Политическая экономия <u>отлично</u> 3. Латинский язык <u>отлично</u> 4. Иностранный язык <u>отлично</u> 5. Физика <u>отлично</u> 6. Биология с паразитологией <u>отлично</u> 7. Анатомия человека <u>отлично</u> 8. Гистология с эмбриологией <u>отлично</u> 9. Неорганическая химия с аналитической <u>отл</u> 10. Биологическая химия с органической, физической и коллоидной <u>отлично</u> 11. Физиология <u>отлично</u> 12. <u>Спец. курс - отл.</u> 13. Микробиология <u>отлично</u>	14. Патологическая физиология <u>отлично</u> 15. Фармакология <u>отлично</u> 16. Патологическая анатомия с секционными курсом <u>отлично</u> 17. Диагностика и частная патология с терапией <u>отлично</u> 18. Общая хирургия <u>отлично</u> 19. Оперативная хирургия с топографической анатомией <u>отлично</u> 20. Гигиена <u>отлично</u> 21. История медицины <u>—</u> 22. Факультетская терапия с курсом туберкулеза <u>отлично</u> 23. Факультетская хирургия <u>отлично</u> 24. Кожные и венерические болезни <u>отлично</u> 25. Нервные болезни <u>отлично</u> 26. Организация здравоохранения <u>отлично</u> 27. Акушерство и гинекология <u>отлично</u> 28. Госпитальная терапия <u>отлично</u> 29. Госпитальная хирургия с курсом челюстной хирургии <u>хорошо</u>
---	---

30. Детские болезни	<u>отлично</u>	Горьковский медицинский институт им. Кирова ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ Приложение к диплому № _____ ВЫПИСКА ИЗ ЗАЧЕТНОЙ ВЕДОМОСТИ (без диплома недействительна)
31. Инфекционные болезни с эпидемиологией	<u>отлично</u>	
32. Глазные болезни	<u>отлично</u>	
33. Болезни уха, горла, носа	<u>отлично</u>	
34. Психиатрия	<u>отлично</u>	
35. Судебная медицина	<u>отлично</u>	
36. Политэкономика капитализма	—	
37. Политэкономика социализма	—	
Директор института <i>[подпись]</i> Декан фак-та <i>[подпись]</i> Место печати Секретарь <i>[подпись]</i> г. Горький « 30 июля 1960 г. » Регистрационный № _____		
Тираж ГМИ Зак. 356. Тираж 500 экз. 5-1-60 г.		

Военные сборы. Находка. 1961 г.

Общежитие ДВФ АН СССР, Олег слева. Владивосток. 1962 г.

Общежитие «Академка». 1963 г.

Наташа и Олег Кирилловы, А.М. Юдин. Седанка. 1963 г.

На Седанке. 1963 г.

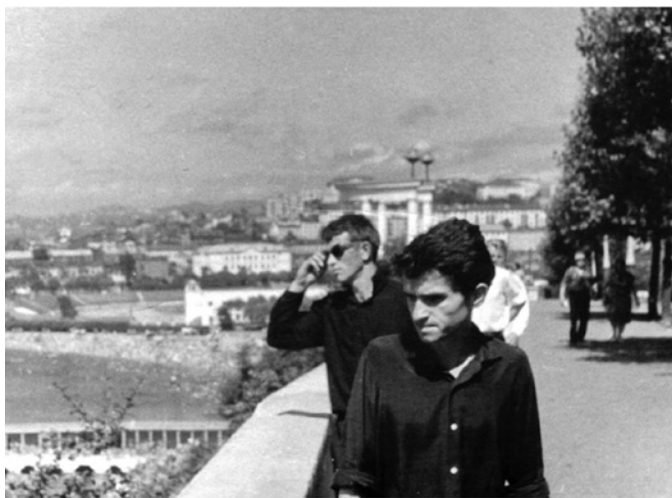
Оленесовхоз «Островной» в Амурском заливе. 1963 г.

В колхозе на Хасане. 1963 г.

Д/о «Сокол» в заливе Угловой. В центре – Н.В. Лазарев. Слева: И.И. Брехман, В.Н. Юдина, А.М. Юдин; справа: Н.Б. Кириллова, О.И. Кириллов, А.П. Лазарева. 1963 г.

На набережной Владивостока. 1964 г.

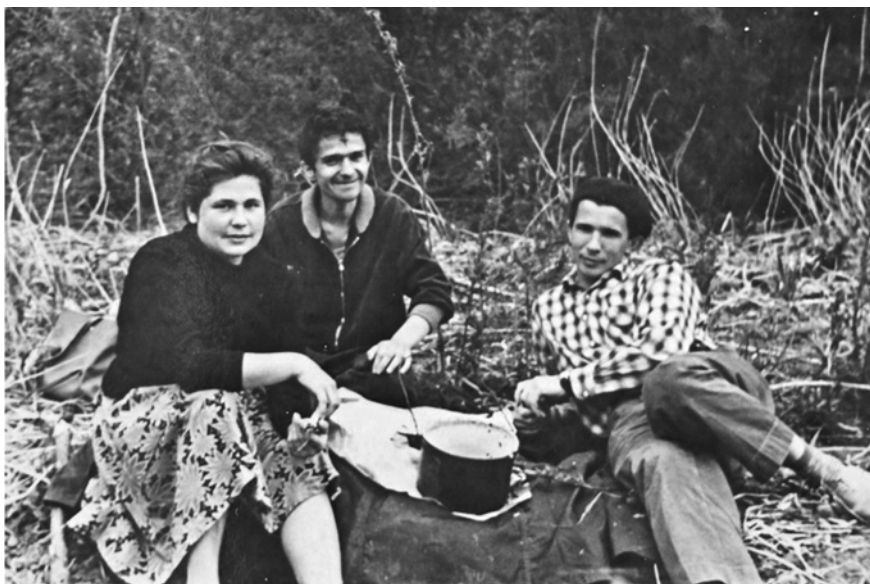

Олег и Наташа Кирилловы (в центре) с гостями. Пасха. 1966 г.

Фармакологи на отдыхе. 1966 г.

Слева направо: О.И. Кириллов, И.И. Брехман, И.В. Дардымов,
Г.Н. Бездетко, С.Е. Ли. В полёте – П.П. Голиков

С другом семьи Ю.И. Добряковым. 1966 г.

ДИПЛОМ КАНДИДАТА НАУК

ММА № 011259

Москва 28 мая 1966 г.

Решением

Совета Московского Гос. университета
от 8 мая 1966 г. (протокол N 100)

Кириллову Олегу Ивановичу

ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ КАНДИДАТА
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК

Г. И. Чирков

Г. И. Чирков

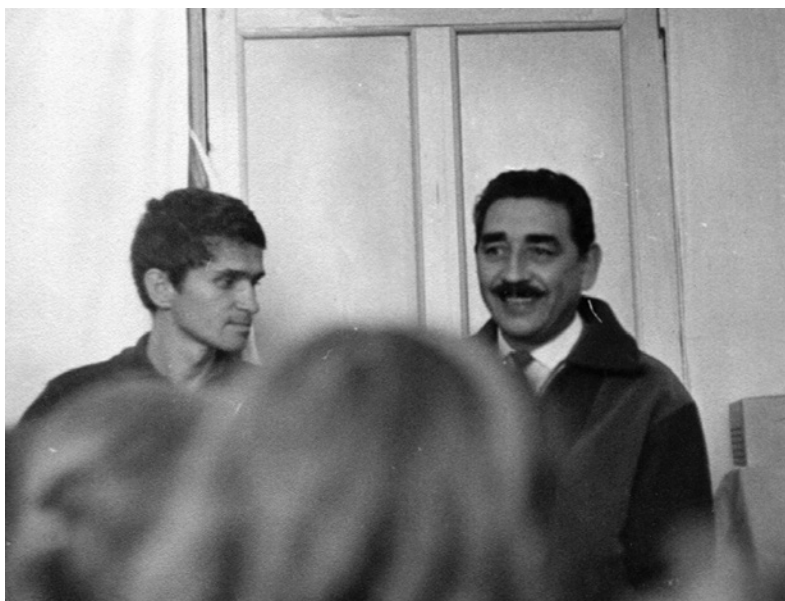
Людмила, Олег и Игорь Кирилловы на похоронах мамы. 1968 г.

В рейсе на «Альбе». 1970 г.

После рейса на «Альбе». 1970 г.

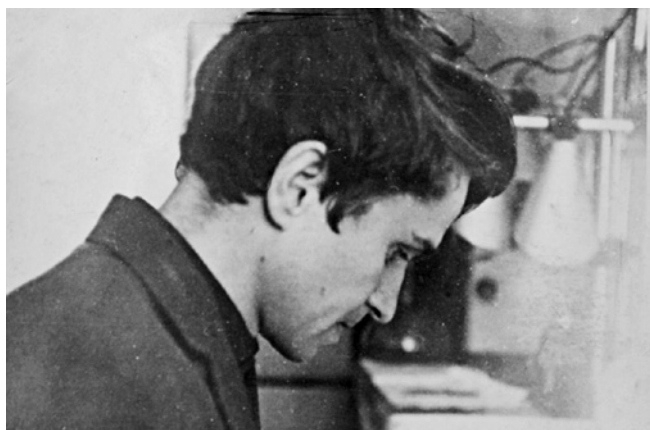
После рейса с И.В. Дардымовым. 1970 г.

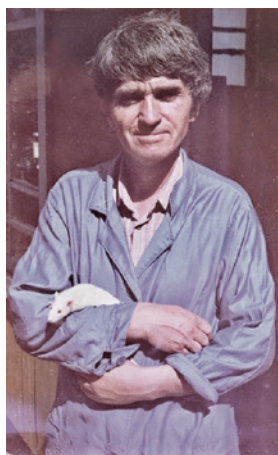
После рейса. С В.Н. Воропаевой и Э.И. Хасиной. 1970 г.

На демонстрации. Ю.И. Добряков, О.И. Кириллов, А.М. Юдин. 1970 г.

Перед докладом. 1971 г.

В лаборатории. 1970-е годы.

Военные сборы. Остров Русский. 1974 г.

В застолье. 1974 г.

Швейцарский препарат с элеутерококком – геромель. 1974 г.

Отдел фармакологии и физиологии адаптации (ФИФА) при ИБМ. 1974 г.
 Первый ряд: Дардымов И.В., Брехман И.И., Гриневич М.А., Кириллов О.И.
 Второй ряд: Дьякова М.А., Хасина Э.И., Нестеренко И.Ф., Неунылова А.Д.,
 Муртазина А., Антонова В.А., Юргенс И.Л., Ли С.Е.
 Третий ряд: Добряков Ю.И., Добрякова А.И., Голотин В.Г.

Пропуск ИБМ. 31.12.1977 г.

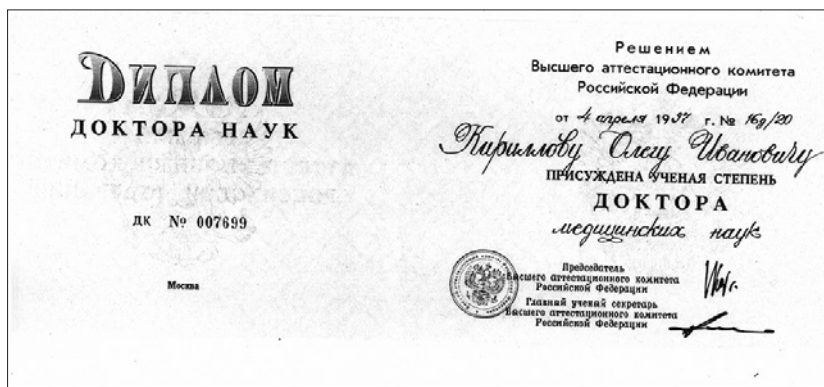
С сыновьями Кириллом (в центре) и Иваном. 1979 г.

На стройке ИБМ. 1984 г.

В библиотеке ИБМ. 1986 г.

О.И. Кириллов. 2008 г.

О.И. Кириллов и А.Ю. Горькая. 2015 г.

Лаборатория фармакологии ИБМ. 2015 г. Слева направо: нижний ряд – О.И. Кириллов, Ю.С. Хотимченко, Н.Е. Ламаш, С.П. Касьянов, А.Ю. Горькая, О.Н. Мирошникова; верхний ряд – А.В. Щеблыкина, Е.В. Демиденко, О.В. Савченко, А.А. Астахова, Т.В. Кушнерова, М.Н. Сгребнева, Е.В. Хожаненко, В.В. Ковалёв, А. Коленченко, Е.В. Уфиденко

По памятным местам. Находка. Порт. 2016 г.

Спустя 56 лет. Находка. Больница водников. 2016 г.

На льду у Института биологии моря. 2016 г.

Академическая. 2018 г.

ИЗ ОПУБЛИКОВАННОГО...

На правах рукописи

КИРИЛЛОВ Олег Иванович

СТРЕССОВАЯ ГИПЕРТРОФИЯ НАДПОЧЕЧНИКОВ

14.00.23 - гистология, цитология и эмбриология

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени доктора медицинских наук

Владивосток
1996

**ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ**

На правах рукописи

КИРИЛЛОВ
Олег Иванович

**МОРФОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАТОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ
МЕХАНИЗМОВ НЕСПЕЦИФИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ОРГАНИЗМА
К ИЗМЕНЕНИЮ УРОВНЯ МЫШЕЧНОЙ АКТИВНОСТИ**

14.00.18 - патологическая физиология

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора медицинских наук

Т о м с к
1973 г.

Объединенный межвузовский совет по биологическим и медицинским
наукам при Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева

О. И. КИРИЛЛОВ

На правах рукописи

**ИЗУЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ
МЕХАНИЗМОВ АДАПТОГЕННОГО
ДЕЙСТВИЯ ЭЛЕУТЕРОКОККА**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата медицинских наук

Томск
1984

Содержание

Вместо предисловия	3
От автора	6
ДЕТСТВО ОЛЕГА КИРИЛЛОВА (личные воспоминания)	7
Начало войны	7
Котловка	8
Детдом	11
1-й класс	12
Мама	14
Возвращение домой	15
Родственники мамы.....	17
Адаптация к домашней жизни	20
ИЩУ ПАНАЦЕЮ	25
Путь на восток	25
Больница водников	31
Поликлиника.....	34
Модный доктор.....	40
Охото-рыбачьи страсти (к теме не относится, но очень хочется рассказать)	42
Переселение	43
Хронические больные	43
Больничная палата	44
Сомнения	46
Переезд во Владивосток	50
Дальневосточное фармакологическое дело	56
Дела домашние.....	59
Женьшень	61
Безумству храбрых!.....	66
Теория стресса.....	70
Элеутерококк	74
Адаптогены и стресс.....	75
Николай Васильевич Лазарев.....	79
Сдача нового корпуса ДВФ СО АН	82
Быка за рога	85
Диссертация.....	87
Выбираю беспокойную жизнь	94
Только вперёд	96
СЕМЬ МОРЕЙ И ДВА ОКЕАНА	98
Бортовой дневник 21 марта – 22 октября 1970 г.	100
В путь	100
Веллингтон.....	108
Ловля моллюсков	110
На юг	112

Путассу.....	114
Морские будни.....	121
Возвращение в Веллингтон.....	128
Литтелтон и Крайстчерч.....	133
Снова к ревушим сороковым	134
Мак Квин.....	143
Снова Литтелтон	146
Болтанка ради денег.....	147
Мельбурн.....	151
Большой Австралийский залив. Сардина	153
На север.....	156
Сингапур	159
Домой!	161
ВЕРИЛ В РАЗУМ ПРИРОДЫ	166
Два стакана пива.....	166
«Двор князь».....	167
Пульсирующий мир	169
Магия E^e	171
Вместо заключения	173
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ О.И. КИРИЛЛОВЕ	174
Э.И. Хасина. Преданность цели	175
К.А. Дроздов. Слова памяти	193
А.Ю. Горькавая. Слово об учителе	199
И.Л. Юргенс. О коллеге	200
А.Ю. Звягинцев. О физиологе о.И. Кириллове	200
А.В. Кропотов. Мои короткие воспоминания	201
И.О. Кириллов, К.О. Кириллов. Вдохновлённый жизнью	202
ИЗ АРХИВА ОЛЕГА ИВАНОВИЧА (фотоистория жизни)	206
ИЗ ОПУБЛИКОВАННОГО... ..	230

Научно-популярное издание

Олег Иванович Кириллов

В ПОИСКАХ ПАНАЦЕИ

Корректор *Е.В. Дьюк*

Компьютерная верстка *С.В. Филатов*

Составитель книги Э.И. Хасина признательна
Татьяне Михайловне Клементьевой (Брехман)
и Геннадию Владимировичу Долгову
за оказанную помощь в создании книги.

Подписано в печать 14.07.2026 г.

Формат 60х90/16. Усл. п. л. 15,0. Уч.-изд. л. 12,4.

Тираж 100 экз. Заказ 3558.

Издательство ООО «Дальнаука»
690106, г. Владивосток, пр. Красного Знамени, 10, каб. 20.
Тел. +7 9242630160. E-mail: naukadv2000@mail.ru
<http://www.dal naukadv.ru>

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(495)107-02-68